

The Seventh International Congress on Social Sciences and Humanities

2nd April, 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2016**

«The Seventh International Congress on Social Sciences and Humanities». Proceedings of the Congress (April 2, 2016). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2016. 274 P.

ISBN-13 978-3-903115-14-9

ISBN-10 3-903115-14-2

The recommended citation for this publication is:

Busch P. (Ed.). The Sixth International Congress on Social Sciences and Humanities. Proceedings of the Congress (April 2, 2016). Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor	Petra Busch, Austria
Editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Rostislav Komarov, Russia Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Alajos Fazekas, Hungary
Proofreading	Andrey Simakov
Cover design	Andreas Vogel
Contacts	“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Study of art

*Omelianenko Oxana Vladimirovna,
St.Petersburg state Institute of culture, St.Petersburg,
postgraduate student of the Department of art history,
E-mail: dp@spbgik.ru*

German expressionism and creativity P. W. Fassbinder

*Омельяненко Оксана Владимировна,
аспирант кафедры искусствоведения
Санкт-Петербургского государственного института культуры
E-mail: dp@spbgik.ru*

Немецкий экспрессионизм и творчество Р. В. Фассбиндера

Аннотация: Целью статьи является исследование влияния экспрессионизма на творчество одного из самых ярких представителей «новой немецкой волны» Р. В. Фассбиндера. В статье произведен анализ его фильмов периода 1960–1970-х гг. и исследуются направления и формы развития, трансформации экспрессионистских приемов в творчестве режиссера. Данное исследование может помочь понять развитие экспрессионизма на протяжении XX века.

Ключевые слова: экспрессионизм, кинематограф, экзистенциализм, кино-приёмы.

В 1960-е годы в Европе после долгих запретов возрастает интерес к исследованию экспрессионизма. Темы, волновавшие художников начала XX века, оказались актуальными в середине века, когда Европа, разделенная на два лагеря, вдруг начинает переживать внутренний кризис. Это не могло не оставить свой отпечаток в культуре и, в частности, в кинематографе тех лет. Потребность в переосмыслении истории и в создании нового в искусстве привело к появлению новой волны в кинематографе и к созданию авторского кино. Для обозначения авторской позиции многие режиссеры обращались к шедеврам прошлых лет, заново открывая для себя фильмы Ф. В. Мурнау, Ф. Ланга, Л. Бунюэля, Р. Брессона

и др. Сюрреализм, экспрессионизм, дадаизм заиграл новыми красками и перевоплотился на экраны с помощью авторов другого поколения. Экспрессионистская культура 1920-х гг. получила новое рождение в переломное для Германии время — время осознания себя как нации. Характерная для экспрессионизма острая реакция на перемены в обществе, явились основой его мировоззрения, а также протестом против несправедливости мира. Одним из таких режиссеров середины XX века, чье творчество было пронизано протестом и экзистенциализмом, был Райнер Вернер Фассбиндер. Философия фильмов Р. В. Фассбиндера близка к философии экзистенциализма, поскольку затрагивала вопросы одиночества и разрушения личности. Экзистенциализм — философия, рожденная двадцатым веком, направленная на исследование внутренней природы человека. Переживания человека являются главной темой в творчестве авангардных направлений, в том числе экспрессионизма, которому присуща всеобщность. Экспрессионистский герой подвержен чувству страха, отчаянию, безысходности. Неустойчивость жизни героя, иррациональная реакция на рационализм — главные темы экспрессионистских произведений. Для познания истины (экзистенции) героя фильма можно увидеть в состоянии безумия. Самые известные художники-экзистенциалисты посвящали свои работы одиночеству в мегаполисе. Фассбиндер, как режиссер, тоже стремится к визуализации эмоциональных состояний, но в своей стилистике. В фильмах Фассбиндера четко можно провести две параллели — чем больше городские пейзажи, тем больше одиноко чувствует себя в них человек, чем быстрее он приходит к отчаянию и безумию. Германия, искусственно разделенная страна, находящаяся в центре военных событий, погружена в опустошенную бесконечность. В фильмах Фассбиндера красота экзистенциальна и трагична. Экзистенциальное настроение — тошнота, скука, разочарование. В фильмах Фассбиндера часто показано, как за благополучными стенами домов города просачивается одиночество и безысходность. Камера статична и документальна — жизнь реальна до предела, герои ничем не отличаются от других — обычные люди, тревога в кадре достигается за счет лаконичности, присутствия длительного молчания, минимум цветов, в основном первые фильмы черно-белые, бедность декораций. Но вместе с тем ощущение нарастающего ужаса в этих благополучных стенах, тотальной обреченности общества жить по законам государства, но не по законам человеческих. Психологический образ героя зачастую обнажен и обезоружен перед реальностью мира. Фассбиндер выступает провокаторм мещанского мира.

В его фильмах главный герой всегда странный, не принятый обществом, возможно не имеющий статус. Его герои в таких фильмах, как «Городской бродяга» (1966), «Маленький хаос» (1967), «Боги чумы» (1969), «Любовь холоднее смерти» (1969), «Почему рехнулся господин Р.?» (1970), «Осторожно, святая шляха!» (1971), «Страх съедает душу» (1973), «Путешествие в свет — От-

чаяние» (1977), «Замужество Марии Браун» (1978), «В год тринадцати лун» (1978), «Тоска Вероники Фосс» (1982) — падшие люди, низы общества, а где-то забытые всеми и ставшие тенью самих себя. Характерный для творчества Фасбиндера Эзопов язык в кино, являлся духом нации, духом низов, знаком протеста против существующей власти. Но боролись против произвола власти в основном герои непростого характера, другими словами безумцы. Для экспрессионистской эстетики было характерно наличие безумного героя, борющегося за справедливость, доводя себя до аффектного состояния. В первой половине XX века появилось несколько фильмов такого плана «Метрополис» Ф. Ланга, «Безрадостный переулок», «Ящик Пандоры» Г. В. Пабста. Хотя в этих фильмах отсутствуют характерные для экспрессионизма причудливые декорации и наличие монстров, в центре фильмов стоит острый конфликт между условиями, тема выживания простого человека (чаще всего служащего) в огромном мегаполисе, тема духовного падения. Борьба отдельного человека против тоталитарной системы проходит через весь фильм. Фасбиндер, как и экспрессионисты, своей экстремальной художественной формой подачи материала стремится расшатать человеческое сознание. Его идеи, проходящие через все его фильмы, созвучны с лозунгами экспрессионизма, где одним из основных высказываний является «Das Ich schafft die Welt» («Я создает Мир»). Таким образом, Фасбиндер в 1970-е годы создает новую художественную реальность, где находится место как для высказывания о наболевшем, так и для выражения боли, а иногда и крика. Экспрессионизм становится, как и много лет назад, актуальным в переломную эпоху.

«Городской бродяга» (1966) — это фильм, где надрыв визуализируется за счет обостренных ситуаций, режиссер подчеркивает изменившийся взгляд на мир обреченного человека. Депрессивный город показан с помощью черно-белой съемки, где на фоне города протекает жизнь маленького человека. Тема «маленького человека в мегаполисе» часто встречается в экспрессионистских фильмах, в которых противопоставляется человек и масса, человек и мегаполис. В творчестве Фасбиндера трагизм маленького человека построен на психологизме в отличие от режиссеров-экспрессионистов 1920-х гг., делающих акцент на художественную форму подачи материала. В фильме «Кабинет доктора Калигари» Р. Вине с помощью необычных декораций, являющихся отражением внутреннего мира героев, подчеркивается смятение и безумие происходящего вокруг. Эти декорации, олицетворяя тоталитарную систему и неведомую силу, оказывают на героя давление, заставляют делать его несвойственные ему поступки, приводя его в смятенное состояние. Апокалипсис в фильмах Фасбиндера происходит внутри человека. Но тема его фильмов перекликается с темами экспрессионистов-художников, в способе передачи материала и донесения его до зрителя. Так описывает экспрессионистов в своей книге Н. Я. Малахов, «они искали жесткие,

пронзительные, порой дисгармоничные звучания цвета и освещения, будоражащие чувства людей, что, по их мнению, способствовало осуществлению основной цели творчества — раскрыть и донести до зрителя то нервное напряжение, которое переживали сами художники»¹.

Почти все фильмы Р. В. Фассбиндера рассказывают об одиночестве и тотальной беспросветности, часто у героев не находится выход из положения, поэтому они прибегают к самоубийству. Данная тема близка экспрессионизму, где в основном все сводится к показу одиночества человека в большом мегаполисе, человеческих страданий, социальной неустроенности, проблемы затерянного человека. В фильме «Боги чумы» (1969) герои не самых успешных профессий, имеющих непостоянность в жизненных обстоятельствах. Фильм пронизан апатичностью и сомнамбулизмом. Декорации фильма отводят нас к черно-белым картинам 1920-х гг., где преобладает сюрреалистичность действия, как будто происходит это где-то в затерянном времени и пространстве. Экспрессионисты в своем творчестве тяготели к мистике и пессимизму, и это отразилось на художественных приемах, прежде всего, отказ от иллюзорного пространства и стремление к деформации предметов, акцентирование на контрасте цветов и диссонансах, выражая тем самым апокалиптический драматизм произведения. Фильмы режиссера Ф. В. Мурнау «Ноосферату, симфония ужаса», «Фауст» полны мистики и романтизма, их населяют духи и неведомые существа, воплощенные на экране с помощью контраста света, теней. Создавая ирреальную вокруг, режиссер делает своих героев сомнамбулой, которые в полуобморочном сознании бредут навстречу смерти. Скорее всего, режиссер Фассбиндер хотел создать ирреальность происходящего в своих фильмах, используя такие экспрессионистские приемы, как контраст света и тени, помогающие окунуться в атмосферу андеграунда и иллюзорной реальности.

Фильм «Почему рехнулся господин Р.?» (1970) сделан в цветном варианте. Но в самом названии фильма есть уже некое заданное напряжение и предчувствие чего-то неотвратимого — то, что в почти каждом экспрессионистском кинопроизведении держит зрителя на пределе. Как и в фильмах 1920-х гг. безумие настигает героя, и неважно в конце фильма это происходит или в начале. Например, фильмы «Город ищет убийцу», «Доктор Мабузе, игрок» повествуют о людях, которые в нормальной жизни ничем не отличаются от обычных. Никто не может заподозрить в них убийцу, но рано или поздно развязка приходит к ним через алогичные последствия и они открывают свое второе «Я». В фильме Фассбиндера после спокойного повествования о жизни обычной семейной пары, решение внутреннего конфликта человека здесь приходит через безумие и убийство.

¹ Малахов Н. Я. Модернизм: Критический очерк. — М.: Изобраз. искусство. — 1986. — С. 36.

К теме разрушения человеческой души Фассбиндер обращается и в последующие годы. Фильм «В год тринадцати лун», созданный им в 1978 году, относят к жанру экзистенциальной драмы, рассказывающей о жизни и страданиях изгоев общества. Они были жертвами системы, общепринятых правил и условностей. Конфликт состоит в столкновении «непринятых» обществом людей и толпы, и тем самым все ярче и тревожнее звучит одинокий внутренний голос главного героя фильма. Столкнувшись с нетерпимостью и ограничением свободы происходит саморазрушение личности. Фильм об одиночестве человека в благополучном, казалось бы, городе, герой фильма сознательно или бессознательно идет к своему концу — и он знает об этом, обреченность чувствуется с каждым кадром, история главного героя, погружающегося в депрессию все больше и больше. Если в основе стиля экспрессионизма — деформация для обостренной передачи сильнейших человеческих чувств, изломанность художественной формы, контраст красок и светотени, резкие смещения планов, то у режиссера Фассбиндера камера практически всегда находится в двух состояниях: она статична или же съемка ручной камерой, которая «живет» вместе с героями, что придает фильму документальность. В отличие от экспрессионистов, деформации в кадре не происходит, режиссер больше заостряет внимание на реалистичности и повседневности происходящего и нахождения человека в ней. Как отмечает Н. Самутина в своей статье, говоря о кинематографе Фассбиндера, «он сосредоточен исключительно на человеке, и все художественное пространство строится через человека, вокруг совершения им бытовых, обычных действий»¹. В тот же год общемировую славу получает фильм «Замужество Марии Браун», который олицетворяет символ падения Германии. Через весь фильм проходит история женщины, стремящейся всеми силами выжить в непростых послевоенных условиях. Фильм пронизан тоской и безысходностью, существующей в то время в обществе из-за сложившейся политической ситуации. Проводимые режиссером аллегории между историей Германии и жизнью одной немецкой женщины говорят о разрушительности идей, о разочаровании и переосмыслении истории и себя. Персонажи находятся в ситуации, когда все предрешено и остается только ожидать зрителю исходный конец, как поведет себя главный герой — остается неизвестным до конца фильма. Но критичность его ситуации всегда имеет надрывный характер, зашкаливающая экспрессия чувств, экзистенциальность его драмы обращает внимание зрителя к внутреннему миру одинокого в своей безвыходности человека. Главное отличие и, в то же время сходство: у экспрессионистов демонизм был на экране, у Фассбиндера демонизм был внутри героя. Р. В. Фассбиндер в данном случае как никогда

¹ Самутина Н. В. Рейнер Вернер Фассбиндер и Вернер Херцог. Европейский человек: упражнения в антропологии // Киноведческие записки – 2001. – № 59.

близок к идеям экспрессионизма. Преобладающая в экспрессионистских фильмах 1920-х гг. неоготическая тоска видна и чувствуется в фильмах Фасбиндера. Есть ли в фильмах Фасбиндера, как и в кинематографе Веймарской республики, предчувствие катастрофы? Ведь, «фильмы экспрессионизма — это мистика, это предсказание катастрофы, предсказание отчуждения человека в обществе»¹. Остросоциальные темы были наиболее актуальными в экспрессионизме разных творцов, а именно необходимость показать сложное духовное состояние героев, выраженное в обостренной эмоциональной игре актеров в фильмах 1920-х годов. Экспрессионизм как способ достучаться до зрителя оставался и остается актуальным и востребованным по настоящий день. «Это отчасти объяснимо зарядом социального протеста, который заложен в произведениях лучших представителей этого течения, и во многом близкой к реалистической манере формой выражения, что делало его доступным публике»².

Вновь возникающий интерес за последние годы к творчеству Р. В. Фасбиндера в Германии подтверждает вышедший в 2015 году документальный фильм режиссера А. Хендель «Фасбиндер». Жизнь и творчество радикального для своего времени режиссера подвергаются переосмыслению. Послевоенные годы, а именно 1960–1970-е годы, для Германии были временем возврата к прошлому, время поисков своей уникальности как народа. Р. В. Фасбиндер, обличая недостатки общества и выдвигая на первое место внутренний конфликт обычного человека, в духе экспрессионизма разрешает в своих фильмах конфликт противостояния человека и толпы. На протяжении всего XX века время от времени в киноискусстве актуализируются темы, связанные с творчеством экспрессионистов. Экспрессионизм эволюционировал медленно и постепенно на протяжении всего XX века. Начало XX века вошло в историю как время «поиска нового мира» и, соответственно, нового языка в культуре и в искусстве. Темы одиночества и несвободы человека в большом городе всплывают время от времени через поколения. Острые вопросы, поднятые в творчестве Фасбиндера, остаются актуальными и время от времени по всему миру проходят ретроспективы этого режиссера, встречая по-прежнему своего зрителя.

¹ Путиями русского экспрессионизма//URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Expressionism.html> (дата обращения: 18.01.2016).

² Малахов Н. Я. Модернизм: Критический очерк. – М.:Изобраз.искусство. – 1986. – С. 46.

Section 2. History and archaeology

*Semashko Nadezhda Konstantinovna,
The Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
teacher, Department of State Building and Public Administration
E-mail: hope2@tut.by*

The women's department in the territory of Western Belarus in 1946–1954 years

*Семашко Надежда Константиновна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
преподаватель, Кафедра государственного
строительства и управления
E-mail: hope2@tut.by*

Отделы по работе среди женщин на территории Западной Беларуси в 1946–1954 гг.

Послевоенное советское общество часто называют женским, подчеркивая этим, какую роль сыграли женщины Советского Союза в восстановлении страны, преодолении социально-экономических и психологических проблем этого периода. Гибель мужского населения после войны нарушила пропорции между мужским и женским населением. За годы войны значительно вырос удельный вес женщин среди работников самых разнообразных отраслей народного хозяйства. В 1945 году в СССР женщины составляли в промышленности 52%, на транспорте — 40%, в строительстве — 32%, в связи — 70%, в сельском хозяйстве — 57%¹. Женщины Западной Беларуси оказались в центре тех серьезнейших преобразований, которые происходили в СССР и БССР.

Последствия войны больно отразились на укладе жизни советского общества. Западные регионы СССР в целом и территория Западной Беларуси в частно-

¹ Женщины Страны Советов: Краткий исторический очерк. – Москва: Политиздат, 1977. – 240 с.

сти оказались в тяжелом положении вдвойне. Это связано с особенностью политической ситуации в первые послевоенные годы. Вошедшие в ноябре 1939 г. территории западной Беларуси в состав БССР не знали советской власти, специфики политических и экономических мероприятий, проводимых в СССР, сильные позиции сохранял костел. Таким образом, западные области БССР стали объектом пристального внимания руководящих партийных органов. Население этого особого региона в ходе проводимой политики органов ВКП (б) — КПБ должно было проникнуться советской идеологией. С окончанием войны перед советским народом встали задачи восстановления народного хозяйства, дальнейшего роста производства. Программой действий по восстановлению белорусской республики в частности стали: 1) Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», принятое 21 августа 1943 г., и 2) «Закон о плане восстановления и развития народного хозяйства республики на 1946–1950 гг.», который был принят на VIII Сессии Верховного Совета БССР первого созыва в сентябре 1946 года¹. После освобождения западных областей Беларуси от немецко-фашистских захватчиков были восстановлены местные партийно-советские органы власти (от низовых до областных). С целью более эффективного руководства и контроля западного региона республики, был проведен новый административно-территориальный раздел. В БССР появилось три новые области: Бобруйская, Гродненская и Полоцкая, а Вилейская область была переименована в Молодечненскую². О крайне сложной обстановке во всех сферах государственного управления, начиная от политической и заканчивая повседневной жизнью в западных областях, свидетельствуют факты наличия антисоветских подпольных формирований, враждебности значительной части населения по отношению к советской власти и критике большевистской власти.

В связи с этим на VIII Пленуме впервые было предложено партийным организациям проводить массово-политическую работу «дифференцированно, с участием отдельных групп и слоев населения, обратить внимание на усиление работы среди женщин, молодежи, интеллигенции, репатриированных из Германии советских граждан и переселившихся из Польши»³. Выделив наиболее значимые и проблемные слои населения, советское руководство ориентировало партийные органы

¹ Латышонок, А., Мірановіч, Я. Гісторыя Беларусі зь сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст./А. Латышонок, Я. Мірановіч; перакл. з пол. Калегіум Усх. Эўропы імя Яна Новака-Езяранскага: Ін-т беларустыкі, Бел. гіст. тав-ва. – 2010 г. – 350 л.

² Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т1. А – Беліца/Беларус. Энцикл.; Рэдкал.: М. 8. В. Біч і інш.; Прадм. М. Ткачова; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: Белэн., 1993–494 с.

³ НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). – Ф. 4-п. – Оп. 20. – Д. 222: Протокол VIII Пленума ЦК КП(б)Б 12 декабря 1945 г.

на улучшение и совершенствование работы среди них с целью привлечения на свою сторону. «В декабре 1945 года в связи с особыми условиями работы в Западных областях БССР ЦК КП (б)Б принял постановление о создании в райкомах, горкомах и обкомах КП (б)Б Западных областей, а также в ЦК КП (б)Б отделов по работе среди женщин»¹. IX Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Белоруссии определил основную задачу: всемерное расширение массовой политической работы среди населения с тем, чтобы охватить политическим влиянием партийных организаций самые широкие слои трудящихся. С этой целью в постановлениях Пленума присутствовали следующие задачи:

— содержанием политической работы с населением было воспитание у трудящихся деревни социалистического отношения к труду и колхозной собственности, укрепление трудовой дисциплины, преодоление остатков частнособственных и антигосударственных настроений, воспитание трудящихся и крестьян в коммунистическом духе;

— проведение активной и систематической пропаганды колхозного строя;

— выдвижение активисток женщин на руководящую, советскую и хозяйственную работу, особенно из числа женщин, посвятивших себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками;

— политическая работа среди женщин сопровождалась мероприятиями по ликвидации неграмотности;

— задача обкомов и райкомов КП (б)Б западных областей БССР заключалась в укреплении сельских советов, как органов государственной власти и повышение их роли². 65-процентная составляющая русских на всех руководящих должностях, должна была облегчить руководство особым регионом. Кроме того, многие из женщин были бывшими партизанками и выходцами из восточных областей БССР. Советская власть меняло лицо западным территориям, так называемым «бывшим колониям польских панов»³.

После завершения работы Пленума были проведены выборы делегатов и организованы делегатские собрания. К середине октября 1946 года было организовано 6 отделов по работе среди женщин, избрано 18 187 делегатов, из них:

¹ Яковлева Г.Н. О социально-экономической, политической обстановке и морально-идеологическом климате в Полоцкой области в конце 1944–1945гг. /Г.Н. Яковлева//Быў подзвіг. І была перамога: матэрыялы архіўн. чытанняў, прысвеч. 60-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчын. Вайне (Мінск, 12 мая 2005г.)/адк. рэд. Ю.У. Несцяровіч, У.В. Фядосаў. – Мн.: БелНДІДАС. – 174 с.

² НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 20. – Д. 225: Протокол IX Пленума ЦК КП(б)Б от 27 июня – 1 июля 1946 г.

³ Каменская, Н.В. Уз’яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай Савецкай дзяржаве: автореф. дес. ... канд. ист. наук/Н.В. Каменская. – Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1948. – 28 с.

- в Барановичской области — 3180;
- Молодечненской — 2393;
- Пинской — 4750;
- Гродненской — 4039;
- Брестской — 2518;
- Полоцкой — 1325 делегатов¹;

Отделы обкомов, горкомов и райкомов по работе среди женщин должны были улучшить политическую обстановку и поднять экономический потенциал региона. На совещаниях женотдела ЦК КП (б)Б были определены следующие задачи:

1) политико-воспитательная задача, включающая агитационно-пропагандистское, идейно-культурное воспитание женщин в духе советского общества и разъяснение всех преимуществ социалистического строя, политическое воспитание женщин-западниц;

2) организация помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в 4-й пятилетке: организация помощи в уборке урожая и проведении предстоящего сева;

3) детальная проверка состояния детей-сирот детских домов с целью устранения имеющихся недостатков и оказание практической помощи;

4) выявление многодетных матерей представление их к наградам, оказание помощи многодетным матерям и матерям-одиночкам;

5) организация мероприятий по выявлению и ликвидации малограмотных и неграмотных женщин западных областей и поднятию их образовательного уровня².

Кроме того, было возобновлено издание журнала «Работніца і сялянка», издававшегося еще в 1924 году под названием «Беларуская работніца і сялянка». В первом его номере в обращении «От редакции» было сказано, что главная задача журнала: «Будить сознание трудящихся женщин, звать на активную работу...»³.

Серьезным недостатком в работе отделов среди женщин считалось то, что «отделы очень мало занимались вопросом о выдвижении женщин на руководящие работы и должности»⁴. Это было связано во многом и недостаточной об-

¹ НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 11: Докладные записки о созыве совещаний зав. Отделами обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б по работе среди женщин 22 февраля – 13 декабря 1946 г.

² НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 39: Стенограмма совещания зав. Отделами по работе среди женщин областных комитетов КПБ 10 марта 1951 г.

³ Давидович, Р.А. Женщины Беларуси/под ред Р.А. Давидович. – Минск: Международный центр интеграционной информации. Общественный пресс-центр Дома прессы, 2003. – 222 с.

⁴ НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 11: Докладные записки о созыве совещаний зав. Отделами обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б по работе среди женщин 22 февраля – 13 декабря 1946 г.

разованностью женщин, их малограмотностью, которая в тот момент находилась в процессе ликвидации, а во многом, и из-за стереотипов в обществе, согласно которым хороший руководитель — это руководитель-мужчина. Согласно «Сведениям о выдвижении женщин на руководящие и ответственные должности по Полоцкой области за 1946/1947 гг.» известно, что всего на руководящих и ответственных должностях работало 130 женщин, из них на партийной работе — 60, комсомольской — 6, советской — 34, Зам. Предс. Райсполкомов — 1, членами облсуда — 2, редакторами райгазет — 3, народных судей — 3, Зам. Пред. Облпотребсоюза — 1, председателями сельских советов — 4, председателями колхозов — 9, председателями сельпо — 5, в техникумах обучалось — 1158 женщин¹. Озабоченность советского руководства малочисленностью женщин на руководящих должностях, было положительным фактом, так как заставляло партийное руководство стимулировать этот процесс. С течением времени ситуация менялась: если раньше большая часть женщин была занята на работе без больших перспектив роста по службе, то с годами возрастало число женщин, занятых умственным трудом, так как уровень их образования в целом становился выше, чем у мужчин. Однако наиболее высокая пропорция женщин в этой сфере наблюдалась в профессиях, которые требовали, прежде всего, определенных исполнительских навыков, а не постоянного творческого роста: секретарей, делопроизводителей, машинисток, кассиров, учетчиков, счетоводов.

Деятельность отделов по работе среди женщин была неоднозначной. С одной стороны, значительную роль женотделы и делегатские собрания сыграли в оказании помощи детям-сиротам, матерям-одиночкам и матерям-героиням. Благодаря активной работе делегатских собраний значительная роль женщин ликвидировала свою безграмотность и малограмотность. Также, во многом благодаря деятельности женотделов была расширена сеть медицинского обслуживания населения. Женотделы, и созданные под их руководством делегатские собрания, сыграли важную роль в восстановлении народного хозяйства, выполнении госпоставок и организации колхозного строительства в западных областях БССР. Надо отметить, что деятельность по созданию колхозов была самой сложной и тяжелой в практике женотделов. Масса женщин Западной Беларуси сопротивлялась коллективизации.

Значимым результатом в процессе деятельности женотделов для самих женщин-делегаток — было выдвижение их на руководящие должности и занятие ответственных постов. Деятельность ЦК КП (б)Б и самих женотделов дала свои результаты. С другой стороны, женотделы не имели свободы действий в выборе

¹ ГАВО (Государственный архив Витебской области). – Ф.10060-п. – Оп. 1. – Д. 1199: Докладные и справки работников отделов о проведенной работе в районах 1947/1948 гг.

направлений своей работы. Созданные по инициативе партии и ее структурах женщины не могли решать проблемы, волновавшие лично их. В структуре ЦК КП (б)Б 1955 года отдела по работе среди женщин уже не существовало. Вероятнее всего, что отдел по работе среди женщин ЦК КП (б)Б был расформирован, а кадры перераспределены по другим отделам ЦК. То же произошло в обкомах, горкомах и райкомах КПБ.

Сегодня, обычным явлением стал факт того, что женщина — руководитель крупного промышленного предприятия, главный инженер, директор школы, главный врач, заместитель министра и т. д. Доля заслуги в этом принадлежит и отделам по работе среди женщин, которые за восьмилетний и противоречивый период своего существования в БССР (1946–1954 гг.) способствовали интеграции женщин Западной Беларуси в советское общество. Опыт такой работы стал стартовой площадкой профессионального и личного роста для многих женщин.

Section 3.

Cultural studies

Vasilii Elena,
«Dimitrie Cantemir» University,
Bucharest, lecturer
E-mail: vella_ro@yahoo.co.uk

The story behind Tagore's short stories

Abstract: The time spent by Rabindranath Tagore outside Calcutta, on his family estate in Bengal, was a prolific one from the artistic point of view, inspiring him in poetry as well as in prose. He started, with great success, to experiment a new genre — the short stories. He enjoyed observing the life of the simple Hindu people and used their joys and griefs, loves and fights, their little deeds of patience and courage or their capacity of self-sacrifice for their family or religion as themes for his stories. The dumb, patient and uninteresting people of his country have found their individualities in his stories and have become immortal.

Keywords: Rabindranath Tagore, short stories, Bengali life, Hindu.

One of the most prolific period in Rabindranath Tagore's life runs between 1890–1900, when he was in his thirties. As his biographer, Krishna Kripalani, claims: “like his Arjuna in *Chitrangada*, Tagore felt the need of a wider field of activity. The artist in him, too, looked for newer media and modes of expression.” and “life in the country brought him in direct contact with the soil of his land, and the daily, prosaic, matter-of-fact business of looking after the estates enabled him to see at first hand how the vast majority of his people lived”¹.

Although he was an aristocrat by birth, he was not put off by the simple people's ignorance, countless Hindu superstitions, their poverty and incapacity of helping themselves. Instead, he learnt to love them and love allowed him to understand their helplessness, like a mother's love for her disabled child.

His keen observation of nature and men and how it stimulated his creativity and imagination can be exemplified by a few excerpts from the letters he wrote during

¹ Lecturer, Dimitrie Cantemir Christian University, Bucharest; Krishna Kripalani, Rabindranath Tagore – A Biography, New Delhi, UBSPD, 2012. P. 135.

this period. As a land-owner, he was concerned with the welfare of his tenants, while the artist in him was concerned with watching the life of the simple people, their joys and griefs, loves and fights, their little deeds of patience and courage or their capacity of self-sacrifice for their family or religion.

Searching the great in the small, he found substantial material for his short stories in the lives of the common folk. This was a new venture in the field of creative expression. He had written poems, dramas, novels, songs and essays. But in the short story he proved himself a master from the very beginning. He didn't follow a set model or pattern, as there was none in his own country and its literary tradition. In fact, Tagore was the first Indian to experiment this form properly. Although the short story is now very widespread among Indian writers, as a literary *genre*, no one has equaled him yet in this respect. It is not known how familiar he was with the works of Chekhov and Maupassant — the two European masters we could compare him to in this domain, although he was different from them in his technique and mode. D. P. Mukherji, a distinguished Indian sociologist, has pointed out this difference: "The Russian classics have a candour of the soul, the French have a candour of the mind, and Tagore's have a candour of feeling. If we are ashamed of feeling, Tagore's short stories are not for us. If we have no such obsession, they are among the best in the world"¹.

Many of his stories were suggested by some scene or incident or character he observed while he lived in his house-boat on the river Padma. The genesis of some of them is explained in the letters he wrote during that period.

One example is the famous story *The Hungry Stones*. He remembers the time when he was a young boy and stayed with his elder brother in an old Moghul palace in Ahmedabad. He could see a *ghat*, its old stones covered with moss, and wondered how much the stones could tell if they could speak.

The *ghat* is present in any village on a river bank, consisting in stone-steps leading to the water, where men and women, young and old, come to pray, bathe and to gossip. This *ghat* starts to speak and recalls how a charming little girl used once to come to the river — "so sweet she seemed that when her shadow fell on the water, I used to wish, if I could only catch that shadow and keep it clasped to my stones! When her feet trod lightly on the stones, the moss on them would shiver with delight"².

The girl's name was Kusum, she loved water as though she belonged there. Soon a time came when she ceased coming to the water. The *ghat* gathered from the talk of her playmates that the little Kusum had married and gone to her husband's home in another village. Some time elapsed, when, suddenly, the stones felt the old familiar shiver of delight, which could only come from the tread of Kusum's feet. But there

¹ Murherji D. P., Tagore: a Study, Bombay, Padma Publications, 1983. P. 91.

² Rabindranath Tagore, *The Hungry Stones and Other Stories*, London, Macmillan, 1916. P. 25.

wasn't any longer the same sweet music in her step. Kusum had come back to her village, as a widow. Some years passed and Kusum gradually grew into a young and lovely woman, "as the Ganga swells into beauty during the rains"¹.

One day a tall, good looking Sanyasi came to the village to live in the Shiva temple near the *ghat*. Villagers came to listen to the Sanyasi's discourse, but Kusum was not one of them. On the day of the sun's eclipse, many people gathered to bathe in the holy river Ganga, among them some women from the village where Kusum had spent the few months of her wedded life. The *ghat* heard one of the women say that the Sanyasi looked very much like Kusum's husband, to which another said, "But he's disappeared and supposed to be dead. How can he come back?" A third said, "But he never had such a long beard!" That settled the issue and the women went their way.

On the full moon day — Kusum came to sit on the steps of the *ghat*. No one else was there. After a while, the Sanyasi came out of the Shiva temple and noticed Kusum; the two looked at each other in the light of the full moon. She pulled her veil on her face and did obeisance to the Sanyasi, who inquired about her name.

After this incident, Kusum came every day to bring flowers for worship and listen with vivid attention to whatever the Sanyasi said. Then, suddenly, Kusum disappeared again and did not come to the *ghat* or to the temple for a long time. One day, the Sanyasi sent for her. She came and sat before him without daring to look into his eyes. When he questioned her for her long absence, she confessed said that she was ashamed of her "wicked thoughts" and was unworthy to sit beside a holy man. More precisely, she had had a dream in which she and the Sanyasi were making love. Since then, the dream had obsessed her and she was unable to look upon the Sanyasi as other than her husband and lover. The Sanyasi was stunned. He begged Kusum to forget him and disappeared from the village. Nobody heard of him any longer. Kusum slowly went down the steps and stood looking at the water. "From her childhood she had loved this river and if now, in her crisis, the river did not take her in its arms, who would! I heard a splash — and then nothing more"².

This is one of his earliest stories and a very characteristic one, as nature and the so-called inert matter are also part of the story and help to create an atmosphere, a feeling of half-pity and half-awe, which, rather than the plot itself, is the very essence of the story.

Similarly, the *Highway* tells the story of what it has seen of secret desires and frustrated love. Tagore's tenderness and sympathy seem to be captured by women, generally young girls, and little children. His portraits of children and teenagers, be they girls or boys, are drawn with great tenderness and a deep understanding of their

¹ Rabindranath Tagore, *The Hungry Stones and Other Stories*, London, Macmillan, 1916. P. 27.

² *Idem*. P. 29.

young, unformed minds. His adult male characters, on the other hand, are generally drawn with a touch of irony — even when they are tragic. When they are good, virtuous or noble, they are weak and somewhat pitiful; when they are mean or wicked, they tend to become ridiculous or contemptible. Perhaps the only exception is the Kabuliwalla in the story of that name — but then he was a rough Afghan and not a Bengali.

The famous short story, *The Post-Master*, was born of Tagore's casual contact with the actual post master of the village where the author lived. The post master, an educated young man newly recruited from the city, came to see him. Tagore could clearly see that the young man was bored in the quiet atmosphere of the village and wondered how he lived and spent his time.

In one of his letters of February 1891 he has described the individual who was to become immortal in the story. "The post office is in a part of our estate office-building — this is very convenient, for we get our letters as soon as they arrive. Some evenings the post-master comes up to have a chat with me. I enjoy listening to his yarns. He talks of the most impossible things in the gravest possible manner"¹.

The post-master of the short story is also a city-bred young man living in a small malaria — ridden village in Bengal. An orphan girl in the village, called Ratan, worked as his maid and cook. The post-master didn't have much work and, in the evenings, in order to kill time, he would call the girl and talked to her. He told her stories and "yarns" of the big city he missed so much and even gave her lessons in reading and writing. Ratan, who had never known any love, grew deeply attached to her young master and would wait eagerly for the evening-hours.

One day, the post-master took to bed with malaria. Day and night, the little girl watched by his bedside and nursed him until he recovered. The post-master took all this devotion for granted and as soon as he was able to leave the bed, resigned his post and made preparations to leave for Calcutta. When the girl begged him to take her with him, he laughed, "What an idea!". Before leaving, he offered Ratan some money, which she refused, asking him not to worry for her. She broke down, cried and ran away. The post-master sighed while taking his place in the boat, thinking "such is life — meetings and partings!" But Ratan, who knew no philosophy, wandered about the post office, the tears streaming down her face.

That this story had little correspondence with actual facts is obvious from another letter dated sixteen months later. One evening as Rabindranath was about to take up one of Kalidasa's books to read, " ... the post-master walked in. A live post-master cannot but take precedence over a dead poet ... So I offered him a seat and gave old Kalidasa the go-by. There is a kind of bond between this post-master and me. When the post office was in a part of this estate building I used to meet him every day. I wrote my

¹ Rabindranath Tagore, *On the edges of Time*, New Delhi, Orient Longmans, 1958. P. 65.

story, *The Post-Master*, in this very room. And when the story was published in *Hitabadi* he came to me full of bashful smiles as he deprecatingly touched on the subject"¹. The fact that there was a city-bred post-master marooned in a village was all that Tagore needed to fantasize on the problem of human relationships and the possible tragedy of a simple girl who might take for granted that her love would be returned.

In the same way, he must have often noticed in the streets of Calcutta big, hefty foreign men from Kabul, selling dry fruits and nuts. These men, who were known as Kabuliwallas, were much hated by Bengalis, who viewed them as coarse barbarians who lent money at outrageous rates and were ready to kill at the slightest provocation, tough characters who might even steal children and take them away in the big bags that hung on their huge shoulders. Rabindranath went beyond these stereotypes and intuited that they, too, were human and for sure love their children as parents do all over the world.

Therefore, the weird Kabuliwalla is in Tagore's story of that name one of the most lovable characters in Bengali prose. The friendship between this big hulk of a man, unlettered and uncouth, from Afghanistan, and the five-year-old Bengali girl Mini with her ceaseless prattle and laughter is one of the most moving testaments of human relationship.

Kabuliwalla is the story of a father's love for his daughter and the transfer of this love to another little girl, a love that goes beyond the borders of race and religion.

The main character is Rahmat Khan, a fruit seller from Afganistan, who goes to Kolkata, leaving his family and in particular his favourite daughter, Rabiya, in Kabul. In Kolkata, he befriends a little girl, Minnie, in whom he finds a reflexion of his own little daughter, Rabiya.

One day, Rahmat receives news of his daughter's illness and decides to go back home. Unfortunately, as he is short of money, he agrees to sell his goods on credit to increase his income. Later, when he goes to collect his money, one of his customers refuses to pay him. In the fight that follows, Rahmat stabs that man and, consequently, he is sent to prison for eight years. On the day of his release he goes to meet his dear friend Minnie, but discovers that she has grown up into a 14 year old young woman, on the very day of her wedding. The fact that Minnie doesn't recognize Rahmat, makes him realize that his own daughter must have forgotten him as well. Minnie's father agrees kindly to help Rahmat to go back home to his family by cutting from the budget of Minnie's wedding.

Love is the main theme that runs through Tagore's story *Kabuliwala*. The characters suffer from long hours of idle time; they pass the time guessing what future will be included on their delivery route the next day. Particularly Rahamat's love even

¹ Rabindranath Tagore, *On the edges of Time*, New Delhi, Orient Longmans, 1958. P. 66.

extends to his jailed life, and he has a series of filial bond to Mini to relieve the routine memories of his home life.

Apart from love, Tagore uses here the theme of waiting. The main characters wait, even for years, for events that will most probably have surprising end. The young protagonists, both Minnie and the unseen daughter of Rahmat, often wait for the Kabuliwala who abandoned them to come back, but the fathers rarely return. The Kabuliwala also waits for the return of their daughters. For the characters in Tagore's story *Kabuliwala*, life is disappointing and unfulfilled, with little hope for the future. But, eventually, the little hope survives and Tagore's Kabuliwala returns to his home.

The India that Tagore portrays is not the falsely romantic India of the Maharajas and tigers, snake-charmers and naked sadhus, the India of Kipling and of the tourist travel books. Instead, he provides realistic glimpses in the life of his people. Tagore's India is of people rooted to the soil for centuries, India in transition where different classes and types are reacting differently to the impact of the machine age.

His stories deal with different aspects of Bengali life and depict various kinds of characters in a very real and vivid way, some of them becoming unforgettable. The dumb, patient and uninteresting people of his country have found their individualities in his stories and have become immortal.

Tagore's short stories are of various kind and vary in techniques, mainly suggestive and impressionist. They are valuable for their fine mixture of sharp observation and lively imagination, of pity and irony, of nature and life, and prove Tagore's extraordinary talent for seizing on essentials, his wide humanity and for his intolerance of social wrong and injustice.

References:

1. Kripalani, Krishna, (2012), Rabindranath Tagore — A Biography, New Delhi, UBSPD.
2. Murherji, D. P., (1983), Tagore: a Study, Bombay, Padma Publications.
3. Tagore, Rabindranath, (1958) On the edges of Time, New Delhi, Orient Longmans.
4. Tagore, Rabindranath, (1916), The Hungry Stones and Other Stories, London, Macmillan.
5. Tagore, Rabindranath, (1914), The Post Office, Dublin, The Cuala Press.
6. Tagore, Rabindranath, (1913), Glimpses of Bengal Life, Madras, Natesan.
7. Tagore, Rabindranath, (1918), Mashi and Other Stories, London, Macmillan & Co.
8. Tagore, Rabindranath, (1913), Sadhana. The Realisation of life, London, Macmillan & Co.
9. Tagore, Rabindranath, (1912), Gitanjali, London, The India Society.

Acknowledgments

This work was cofinanced from the European Social Fund through Sectoral Operational Programme Human Resources Development 2007–2013, project number POSDRU/159/1.5/S/140863, Competitive Researchers in Europe in the Field of Humanities and Socio-Economic Sciences. A Multi-regional Research Network.

Section 4. Pedagogy

*Akhmetzhanova Gulmira Amangaliyevna,
University "Turan"
Master of Social Sciences Lecturer of the Department
"Kazakh and foreign languages"
E-mail: sunny.akhmetzhanova@mail.ru*

Communicative approach to the teaching of foreign languages

*Ахметжанова Гульмира Амангалиевна,
"Туран" университеті Әлеуметтік ғылымдарың магистрі
«Қазақ және шет тілдер»
кафедрасының оқытушысы
E-mail: sunny.akhmetzhanova@mail.ru*

Шет тілін оқытудың коммуникативті тәсілдемесі

Соңғы жылдары ғалымдар мен әдіскерлер шет тілін оқытудың жаңа заманауи әдістемесін ұсынады. Әдістеменің көпшілігі коммуникативті құзыреттіліктің өзге тілді қалыптастыруға бағытталған коммуникативті тәсілдемеге негізделген: коммуникативті мақсаттармен және нақты жағдайлармен байланыста өзге тілде сөйлеуді түсінуге және тудыруға бейімделу.

Тіл үйретушілердің табиғи коммуникациясы кезінде келіспеушіліктен қашу үшін, сөз жүзінде емес тәртіпті қосқанда, сөйлеу тәртібінің нормаларын білу керек. Ақпарат берудің жиі сипаттамасы экстралингвистикалық факторларға негізделген.

Коммуникативті тұрғыдан келуді пайдалану тілдік біраіктерді коммуникативті тағайындауларды, олардың қызметпен және адамның әлеуметтік мәртебесімен қатынасы ескеріледі, оның үстіне коммуникативті қызмет шет тілін оқыту үрдісінде дамудың пәні болып табылады.

Қатынастың әртүрлі жағдайларын құру оқытудың коммуникативті тәсілдемесі және шығармашылық бағдарлы тәсілдемесіне бейімделеді. Тек шығармашылық

тапсырмалар коммуникация құралы ретінде шет тілін пайдалануға мүмкіндік береді¹.

Ғалымдардың көпшілігі қазіргі қоғамдық жағдайда шет тілін оқыту үрдісінде атап айтқанда коммуникативті әдісті енгізудің келешегін мойындайды. Сонымен А. М. Ветохов бұл әдістің және оның келешектегі дамуына үлкен әлеуетінің мүмкіндіктерін кең көлемдегі оқу-тәрбиелік мүмкіндіктерін атап көрсетеді². Коммуникативтік құзыреттілік «өзінің білімін және тәжірибесін кеңейтуге және өз бетінше алуға шет тілін пайдаланатын маман» ғана қалыптасқан болып саналады. Коммуникативтік тәсілдеме практикалық міндеттерді шешу мақсатында тілдесу мен өзара әрекеттесу пайдалану негізінде сөйлеу қызметінің барлық төрт түрін табысты меңгеруді қамтамасыз етуге үндейді.

Жоғары оқу орындарындағы студенттерді оқытудағы басты мәселелер ет тілі курсына қабылдауға біріні курстағылардың өте бір қалыпты емес дайындықтары болып табылатын себептерінің бірі оқуға жеткіліксіз уәждеме мен курстың төтенше қысқалығы болып табылады.

Мәдени құзыреттіліктің жетістігі — шет тілін үйренуге арналған уәждеме болып табылады. Бұл міндеттерді жүзеге асырудағы құралдардың бірі ретінде оқытудың әртүрлі аспектілерінде және оқытудың әртүрлі кезеңдерінде оқу материалы ретінде фразеологиялық бірліктерді пайдалану болып табылады.

Тілдің фразеологиялық қоры халықтың — тілді үйретушінің мәдениеті мен тұрмысының ерекшеліктерін бейнелейтін, ұлттық-мәдени құрамдас бөліктерінің өзінің семантикалық құрылымында ұстайды, сондай-ақ қоғамның, елдің, мемлекеттің өзіндік тұрмыстық тарихи дамуын атап көрсетеді.

Фразеологиялық бірліктерді пайдаланудың әдістемелік негіздемесі барлық үш коммуникативті құзыреттілікті қалыптастыруға бейімделеді. Типтік синтаксистік білім берудің құрылымы бола отырып, олар тілдің грамматикалық ерекшеліктерін ескеруге мүмкіндік береді фразеологиялық бірліктердің арнайы әр түсті лексикалық құрамы, оның ішінде сөйлеудің стилистикалық күрделенген пішіндері, параллель құрылымдары, эквивалентті бірдіктерсіз кейбір сөздер лингвистикалық құзыреттілікті қалыптастыру үшін берекелі оқу материалдарының фразеологиялық бірліктерін жасайды.

Бәрімізге белгілі болғандай, кез келген тілдің фразеологиялық қоры жабықтықты, бейнелі-әсершіл әлеуетті және стилистікті бейнелейді. Фразеологиялық бірліктердің аздаған санын үйрену студенттерге лингвистикалық құралдардың, коммуникативтік стратегияның арсеналын ұлғайтуға мүмкіндік береді.

¹ Степанова И. С. Реализация коммуникативного подхода к преподаванию иностранных языков в технических вузах – 2008.

² Артеменко Т. М. О некоторых аспектах преподавания английского языка. – 2006.

Тұтастай алғанда, бірліктерді тиімді пайдаланудың таза лингвистикалық ойлауда фразеологиялық болып табылмайтынын, алайда қызметі жағынан оларға жақын болатындығын атап өткен жөн.

Фразеология теориясының постулаттары, фразеологиялық бірліктер, әрине ЖОО-да үйренудің жекеленген пәні болуы мүмкін емес, алайда пайдаланылуы мүмкін, олар жұмысты жақсартады, олардың жоғары уәждемелік сипаттамасы бар. Олар жаңашыл, танымдық, ақпараттық әлеует ығармаылық тәсілдемені талап етеді және дәрісхананың оң жағдайына бейімделеді.

Әдебиеттер тізімі:

1. Степанова И. С. Реализация коммуникативного подхода к преподаванию иностранных языков в технических вузах. – 2008.
2. Артеменко Т. М. О некоторых аспектах преподавания английского языка. – 2006.

*Beletskaja Elena,
Belgorod state institute of arts and culture,
Ph. D., Associate Professor, Department of socio-cultural
and information and library activities
E-mail:280177@inbox.ru*

*Ivanova Tatyana,
Belgorod State University”
Ph. D., Associate Professor, Faculty of preschool,
primary and special education*

*Meshkov Viktor,
Belgorod state institute of arts and culture,
PhD, Department of socio-cultural and information
and library activities*

*Uvarova Tamara,
Belgorod state institute of arts and culture,
Ph. D., faculty iskusstvovedeniya and intercultural communication*

*Shchennikova Diana,
Belgorod state institute of arts and culture,
student Department of socio-cultural and information and library activities*

**Organizational-pedagogical conditions of
development of children’s health camp in
contemporary socio-cultural situation**

*Белецкая Елена Александровна,
Белгородский государственный институт
искусств и культуры, кандидат психологических наук,
доцент, факультет социально-культурной
и информационно-библиотечной деятельности
E-mail: 280177@inbox.ru*

*Иванова Татьяна Ивановна,
НИУ «Белгородский государственный университет»,
кандидат педагогических наук, доцент, факультет
дошкольного, начального и специального образования*

*Мешков Виктор Андреевич,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
кандидат педагогических наук, факультет социально-культурной
и информационно-библиотечной деятельности*

*Уварова Тамара Анатольевна,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
кандидат педагогических наук, факультет искусствоведения
и межкультурной коммуникации*

*Щенникова Диана Евгеньевна,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
студентка, факультет социально-культурной
и информационно-библиотечной деятельности*

Организационно-педагогические условия функционирования детского оздоровительного лагеря в современной социокультурной ситуации

Культурно-досуговая, социально-культурная, психолого-педагогическая деятельность в детском оздоровительном лагере — это направления в деятельности, связанное с оказанием социокультурной, психолого-педагогической поддержкой детей, направленной на социальную адаптацию и интеграцию подрастающего поколения в современное общество, а также создание условий для творческого развития, креативного мышления детей и подростков.

Наиболее распространенной формой социально-педагогической деятельности в лагере являются профильные смены. Ю. Таран выделяет пять основных компонентов, направленных на развитие детского оздоровительного лагеря:

- ценностно-ориентационный (идеи, принципы, ценности работы);
- функционально-деятельностный;
- пространственно-временной;

- индивидуально-групповой;
- диагностико-аналитический¹.

Проведя анализ научно-методических источников и отчетной документации, можно выделить основные закономерности и специфику в деятельности детского оздоровительного лагеря.

К первому компоненту мы относим временный характер детского объединения. Но, не смотря на это, данный компонент позволяет, в силу своих характерных особенностей, решать многие вопросы эффективней, чем в более стабильных, постоянных детских коллективах (школьном классе, спортивной секции, дворовой компании и т. д.).

Ко второму компоненту относится разнообразная деятельность. Для смены характерна, прежде всего, насыщенность. На каждый день разрабатываются разноплановые и разножанровые мероприятия, что делает детский оздоровительный лагерь очень привлекательным в глазах детей и подростков, которые в силу своего возраста стремятся «попробовать все и успеть везде».

К третьему компоненту необходимо отнести интенсивность освоения детьми различных видов деятельности. Основная задача педагога-организатора не только заинтересовать воспитанника каким-либо делом, но и помочь ему достичь определенного положительного результата. В этом смысле личностно-ориентационный подход означает, что степень интенсивности должна быть адекватна индивидуальным возможностям человека².

Четвертый компонент — это природно-климатическая база. Подавляющее большинство детских оздоровительных лагерей находятся в живописных местах (лесной массив, озеро и др.). Естественное природное окружение, чистый воздух и пр. становятся важными условиями, повышающими привлекательность отдыха и досуга в детском оздоровительном лагере. Мыслитель Г. Линдер в одной из работ писал: «Истинное убеждение, во всякое время открытое для всех страждущих нравственно, есть и будет природа».

Пятый компонент — четкий режим жизнедеятельности и питания. Режим дня является важнейшей составляющей жизнедеятельности в детском оздоровительном лагере. Режим дня помогает выработать у детей правильный темпоритм жизни, способствующий нормальному росту и развитию организма, воспитать полезные привычки. Три «кита», на которых держится распорядок дня: максимальное использование природно-климатических факторов, рациональная

¹ Таран, Ю. Н. Педагогический потенциал лагерной смены/Ю. Н. Таран//Философия и педагогика каникул/Ю. Н. Таран. – М.: Инноватор, 1998. – С. 80–84.

² Ерошенков, И. Н. Культурно-воспитательная деятельность среди детей и подростков : учебное пособие/И. Н. Ерошенков. – М.: Владос, 2004. – 221 с.

организация всей жизнедеятельности детей в лагере, полноценное питание, соблюдение санитарно-гигиенических правил и здоровый сон.

Обычно в детском оздоровительном лагере наблюдается четкое деление дня на три блока. В первой половине дня — это учебная и трудовая деятельность. Во второй половине — учебные, спортивные, досугово-развлекательные мероприятия с акцентом на индивидуально-групповые формы. Вечером предполагается свободное общение ребят со сверстниками и наставниками. Например, яркое зрелище, развлекательное или, наоборот, излишне серьезная акция, требующая больших эмоциональных затрат, проведенные во второй половине дня, окажут негативное влияние на повседневные дела во второй половине. Формы, требующие особой доверительности, тайны («огоньки», вечера встреч, беседы на «вечные» темы и т. д.), безусловно, лучше пройдут в вечернее время¹.

В плане на день необходимо выделять время и для «отдыха друг от друга», тот есть давать возможность детям и подросткам побыть наедине с собой. Наконец, режимные моменты могут (и должны) варьироваться, изменяться по ходу смены, в зависимости от конкретных условий. К примеру, на утренние процедуры (зарядка, туалет, уборка) в первые дни смены времени должно выделяться больше, чем в ее середине или в конце. Это делается в связи с тем, что ребята еще недостаточно адаптировались к новым для себя условиям (месту жительства, правилам, окружающим людям, территории и т. д.).

Шестой компонент — латентный (завуалированный, скрытый) характер развивающей, коррекционной, реабилитационной, психолого-педагогической помощи и поддержки участникам смены. В загородном лагере культурно-досуговая, социально-культурная работа строится не на основе прямого взаимодействия педагогов, психологов, организаторов досуговой деятельности, а посредством специально структурированной социальной среды, условий совместной деятельности. Новый уровень взаимодействия детей и взрослых, нетрадиционные методы и формы работы зачастую снижают «сопротивляемость материала» и повышают эффективность воспитательного воздействия. При взаимодействии с Избирательной комиссией г. Белгорода во всех детских оздоровительных лагерях каждую смену проводятся выборы органов детского самоуправления, а также ряд культурно-досуговых, спортивных и других мероприятий.

Большое внимание уделяется профилактической работе по исключению противоправных действий воспитанников. В день заезда детям проводится инструктаж по технике безопасности и детскому травматизму, а также беседы «Береги свою жизнь и здоровье», «Опасный огонь». На протяжении всей смены

¹ Жаркова, А. Д. Культурно-досуговая деятельность: учебник / А. Д. Жаркова, В. М. Чижикова. — М.: МГУКИ, 1998. — 265 с.

проводятся беседы-размышления с анкетированием (например, «Территория без сквернословия», «Мой выбор — НЕТ наркотикам», «Курить или не курить? Вот в чем вопрос»)¹.

Разнообразные формы работы дают возможность гармонично развивать личность детей, поэтому воспитательная работа строится по следующим направлениям:

- познавательно-досуговая;
- отрядные и общелагерные мероприятия;
- творческая деятельность детей²;
- трудовая;
- спортивно-оздоровительная³.

Все перечисленные направления деятельности направлены на обогащение опыта социальных отношений детей, актуализации ценностей активного и здорового образа жизни, которое объединяет различные направления оздоровления, отдыха и воспитания детей в условиях детского оздоровительного лагеря.

Реализация перечисленных направлений в условиях детских оздоровительных лагерей строится с учетом временных, возрастных, индивидуальных, образовательных, воспитательных и развивающих факторов. Мероприятия должны быть направлены на развитие интереса у ребенка к разнообразным видам активной деятельности, развитие творческих способностей, укрепление здоровья, приобщение к труду, как к высшей человеческой ценности⁴.

При планировании работы с детьми большое внимание уделяется патриотическому воспитанию. Воспитание чувства любви к Родине, к культуре русского народа, его традициям, к своей семье отражаются в ряде культурно-досуговых мероприятиях.

Мероприятия экологического направления построены на воспитании ответственного отношения детей к природе, к родному, позволяют расширить интеллектуальный уровень ребенка.

¹ Лазарева, А. Г. Организация жизни детей в летнем лагере/А. Г. Лазарева, З. И. Невдахина, Г. М. Орябинская, и др.//Воспитание школьников. – 1998. – № 2. – С. 17–21.

² Иванова Т. И., Белецкая Е. А., Мешков В. А., Товолжанская Н. В. Теоретические основы исследования формирования взаимоотношений детей дошкольного возраста в сюжетно-ролевой игре/Т. И. Иванова, Е. А. Белецкая, В. А. Мешков, Н. В. Товолжанская//Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики III Международная научно-практическая конференция. – 2015. – С. 35–51.

³ Программы реабилитационной деятельности летних детских оздоровительных лагерей/под ред.: И. В. Куприяновой, А. Е. Сикорской. – М., 1997. – 115 с.

⁴ Сысоева, М. Е. Организация летнего отдыха детей: учеб.- метод. пособие/М. Е. Сысоева. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. – 176 с.

Эстетическое воспитание детей. Мероприятия, проводимые в рамках данного направления построены на творчестве ребят. Ребята принимают участие в различных конкурсах, в концертной программе («Мисс лагерь», «Мистер лагерь») и др.

Трудовая деятельность. Дети занимаются благоустройством своих комнат, корпусов. Содержание трудовой деятельности — самообслуживание, общественно-полезный труд, дежурство в столовой, в родительском уголке. Организовывая труд детей, вожатые и воспитатели учитывают психологические особенности данной возрастной группы.

Спортивно-оздоровительная деятельность. Физическое воспитание детей в лагере имеет большое значение в укреплении здоровья детей, разностороннее физическое развитие. В данном виде деятельности можно выделить следующее: утренняя зарядка, подвижные игры, отрядные и общелагерные спортивные соревнования по футболу, пионерболу, волейболу, настольному теннису, шашкам и шахматам («Веселые старты», развлекательная программа «Зов джунглей», «комический» футбол, спортивно-логическая игра по станциям, эстафета «Один за всех, все за одного», игра на сплочение коллектива «Зеленая пятка».

Основная цель деятельности — создание условий для обогащения опыта социальных отношений детей, актуализация ценностей активного образа жизни; содействие раскрытию творческой индивидуальности ребенка в социальных взаимоотношениях¹.

Основное направление деятельности детского оздоровительного лагеря — обогащение опыта социальных отношений детей, актуализация ценностей активного и здорового образа жизни, которое объединяет различные направления оздоровления, отдыха и воспитания детей в условиях детского оздоровительного лагеря.

Таким образом, детские оздоровительные лагеря имеют достаточный социально-культурный потенциал, связанный с обязательными особенностями лагеря как детского учреждения и основанный на конкретной воспитательно-оздоровительной системе. А главное — культурно-досуговая, социально-культурной деятельности обладают огромными позитивными возможностями и резервами, позволяющими более результативно решать многие проблемы социально-культурной адаптации и реабилитации детей и подростков в современном социокультурном пространстве.

¹ Белецкая Е. А., Иванова Т. И. Коммуникативная компетентность старших школьников: научные подходы к исследованию/Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы – Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2016. – С. 21–24.

*Belina Elena Vladimirovna,
Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen,
postgraduate student, the department
of educational technologies in philology
E-mail: raininspain@mail.ru*

Strategy of reading and literary development of the younger school student at the initial stage of literary education

*Белина Елена Владимировна,
РГПУ им. А. И. Герцена,
кафедра образовательных
технологий в филологии, аспирант
E-mail: 280177@inbox.ru*

Стратегии чтения и литературное развитие младшего школьника на начальном этапе литературного образования

В Российской системе образования чтение художественной литературы, умение читать и выбирать книги всегда ценилось. Именно этим обусловлена традиция русской методической школы. В отличие от других стран, в России в общеобразовательной школе для дисциплины «литература» отводится необыкновенно длительный период изучения с 1 по 11 класс. В отечественной методике создана уникальная система литературного развития, цель которой формирование и *развитие культуры чтения художественного чтения* у школьника (от потребности в чтении до создания творческой работы)¹.

К сожалению, в современном обществе понимание ценности *культуры чтения художественного текста* недостаточно, а само понятие для многих ограничено лишь прагматическим подходом к чтению как поиску информации. При этом идет смешение стратегий чтения художественного текста и обычного текста. Под *культурой чтения* мы понимаем деятельностный процесс восприятия, анализа и интерпретации текста в соответствии с его природой. Следовательно, *культура чтения художественного текста* представляет собой активную работу всех сфер восприятия в деятельности читателя, эмоционально-образное освоение прочитанного, когда на каждом этапе чтения (восприятие, анализ, интерпретация)

¹ Методика преподавания литературы: Учебник для пед. вузов/Под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана: В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1994.

читатель создает промежуточные «продукты», подобным «продуктом» может стать любой вид творческой работы¹.

Степень начального общего образования традиционно является не только этапом освоения младшим школьником функциональной грамотности, но и является «фундаментом», отправной точкой для литературного развития читателя-школьника.

Однако в век информатизации и технологизации в современном образовательном процессе акцент сделан на информационное чтение, поэтому сегодня важно понять насколько начальная школа разводит цели и задачи информационного и литературного чтения.

Государственная программа начального общего образования первоочередной целью предмета «Литературное чтение» называет подготовку квалифицированного читателя, посредством формирования навыка чтения, способов и приемов работы с текстом или книгой, формирования читательской компетентности младшего школьника. Подобная концепция ориентирует учителя в большей степени на формирование и развитие умений смыслового освоения текста, чем на развитие литературных и творческих способностей учащихся. В такой ситуации существует возможность, что литературное развитие, развитие воображения, эмоционально-эстетической сферы ребенка могут остаться без должного внимания. Не многие авторские программы на начальном этапе литературного образования акцентируют внимание на учете специфики литературы как искусства слова, на проведении анализа художественного или учебного текста в соответствии с его природой (М. П. Воюшина, В. А. Левин, Г. Н. Кудина, З. Н. Новлянская, А. А. Мелик-Пашаев и др.). При разнообразии путей реализации целей и задач курса «Литературное чтение», предлагаемых выше перечисленными авторами, их объединяет «стремление выстроить систему роста читателя-школьника»².

Наше исследование читательских предпочтений³ и диагностика особенностей восприятия младших школьников выявили недостаточность внимания к природе художественного текста в реальной практике начальной школы⁴. Причин этому несколько.

¹ Ядровская Е. Р. Развитие интерпретационной деятельности читателя школьника в процессе литературного образования (5–11 классы): Монография. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012. – 184 с.

² Воюшина М. П. Методические основы начального этапа литературного образования: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02: СПб, 1999. – 427 с.

³ Белина Е. В. Читательские предпочтения современного младшего школьника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. 1, С. 20–24.

⁴ Белина Е. В. Особенности восприятия художественного текста современными младшими

Во-первых, большинство современных программ начального общего образования акцентируют внимание в работе с текстом на понимании прочитанной информации и самостоятельном воспроизводстве учащимися текста. При этом предпочтение отдается логическому осмыслению эстетических закономерностей произведения. Опыт читательской деятельности младших школьников в основном нацелен на формирование аналитических умений: устанавливать причинно-следственные связи, выделять ключевые слова и главную мысль текста и т. п.

Во-вторых, не смотря на положительные изменения современных учебников (обновление содержания и оформления, соответствие возрастным особенностям учащихся), в учебнике по литературному чтению часто преобладают задания репродуктивного характера, способствующие развитию словесно-логического мышления учащихся, развитию познавательных и речевых умений. Например: *о чем этот рассказ, попробуй передать его содержание в нескольких предложениях, перескажите основные события рассказа в соответствии с планом* (готовый план предложен на странице учебника). Подобная работа с текстом необходима и по-своему важна, но не способствует развитию творческой деятельности читателя, обедняет восприятие художественного произведения.

К сожалению, отсутствие системы вопросов и заданий учебника, направленных на полноценное восприятие и целостный анализ художественного текста с учетом его специфики затрудняют развитие литературно-творческих способностей учащихся¹.

В третьих, помимо выбранной программы и учебников, большую роль в достижении учащимися целей обучения играет учитель (особенно учитель начальной школы), его профессиональная компетентность в вопросах школьного литературного образования. Литературное чтение — один из четырех основных предметов (русский язык, литературное чтение, математика, окружающий мир), который в начальной школе в большинстве школ России ведет один и тот же учитель. Достаточно сложно одинаково владеть методикой преподавания каждого предмета, многое зависит от личности учителя, понимания им целей и специфики каждого предмета, психологических особенностей современного младшего школьника и класса в целом. Все это требует от учителя владения соответствующими компетенциями.

Каким же видят современный урок литературного чтения в начальной школе сами учителя? Какие цели на уроке литературного чтения реализуют сегодня учителя начальной школы? Используя анкетирование, индивидуальные беседы,

школьниками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. Ч. 2, С. 30–35.

¹ Методика преподавания литературы: Учебник для пед. вузов/Под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана: В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1994.

встречи на семинарах и конференциях мы получили следующие результаты — мнения учителей.

Первое место среди приоритетных целей урока у 94% из 68 учителей начальных классов Санкт-Петербурга, которые участвовали в анкетировании и опросе, занимает овладение навыком чтения и умение работать с текстом произведения, анализ текста (*без указания его природы*). Далее были выбраны развитие речи (активизация и расширение словаря младшего школьника) — 76% и развитие познавательных способностей учащихся (формирование умения работать с информацией в виде текста) — 40%.

Анализ приоритетов учителя в целях урока литературного чтения показывает, что в реальной практике учитель максимально сконцентрировал свои внимание на формировании навыка смыслового, информационного чтения. К сожалению, развитие личности школьника (развитие эмоциональной сферы, воображения, литературных и творческих способностей) оказалось менее важным — выбор учителей составил от 4% до 30%, хотя данное направление актуально для любого учебного предмета эстетического цикла: музыка, изобразительное искусство, литература. Конечно, мы не можем полагать, что подобная картина выбора учителем приоритетов в преподавании литературного чтения сегодня существует повсеместно, однако определенная тенденция прослеживается.

Сегодня для развития *культуры чтения* учащихся особое значение имеет уровень владения учителем эффективными методами и приемами работ с разными видами текста, для создания практических условий, в которых учащиеся смогут познакомиться и освоить необходимые для современного человека стратегии чтения. Ведь чтение и анализ художественного текста существенно отличается от подобной работы с познавательным или учебным текстом. Смещение стратегий или не разграничение целей и задач информационного чтения и чтения художественного текста приводит к утилитарному подходу к художественному произведению.

Анализируя сложившееся на сегодня в нашей стране положение с чтением не только в начальной школе, мы видим два ключевых аспекта этой проблемы: чтение художественной литературы и чтение как поиск информации. Оба направления актуальны, но решение их находится в освоении читателем-школьником разных стратегий чтения.

Очевидно, что обучение диалогу с художественным текстом, его полноценному восприятию, формирование и развитие *культуры чтения художественного текста* должно начинаться на начальном этапе литературного образования. В сложившейся ситуации возможным направлением для решения проблемы было бы четкое разграничение задач освоения разными стратегиями чтения или передача формирования и развития информационной культуры учащихся другому предмету (технологии чтения, способы работы с информацией и т. п.).

Таким образом, чтение, оставаясь универсальным инструментом познания мира, обеспечит человеку возможность удовлетворять свои личные познавательные и эстетические потребности.

Список литературы:

1. Белина Е. В. Особенности восприятия художественного текста современными младшими школьниками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (51). – Часть 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/7.html> (Дата обращения: 31.03.16)
2. Воюшина М. П. Методические основы начального этапа литературного образования: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02: СПб, 1999. – 427 с.
3. Методика преподавания литературы: Учебник для пед. вузов/Под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана: В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1994.
4. Ядровская Е. Р. Развитие интерпретационной деятельности читателя школьника в процессе литературного образования (5–11 классы): Монография. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012. – 184 с.

*Vedernikova Lyudmila Vasilyevna,
Ishim Ershov Teachers Training Institute (the branch)
of Tyumen State University Doctor of Pedagogical Science,
a professor of the Chair of Pedagogical Science Deputy Director for Science
E-mail: wedernikowa@mail.ru*

*Elantseva Svetlana Aleksandrovna,
Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogical Science
of the Teachers' Training Institute named after P. P. Ershov (Branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Vocational Education "Tyumen State University"
E-mail: elavetal@gmail.ru*

*Povoroznyuk Olga Alekseyevna,
Associate Professor of the Chair of the Theory and Methods
of Preschool and Primary Education of the Teachers' Training Institute
named after P. P. Ershov (Branch) of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Vocational Education "Tyumen State University"
E-mail: olgi-ya@mail.ru*

**On educational institution's readiness to
the network collaboration as a condition of
training a creative professional teacher**

Ведерникова Людмила Васильевна,
Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал) ФГБОУ
ВО «Тюменский государственный университет»,
доктор педагогических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
E-mail: wedernikowa@mail.ru

Еланцева Светлана Александровна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова (филиал)
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»
E-mail: elasvetal@gmail.ru

Поворознюк Ольга Алексеевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и методики начального и дошкольного образования
Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова (филиал)
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»
E-mail: olgi-ya@mail.ru

Готовность образовательных учреждений к сетевому взаимодействию как условие подготовки педагога — творческого профессионала

Сетевое взаимодействие в современном образовании становится одним из ключевых условий становления педагога как творческого профессионала¹.

Н. С. Бугрова, И. М. Реморенко и др. понимают под образовательной сетью совокупность субъектов образовательной деятельности, предоставляющих друг другу собственные образовательные ресурсы с целью повышения результативности и качества образования друг друга².

Под сетевым взаимодействием в высшем педагогическом образовании мы понимаем систему непосредственных и опосредованных связей между научно-исследовательскими учреждениями, вузами, учреждениями среднего профессионального образования, учреждениями дошкольного, общего и дополнительного

¹ Ведерникова, Л. В. Взаимодействие общеобразовательной школы и педагогического вуза в социокультурном контексте / Л. В. Ведерникова, О. А. Поворознюк // Высшее образование в России. – 2013. – № 11. – С. 110–114; Ведерникова, Л. В. Профессиональное становление студентов в условиях модернизации педагогического образования / Л. В. Ведерникова, О. А. Поворознюк // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 105. 102.

² Бугрова, Н. С. Сетевое взаимодействие в системе повышения квалификации педагогических кадров: дисс. на соискание уч. степени канд. пед. наук. – Омск, 2009.

образования, позволяющих разрабатывать, апробировать и реализовывать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования, направленные на подготовку педагога как творческого профессионала.

Нами выделены три уровня сетевого взаимодействия при подготовке педагога как творческого профессионала в Ишимском педагогическом институте им. П. П. Ершова (филиал) ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет». Первый (базовый) уровень включает ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ФГБОУ ВО «ТюмГУ», Департамент по социальным вопросам администрации города Ишима, Муниципальное казенное учреждение «Ишимский городской методический центр» (МКУ «ИГМЦ»), отдел образования администрации Ишимского муниципального района Тюменской области, городские и районные профессиональные сообщества педагогов, городские и районные методические объединения, методические службы образовательных учреждений, педагогические коллективы образовательных учреждений; а также студенты как объект и субъект подготовки педагога как творческого профессионала. Второй (творческий) уровень представлен творческими и проектными группами педагогов, школами передового педагогического опыта — опорными школами, стажерскими площадками, предметными лабораториями. К третьему уровню внешних связей отнесены АОУ ТОГИРРО как основной партнер в сфере повышения квалификации педагогов, иные учреждения высшего и среднего профессионального образования и социальные партнеры.

В Ишимском педагогическом институте им. П. П. Ершова начала внедряться такая модель реализации образовательных программ в процессе сетевого взаимодействия, как модель «вуз-предприятие», характеризующаяся тем, что дошкольные, средние и дополнительные образовательные организации являются партнерами по реализации образовательных программ высшего образования.

При внедрении сетевого взаимодействия в процесс подготовки педагога как творческого профессионала остро встала проблема недостаточной готовности педагогов образовательных учреждений к наставнической деятельности.

Один из механизмов решения данной проблемы сетевого взаимодействия — это введение практики супервизии в образовании.

Для оценки психолого-педагогической готовности учителей к деятельности супервизора в процессе подготовки творческого педагога в условиях сетевого взаимодействия с вузом нами была разработана анкета. Ее содержание определялось на основе требований профессионального стандарта педагога. Анкета включала 76 вопросов открытого, закрытого и смешанного типов. Например: «Перечислите психолого-педагогические технологии, которые Вы применяете в своей профессиональной деятельности (2–3)»; «Применяете ли вы в своей

профессиональной деятельности методы диагностики и оценки показателей уровня и динамики психического и личностного развития ребенка? Как часто?»; «Имели ли Вы опыт разработки и реализации за последние три года программ индивидуального развития ребенка?»;

Анкетирование 40 учителей показало, что такая трудовая функция как «Развивающая деятельность» сформирована у учителей на недостаточном уровне для осуществления супервизорской деятельности в процессе подготовки творческого педагога в условиях сетевого взаимодействия с вузом. Если обучающая и воспитательная деятельности находятся на приемлемом уровне у респондентов для осуществления супервизорской деятельности, то развивающая деятельность значительно отличается по уровню развития от обучающей и воспитательной в негативную сторону.

Недостаточная готовность учителей к развивающей деятельности¹, привела нас к идее разработки программы подготовки учителей-супервизоров, которая включала бы две ступени подготовки: первая — это повышение профессиональной готовности учителей к реализации развивающей деятельности в общеобразовательных учреждениях г. Ишима; вторая — подготовка учителей-супервизоров для участия в процессе подготовки творческого педагога в условиях сетевого взаимодействия с вузом.

Реализация первой ступени подготовки учителей-супервизоров осуществлялась на базе МАОУ СОШ № 7 г. Ишима с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2015 г. Подготовка проходила в рамках инновационного образовательного проекта «Психологические основы организации образовательного процесса в условиях введения ФГОС»².

Целью первой ступени подготовки учителей-супервизоров выступало совершенствование психологической компетентности учителей города для эффективной организации учебно-воспитательного процесса с учетом психологических особенностей обучающихся и требований Профессионального стандарта педагога.

¹ Ведерникова, Л. В. Педагогическая поддержка саморазвития педагога/Л. В. Ведерникова// Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 5. – С. 87–91; Еланцева, С. А. Опыт реализации инновационного проекта «Психологические основы организации образовательного процесса в условиях введения ФГОС» на базе МАОУ СОШ № 7 г. Ишима/С. А. Еланцева//XXV Ершовские чтения: межвузовский сб. научных ст./отв. ред. Л. В. Ведерникова. – Ишим: Изд-во филиала ТюмГУ в г. Ишиме, 2015. – С. 174–176; Еланцева, С. А. Психологические аспекты профессиональной подготовки будущего учителя в вузе/С. А. Еланцева//Высшее образование в России. – № 11. – 2013. – С. 125–130.

² Организация сетевого взаимодействия общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, принимающих участие в конкурсе на государственную поддержку/под ред. Адамского А. И. – М.: Эврика, 2006.

Занятия с учителями проводились непосредственно в школе. В рамках программы применялись элементы дистанционного обучения.

Программа включала ряд таких направлений как «возрастная психология»; «управление познавательной деятельностью обучающихся на уроке»; «организация учебно-воспитательного процесса с учетом личностных и половых особенностей обучающихся»; «составление и разработка программ индивидуального развития ребенка; индивидуально-ориентированных образовательных программ как основные трудовые действия и умения учителя при реализации развивающей деятельности»; «психологические основы организации учителем адресной работы с различными контингентами обучающихся»; «формирование позитивных взаимоотношений в коллективе обучающихся»; «формирование структуры учебной деятельности у обучающихся»; «психология личности учителя и его взаимодействия с обучающимися»; «психологически безопасная образовательная среда школы»; «психологический анализ урока в педагогической деятельности учителя»; «сотрудничество и педагогическое консультирование родителей по проблемам развития детей в процессе обучения».

В процессе подготовки учителей-супервизоров акцент был сделан на интерактивные формы обучения: лекция-визуализация; лекция-дискуссия; лекция с разбором конкретных ситуаций; лекция-консультация; семинар — круглый стол; «выездной семинар»; «мозговой штурм»; метод проектов; учебные тренинги; деловая игра; ролевые игры; кейс-метод; метод анализа конкретных ситуаций и др.

Большое количество времени отводилось на самостоятельную работу: проведение диагностики со школьниками по предложенной тематике; творческий отчет о проведенной диагностике школьников по предложенной тематике (доклад, электронная презентация, письменный отчет); работа с научно-методической литературой и интернет-ресурсами; проведение открытых уроков и мастер-классов; составление психологического портрета школьника и практических рекомендаций по учету индивидуально-личностных особенностей школьника в учебно-воспитательном процессе; анализ видеосюжетов школьной действительности и др.

Контроль осуществлялся только в нетрадиционных, творческих формах, выбор которых зависел от специфики содержания подготовки и профессиональных интересов слушателей и преподавателя. Это могли быть разбор конкретного случая из педагогической практики по тематике дисциплины, защита проекта программ по тематике дисциплины, портфолио по дисциплине, проведение открытых уроков, мастер-классов, написание эссе, проведение круглых столов, проведение и защита результатов мини-исследования, анализ видеосюжетов школьной жизни по тематике дисциплины; ролевые и деловые игры; тестирование и др.

По завершении инновационного проекта учителя представили свои индивидуальные научно-методические разработки в форме публичной защиты выпускной аттестационной работы по темам, раскрывающим психологические основы организации образовательного процесса в условиях введения ФГОС. Инноватика в публичной защите работы состояла в гармоничном сочетании двух составляющих: научно-теоретической и практико-ориентированной, что предполагало изложение теоретико-методологических основ исследовательской работы в форме доклада, сопровождаемого презентацией, и проведение мастер-класса, в ходе которого учителя демонстрировали в практической деятельности с обучающимися свои методические разработки.

Непосредственная подготовка учителей — супервизоров будет осуществляться на второй ступени подготовки, содержание которой предполагает знакомство учителей с моделью подготовки педагога как творческого профессионала, действующую в вузе; концепцией организации учебных и педагогических практик; содержанием практик; совместную разработку критериев оценки деятельности студентов на практике и распределение функций между методистами по практике от вуза и учителями-супервизорами; разработку учителями спецкурсов для студентов — будущих педагогов.

Таким образом, подготовка педагога как творческого профессионала в условиях сетевого взаимодействия — феномен, находящийся на начальном этапе своего становления, безграничное поле творческого поиска научно-педагогических коллективов педагогических вузов. Готовность средних образовательных учреждений к сетевому взаимодействию с педагогическим вузом выступает важным условием подготовки современного творческого педагога.

Zhakiybekova Saule,

I. Zhansugurov Zhetysu State University

PhD student,

E-mail: sauleskorpion@mail.ru

Dyusembinova Raifa,

Doctor of pedagogical sciences,

Professor of I. Zhansugurov Zhetysu State University

E-mail: add22@mail.ru

Relevance of education problems in the development of modern society

In the last few years, the problem of education is still relevant in the presentations and publications of foreign sociologists, psychologists and teachers as well as scientists,

writers, politicians and other representatives of the national intelligentsia. It is scarcely a simple coincidence or a new intellectual fashion: it is likely that some new tendencies of world historic process are behind it. Herewith, special attention in any discussions on the topic of education is paid to both, quite critical assessment of classic educational paradigms, concepts, institutions, and search for new images that correspond more to the modern cultural situation. Traditional model of education known to us is almost always a simple rendering of culture dominating in the given society and state at a certain time. The main idea of such education is the training understood as assimilation of knowledge accumulated by the mankind in different spheres in order to prepare a specialist ready to get into the existing socio-economic processes.

The origins of the problem of pedagogical work should be looked for in the depths of philosophy, sociology, pedagogics and psychology, which, for ages, have been known as sciences studying the understanding of life, search for answers to the questions about the aim of existence of a man, his role in the society and preparation for the fulfillment of his purpose in life. Accessibility, system nature and durability of acquired knowledge, intellect development, character and formation of abilities in children as well as approaches and methods of teachers' work are of special interest.

All these ideas were reflected in the treatises of a great scientist and thinker Al-Farabi such as «Attainment of happiness», «the Book of Music», which focus on psychological-pedagogical aspects of teaching and upbringing. The contribution in the development of national psychological-pedagogical thought by an outstanding Kazakh thinker A. Kunanbaev is significant. In all his statements addressed to the younger generation, Abai expressed his major thought: «The process of mastering knowledge or art of some craft is the supreme blessing and to master it, vivid mind, strong will and noble intentions are required». Wise «Words of edification» will never lose their power and freshness for the Kazakh people¹. After Kazakhstan and Central Asia were merged into Russia, the first educational institutions providing elementary secular education appeared. In 1789, the first «Asian school» was opened in Omsk. In 1864, a military school started operating in Omsk, one of the graduates of which was Chokan Valikhanov, who became a prominent Kazakh scientist-enlightener. There was a school for Kazakh children at the Orenburg border commission, where a Kazakh enlightener Ibrai Altynsarin studied².

Due to Altynsarin's efforts, education in the Kazakh steppe gained wide spread. Upon his initiative and on funds raised by him, schools in Torgai, Iletskeya zashchita, Irgiz, Nikolaevsk, Aktyubinsk were opened in 1884, and in 1887, I. Altynsarin

¹ Writers of Kazakhstan in XX century (bibliographical index). – Zhambyla State youth library, Almaty, 2011.

² Study of the development of culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan in the course of the USSR history. – A. Z. Izmailov – Almaty, 1986. <http://bibliotekar.kz>

achieved the opening of the first female school in Irgiz. In his works, I. Altynsarin considered the entire educational system as the process of formation of the personality of a pupil under the influence of the personality of a teacher, which was reflected in his remarkable work «Issues of social psychology».

In 1921, four institutes of public education were operating in Kazakhstan, including in Orenburg and Semipalatinsk¹.

Social and political changes in the country required immediate formation of a completely new teacher capable of taking an active part in the construction of a new society.

In our opinion, a certain role in creation of theoretical basics of teachers' training in post-October period in Kazakhstan was played by A. Baitursynov, M. Zhumabaev and Zh. Aimauytov. Their ideas suggest that during a teacher training, special attention should be paid to psychological-pedagogical and methodical preparation. The words of A. Baitursynov that «... anything can be done well and quickly if it is done by a competent person» are current today. «This applies to not only physical labor, but also intellectual labor. People engaged in educating children should know the issues of methods well. Those who want to know the issues of education well should, firstly, understand everything they will educate children about. Secondly, they should know well the nature and feel the mood of a child. For this, one should know everything about physical and intellectual development of children nearly from their birth. Inner condition of a child should be distinguished according to their actions. Among educated peoples, education of children is performed by people specially trained in pedagogical science. This is absolutely right, because, if a judge learns legal process and a doctor learns medicine, a teacher should learn pedagogics...»².

The book «Pedagogics» by M. Zhumabaev sets forth the basics of pedagogics taking into account national peculiarities of children; defines goals and subject of pedagogics, the essence of upbringing in narrow and wide sense; determines main directions of upbringing, which is divided into four kinds: physical, intellectual, esthetical and cultivation of character.

The issues of professional preparation of a teacher and its improvement are traced in the works of Zh. Aimauytov «Psychology and choice of profession» and «Psychology», «Methods of complex system of teaching». In his work «Pedagogical manual», he writes: «A teacher deals with constantly changeable «material», which children are. Thus, he/she cannot stop at once acquired level of knowledge and apply same learned methods because life demands constant renewal of knowledge and

¹ Study of the development of culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan in the course of the USSR history. – A. Z. Izmailov – Almaty, 1986. <http://bibliotekar.kz>

² About Kazakh-style education. Baitursynov A. – K. B. Zharikbaev, S. K. Kaliev//Anthology of a pedagogical thought in Kazakhstan – Almaty, 1995.

methods of teaching. Otherwise, there will be no headway, whereas teaching demands not only skill from a teacher, but a constant creative renewal and new approaches»¹.

The place of education in the life of a society is largely defined by the role that knowledge of people, their experience, abilities, skills, opportunities of development of professional and personal qualities play in social development.

Professional education in the Republic of Kazakhstan has been one of the important elements in the system of continuous education. Researches on the history of national pedagogics and education were conducted by such pedagogues as Tazhibayev T. T., Sembaev A. S., Sitydkov A. S., Berzhanov K. B., Zharikbaev K. B., Kunnantayeva K. K., Kaliev S. K., Seitaliev K. B. etc.

Such fundamental works of A. P. Seitesev as «Scientific basics and methodological principles of professional pedagogics», «Problems of formation of personality of a modern specialist in the conditions of a university training», «Development of pedagogical science and scientific-theoretical basics of formation of national skilled workers», «Theory and practice of development of modern education in the Republic of Kazakhstan», «Methodology of prognostic model of a specialist» played a significant role in the preparation of national skilled workers.

The use of scientific heritage of Kazakhstan allows us to take into consideration accumulated experience and national traditions when creating new education systems. Modern state education policy makes relevant the need to use time-tested set of pedagogical means and methods to ensure priority development of national education system.

In this respect, today, the study of factors influencing the quality of training and professional training of future specialists at the university is a priority sphere of research in the national science within the theory of higher education: N. D. Khmel, B. A. Abydkarimov, S. A. Abydmanapov, A. E. Abylkasymova, Zh. A. Karaev, S. Zh. Praliev, M. N. Sarybekov etc. Works on the issues of professional training of teachers have a determining value for us (V. I. Zagvyazinsky, E. F. Zeer, V. V. Serikov, V. A. Slashtenin etc.). A modern teacher should become an organizer of academic work on the solution of creative tasks, multi-faceted socially important activity of children. A teacher deals with a developing person; their actions should be built on the knowledge of psychology, basic approaches to understanding and explanation of peculiarities of psycho-physical condition of a child, his/her development at certain stages of life.

In this regard, there is a task to create a human resource potential corresponding to the growing educational needs of the state and various social groups of the society. It is universally known that children with disabilities are one of the most vulnerable groups of the society. Children with disabilities are children aged from 0 to 18 with

¹ Zharikbaev K. B., Kaliev S. K., Zh. Aimaulytov Pedagogical manual//Anthology of pedagogical thought in Kazakhstan – Almaty, 1995.

physical and (or) psychical handicaps that prevent them from mastering educational programs without creation of special conditions for receiving education.

Inclusion of children with disabilities in general educational process has high political importance. Development of inclusive education is one of the means of elimination of barriers disconnecting people; liquidation and discrimination according to psychical and physical differences; ensuring equal rights and abilities in receiving education by all children without exception.

This task relates to one of the tasks set forth by the Concept of development of education in the Republic of Kazakhstan till 2020, which envisages the creation of version models of teaching ensuring maximal diversity of content, form and methods of training, advanced training of pedagogical personnel considering the demands of organizations of education and in accordance with world standards¹.

One of the essential solutions of this problem in possible invariance of integrating education is definition of the strategy of social-professional training of primary school teachers, variants of specific programs realized in the activity of a pedagogical university.

Today, for general education institutions, there is no training for primary school teachers qualified and capable of rendering all-sided (primarily, medical, psychological and pedagogical support) help to all children with disabilities. Hence, every primary school teacher should have a training to be able to work with children with disabilities. Such education cannot be obtained by way of simple summarizing psychological-pedagogical disciplines.

For this purpose, it is reasonable to form a specific complex of professionally important skills (including knowledge and abilities) when teaching students at pedagogical universities, which will be introduced to the content of structural-functional model of preparation of a future primary school teacher for work with children with disabilities.

We see the solution of this problem in realization of organizational-pedagogical conditions promoting effective preparation of a future teacher for work with children with disabilities:

— orientation of the subjects of educational process to the formation of competence of interaction of a teacher with a handicapped child; inclusion of valid methods of diagnostics and self-diagnostics of students in the process of education, which are the base for personal growth of a future professional, satisfaction of their need in self-understanding, prevention of crisis of education, stimulation of sphere motivation development;

¹ State program of development of education and science of the Republic of Kazakhstan for 2016–2019. Astana, 2016//http://shahtinsk.gov.kz/ru/prog_4.

— personal inclusion of every student in the professional activity and real correctional-pedagogical process throughout the entire period of studying at the university; integration of psychological-pedagogical and special knowledge about competent interaction of a teacher with a child with special educational needs on the basis of intersubject relations;

— use of a project method oriented to the formation of competence of interaction with a handicapped child performing the following functions: diagnostic, self-understanding, cognitive, programming and personally-important.

Consequently, the formation of professional preparation of future teachers for the researched aspect of activity requires specially organized target-oriented training both in theoretical and practical sphere. The need of target-oriented training and lack of it in university education determines the development and functioning of the system securing the effective preparation of primary school teachers for work with handicapped children.

References:

1. Writers of Kazakhstan in XX century (bibliographical index). – Zhambyla State youth library, Almaty, 2011.
2. Study of the development of culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan in the course of the USSR history. – A. Z. Izmailov – Almaty, 1986. <http://bibliotekar.kz/>
3. About Kazakh-style education. Baitursynov A. – K. B. Zharikbaev, S. K. Kaliev//Anthology of a pedagogical thought in Kazakhstan – Almaty, 1995.
4. Zharikbaev K. B., Kaliev S. K., Zh. Aimauytov Pedagogical manual//Anthology of pedagogical thought in Kazakhstan – Almaty, 1995.
5. State program of development of education and science of the Republic of Kazakhstan for 2016–2019. Astana, 2016//http://shahtinsk.gov.kz/ru/prog_4

*Kudaibergenova Kulzada Sayakovna,
Doctor of pedagogical sciences, Head of the center
of-level programs Republican Institute for Development
of Leading and Research-Pedagogical Staff
of Education System of the Republic of Kazakhstan
E-mail: kulzada24@mail.ru*

The principles and laws of development of competence as pedagogical category

*Кудайбергенова Кульзада Саековна,
педагогика ғылымдарының докторы,
Деңгейлік бағдарламалар орталығының басшысы
Қазақстан республикасы білім беру жүйесінің басшы және
ғылыми-педагогикалық қызметкерлері біліктілігін арттыру институты
E-mail: kulzada24@mail.ru*

Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуының заңдылықтары мен ұстанымдары

Абайдың ғылым жолдары жөніндегі «Әр нәрсенің шындығына өз көзің толық жеткенде ғана, оны ғылым тұт»¹ деген даналық мұралары құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуын ғылыми танымның логикалық-әдіснамалық пәні ретінде философиялық-гносеологиялық деңгейде қарастыруға жетелейді.

Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуының шынайылығына көз жеткізу үшін оның барлық қырларын байланыстарын және аралық қатынастарын жалпылогикалық әдістерді абстрактілеу әдісін пайдалана отырып зерделейміз. Абстрактілеу әдісі зерттелуші объектінің мәнін терең оқу мақсатында заттың қасиетін, белгісін заттың өзінен ойша бөліп қарастыру арқылы объектіні идеалдандыра отырып, объектінің ғылыми негізін жалпы «түсінік», «термин», «ұғым», «категория» тұрғысынан қарастыруға мүмкіндік береді. «Түсінік» — «термин» — «категория» ғылыми танымның негізгі объектілері, ал заң, заңдылық, ұстанымдар ғылыми танымның даму тенденциялары² ретінде қарастырылады.

Бірінші ғылыми таным объектісі, термин (латынның «termino» — шектеймін, анықтаймын) — бұл ғылыми және практикалық мағынасы нақты шектелген ұғым.

Екінші ғылыми таным объектісі түсінік — кең мағынадағы түсінік және ғылыми түсінік деп бөлінеді.

Ғылыми түсінік жалпының, ерекшенің бірлігі болып табылады. Түсінік құбылыстардың және заттардың қатынастары мен байланыстарын және маңызды қасиеттерін білдіретін ойлау формасы ретінде ашылады.

Үшінші ғылыми таным объектісі — категория. Философия — категорияны (гр. «kategoria» — пікір айту, куәгерлек) дүниедегі заттар мен құбылыстардың және таным үдерісінің неғұрлым ортақ және елеулі байланыстарын көрсететін, бірегей, іргелі логикалық ұғымдар деп қарастырады. «Категория» өздерінің

¹ Абай. Қара сөздері. – Алматы: Өнер, 2006. – 124 б.

² Философиялық сөздік./ред.кол: Р.Н. Нұрғалиев, Ғ.Ғ.Ақмамабетов, Ж.М.Әбділдин, ж. б. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1996. – 525 б.

жалпыға бірдей және іргелі сипатымен ерекшеленеді, ақиқаттың аса маңызды байланыстары мен қатынастарын олардың неғұрлым жинақталған күйінде көрсетеді¹.

Таным объектілеріне берілген анықтамаларға сүйене отырып, біз олардың мазмұны мен қызметтері бойынша салыстырулар арқылы жалпы түсініктердің өздеріне тән ерекшеліктерін, заңдылықтарын, қызметін төмендегідей жіктеп көрсетеміз (Кесте 1).

Кесте 1. – Таным объектілерінің сипаттамасы

Таным объектілері	Ерекшеліктері	Заңдылықтары	Қызметі
Термин	мағынасы нақты шектелген сөз; шек-теулі қызмет атқарады; нақты терминология шеңберінде беріледі; нақты лексикалық тілдер жүйесіне ендіріледі; сөздің астарымен байланысы жоқ	шектеулілікнақтылығы	заттардың, мекеме-лердің атаулары мен аттардан номенклатураны түзеді.
Ұғым	ойлау формасы; ойлау іс-әрекетінің элементарлық бірлігі; Кез-келген жалпының термин арқылы белгіленуі (И. Кант). Істің маңызын шынайы түсінудің синонимі (Гегель)	тұтастық, тұрақтылық, жалпылық, түпнұсқалық	заттардың қатынастары мен байла-ныстарынан, маңызды қасиеттерінен анықтама туғызады.
Категория	бірегей, іргелі логикалық ұғым (Логика); категория жүйесі, ойдың құрылымдық элементтері (Аристотель); ақыл-ойдың априорлық формалары (И. Кант); «идея-табиғат-рух» типіндегі абсолютті ой-тұжырым (Г. Гегель); Шынайылықтың байланыстары мен қасиеттері жөніндегі жинақталған білімнің мазмұнын құрайтын философияның іргелі түсінігі (Философиялық сөздік)	іргелілігі, сонылығы, абсолюттілігі	таным үдерісінің неғұрлым ортақ және елеулі байла-ныстарын, заңды-лықтарын көрсетеді

¹ Философский энциклопедический словарь/гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Таным теориясы *құзырлылықты*: айтылу формасындағы «жалпы түсінік», белгі түріндегі «термин», сөз түріндегі «ұғым», таным объектісі ретіндегі «категория» деп жіктеуге мүмкіндік берді. Біздің алдымыздағы мақсат педагогикалық таным үдерісінің неғұрлым ортақ және елеулі байланыстарын, заңдылықтарын топтастыра отырып, «құзырлылықтың» педагогикалық категория ретіндегі шынайылығына көз жеткізу.

«Категория» түсінігінің өзіндік шығу және даму тарихы ежелгі заманның осы саладағы жетістіктері грек ойшылы Аристотельдің «Категориялар» шығармаларында жинақталған¹. «Категория» мәселесі И. Кант пайымдауларында ақы-ойдың априорлық формалары ретінде, яғни тәжірибеден, ақиқаттан алынған нәтижелер ретінде емес, субъектіні танып білуші адамның санасында әуел бастан белгілі, тәжірибеге дейінгі ұғым - түсініктер² ретінде қарастырады.

Гегель И. Кант категорияларының бір-бірімен байланысына ерекше мән бере отырып, категориялар арасындағы генетикалық байланысты, екіншіден, категорияның пайымдау арқылы белгіленетіндігін, формасының шарттылығын, бағыныштылығын, мәнің шектеулі анықтамасын³ ашып көрсетеді.

Ғылымның іргелі түсінігі «категория» айналасына ғылымның ұстанымдары мен заңдарын категория емес түсініктерін топтастыра отырып, ғылымның логикалық қаңқасын түзеді. Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуының логикалық қаңқасын логиканың, материалистік диалектиканың заңдарынан туындайтын педагогикалық заңдылықтар, ұстанымдар арқылы жобалауға болады.

Педагогика өзінің іргелі категорияларын қоғам, табиғат, адам жөніндегі басқа ғылымдардың, соның ішінде әдіснамалық фундаментті қалаушы философия ілімдері, логиканың, материалистік диалектиканың заңдары мен заңдылықтарының негізінде анықталатындығын байқаймыз⁴. Егер педагогикалық заң педагогикалық жүйедегі маңызды байланыстарды ашатын болса, ал заңдылық педагогикалық жүйенің жеке компоненттеріне, элементтеріне қатысты қолданылады⁵.

Мысалы, педагогикалық үдеріс заңдылықтары әлеуметтік жағдайлармен, адамның табиғатымен, педагогикалық үдерістің мәнімен шартталады. Тұлғаның

¹ Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4т./ред З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2–4. – 384 с.

² Кант И. Критика чистого разума. – Соч. – М.: Мысль, 1964. – Т. – 3. – 800 с.

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 452 с.

⁴ Гинецинский В. И. Знание как категория педагогики: Опыт педагогической когнитологии. – М.: Педагогика, 1989. – 144 с.

⁵ Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2002. – 17 с.

дамуы мен қызметіне байланысты педагогика заңдары А. С. Макаренконың «адам жеке-жеке бөліктермен тәрбиеленбейді»¹ деген формуласы негізінде «Тұлғаның өмірі оның негізгі іс-әрекеттері», «Тұлғаның істі бастауы» заңдылықтары түрінде деп жинақталады² (Сурет 1).

Сурет 1. Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуының заңдылықтары мен ұстанымдары

¹ Макаренко А. С. Сочинения: в 7 т. – М.: Изд-во АПН. – Т. 5. – 582 с.

² Подласый И. П. «Педагогика». –М.: «Владос», 1999. – Т. 1. – 574 с.

Біз жинақталған тәжірибелерге сүйене отырып, бүгінгі педагогикалық үдерістегі шынайылықтың маңызды қасиеттері мен байланыстарын категориялық деңгейдегі құзырлылық арқылы айқындауға мүмкіндік алып отырмыз. Категория ретіндегі құзырлылықтың шынайылығын айқындауда логиканың «қарсы көзқарас», «тепе-теңдік» заңдары мен материалистік диалектиканың «қарама-қарсылықтар бірлігі мен күресі», «сандық өзгерістерінің сапалық өзгерістерге өту», «терістеуді терістеу» заңдарын арқау етіп алуға болады. Өйткені, педагогиканың негізгі заңдылықтары мен ұстанымдары ақыл-парасат пен фактілердің ақиқаттығынан туындайды.

Логиканың қарсы көзқарас заңы бойынша; егер А пікірінен кейін Ә пікірі туындаса, онда Ә пікірін жоққа шығарудан А пікірінің жоққа шығарылуы туады делінген. Дәл сол секілді білім, білік, дағды категорияларының бір ғасырлық жинақталған ой-тұжырымдарынан туындаған «құзырлылықты» жоққа шығарудың мүмкін еместігіне көз жеткіземіз. Формальды логиканың тепе-теңдік заңына сәйкес, ой таразысынан өткізіліп отырған объектінің (құзырлылық) дамуы мен өзгеруін белгілі бір дәрежеде абстрактілеу міндеті туындайды. Олай болса, біз қарастырып отырған ғылыми түсініктің категория ретіндегі дамуын, қозғалыстың ішкі көзін көрсететін қайшылық категориясының, материалистік диалектиканың қайшылық заңының тепе-теңдік, өзгешелік, қарама-қарсылық даму сатылары арқылы қарастырып көрелік.

«Құзырлылық» өз-өзіне айтарлықтай тепе-теңдікте, өйткені «құзырлылықтың» астарында ескілікпен қоса, жаңалық атаулының алғышарттары, өз-өзінен өзгеше және тепе-теңдікке бағынған сәттері қамтылған.

Құзырлылық ұғымындағы өзгешелік әлі толық дамымаған. Құзырлылық ұғымының енуіне байланысты жаңалық пен ескіліктің қатар өмір сүруі бірінші кезекке шыққанымен, құзырлылықтың жаңалық қыры ескілікті теріске шығару ретінде жүзеге асырылады.

Құзырлылықтың категория ретіндегі қайшылығын оның жаңалық пен ескілікті тепе-теңдікте ұстауынан көреміз.

Қарама-қарсылық: жаңалық пен ескілік бірін-бірі теріске шығара отырып, қарама-қарсы нәрселер бір-біріне айналады. Мысалы, құзырлылық өзінің ішкі қозғалысымен білім саласындағы сапаның дайын сұраққа дайын жауап арқылы бағалануын теріске шығара отырып, шешімі нақты емес сұрақтардың жауабы арқылы бағалауды бірінші кезекке қояды. Белгілі бір заттағы қайшылықтың ең жоғарғы сатысына жетуі, бір мезгілде оның жойылып кетуі, алғышарттарының айқындалуы, өзінің ішкі қозғалысымен өзін-өзі теріске шығаруы құзырлылықтың категория ретіндегі мазмұнының объективтілігін сипаттайды.

Ф. И. Захаров категорияның объективтілігі жөнінде былай дейді: «кез-келген категория өзінің мазмұны бойынша объективті, формасы бойынша субъективті.

Категорияның объективтілігін адам санасынан тыс объективті әлемдегі бар байланыстар мен белгілі жалпы жақтарынан тұратын мазмұн құрайды. Субъективтілігі — адамға қатысты шынайылықтың логикалық, абстрактілік шағылысу формасында»¹.

Сонымен, құзырлылықтың категория ретінде ішкі қозғалысы, ішкі және тұрақты байланысы, өзін-өзі теріске шығаруы логиканың, материалистік диалектиканың заңдарынан туындайтын педагогикалық заңдылықтар мен ұстанымдар арқылы қарастырылады. Қазақстан Республикасының «Білім туралы»² Заңында адамның еркін дамуы, өз бетімен білім алуы, болашақ мамандардың бәсекелестікке қабілеттілігі ұстанымдары талаптар ретінде белгіленген. 2006 жылы қабылданған 12 жылдық білім беру тұжырымдамасындағы білім алушының әлеуметтік әлемге енуі, өнімді бейімделуі, нәтиженің тұлғалық және әлеуметтік кіріктірілуін қамтамасыз ету сұрақтары педагогикалық үдерістің негізгі заңдылықтары ретінде айқындалған. Бұл заңдылықтар жалпы мотивациялық-құндылық, танымдық компоненттерінің тұлғалық-әлеуметтік болып кіріктірілуі педагогика ғылымындағы табиғатқа бейімділік, жүйелілік, ситуациялық, тиімділік, табыстылық, кездейсоқтық, белгісіздік ұстанымдарының жаңғыруына әкеліп отыр.

Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуы болашақта *квалиметриялық, ситуациялық, экзистенциялық* тұғырлардың тұтастық, әлеуметтендіру, кездейсоқтық, өзін-өзі жүзеге асыру, даму, мақсатқа бағдарлану, коммуникативтік ұстанымдарына негізделеді деп пайымдаймыз.

Әдебиет тізімі:

1. Абай. Қара сөздері. – Алматы: Өнер, 2006. – 124 б.
2. Философиялық сөздік./ред.кол: Р.Н. Нұрғалиев, Ғ.Ғ.Ақмамабетов, Ж.М. Әбділдин, ж. б. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1996
3. Философский энциклопедический словарь/гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. –840 с.
4. Аристотель. Категории//Аристотель. Сочинения: в 4 т./ред З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2–4. – 384 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. – Соч.– М.: Мысль, 1964. – Т. – 3. – 800 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 452 с.
7. Гинецинский В.И Знание как категория педагогики: Опыт педагогической когнитологии. – М.: Педагогика, 1989. – 144 с.

¹ Захаров Ф. И. Философия и методы научного познания. – М.: Лениниздат, 1972. – 263 с.

² Білім туралы. ҚР 2007 ж. 27 шілдедегі № 319-III Заңы. Қазақстан Республикасындағы білім туралы заңнама. Заң актілерінің жиынтығы. –Алматы: ЮРИСТ, 2008. – 216 б.

8. Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2002. – 17 с.
9. Макаренко А. С. Сочинения: в 7 т. – М.: Изд-во АПН. – Т. 5. – 582 с.
10. Подласый И. П. «Педагогика». – М.: «Владос», 1999. – Т. 1. – 574 с.
11. Захаров Ф. И. Философия и методы научного познания. – М.: Лениниздат, 1972. – 263 с.
12. Білім туралы. ҚР 2007 ж. 27 шілдедегі № 319-ІІІ Заңы. Қазақстан Республикасындағы білім туралы заңнама. Заң актілерінің жиынтығы. – Алматы: ЮРИСТ, 2008. – 216 б.

*Lichman Lada Yuryevna,
PhD (Education), Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages, Shuryk NMAPE
E-mail: lichman1967@mail.ru*

Building foreign language competence in multi-paradigmatic education space

*Личман Лада Юрьевна,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой
иностранных языков, НМАПО имени П. А. Шупика
E-mail: lichman1967@mail.ru*

Формирование иноязычной компетентности в полипарадигмальном образовательном пространстве

Интенсивное внедрение компетентного подхода в сфере образования получает все большую динамику и обретает все более заметные теоретически осмысленные контуры. При этом расширение представлений о компетентном человеке, квалифицированном специалисте постоянно изменяются, неизменно трансформируются в зависимости от развития социально-экономических процессов, от потребностей и запросов общества и времени. Поэтому содержательный объем понятия «компетентность» неизбежно увеличивается, а его терминологическое оформление существенно корректируется.

В языковой дидактике концепция компетенции/компетентности постоянно видоизменяется, эволюционирует; предложенное Н. Хомским¹ положение о дво-

¹ Хомский Ноам. Аспекты теории синтаксиса./пер. с англ. под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева. – М.: МГУ, 1972. – 259 с.

ичной природе языка как компетенции (диада: языковая компетенция/речевое осуществление языка) явилось модератором дальнейших изыскания в области преподавания иностранных языков.

Глобализация экономических, научных и культурно-образовательных структур предопределила модель модернизации подходов в би/мультилингвальной подготовке учащихся средних и высших учебных заведений. Поэтому развитие компетентностного направления в иноязычной педагогике во многом вызвано трендами социокультурной жизни, в частности, в объединении ресурсов и программ при достижении поставленной цели. Как известно, задача формирования лингвистической компетенции состоит в подготовке специалистов универсальной, высочайшей социально интегрированной квалификации, что проявляется в умении успешно осуществлять самые сложные и разнообразные задачи в предполагаемых условиях и обстоятельствах. В таком контексте растет понимание формирования иноязычной компетентности в синергии с наиболее педагогически продуктивными и инновационными школами и направлениями. В связи с этим можно предположить, что перспектива динамического развития компетентностной парадигмы в сфере обучения иностранным языкам все заметнее проясняется в полипарадигмальном образовательном поле, что, как полагаем, вполне закономерно. Ведь, как отмечает О. Я. Савченко, «внедрение компетентностного подхода не означает отбрасывание таких известных подходов в педагогическом образовании как системный, деятельностный, когнитивный, междисциплинарный», но, напротив, предполагает системное взаимодействие между различными подходами, что приведет к комплексным изменениям в подготовке учителя, а также к содержательному обновлению педагогического процесса и его результатов¹.

Действительно, в перспективе становление дидактических технологий, вероятно, поднимется на волну обобщающих теоретических разверсток и систематизированных практик, проектируемых самой действительностью, потребностями текущего времени. Тут в рамках компетентностного подхода возможно и необходимо создание такой модели, которая была бы полиморфно органична и непротиворечива социальной действительности. Безусловно, такие подходы в преподавании иностранных языков, как коммуникативный, лингвосоциокультурный, интенсивный, деловой, прямой/непрямой, диалогический (школа диалога культур) и др. в пределах компетентностной парадигмы во взаимных связях

¹ Савченко О. Я. Компетентнісний підхід як чинник якості професійної підготовки майбутнього вчителя // Формування ключових і предметних компетентностей молодших школярів: теоретичні аспекти [Текст]: [Науково-методичний збірник]. Серія: Бібліотека педагога. – Тростянець: інформаційно-методичний центр районного методичного кабінету відділу освіти Тростянецької райдержадміністрації, 2012. – Вип. 20. – С. 21.

и дополнениях могут принимать разнообразные конфигурации, сообразуемые с задачами и перспективами обучения.

Следует отметить, что именно требования времени и нужды социума определяют содержательную емкость, состав и структуру разных парадигмальных элементов в пределах компетентностного подхода к иноязычной подготовке. К примеру, в настоящий момент чрезвычайно актуальным представляется так называемый цивилизационный фактор в лингводидактике, как наиболее важный и наименее решенный контекст иноязычного обучения; религиозное, культурное и экономическое размежевание внутри современных обществ нуждается в компетентном анализе и эффективной образовательной доктрине. Ведь уже сегодня изучение языков важно не только с точки зрения общения с иностранными гражданами, но также значимо и в коммуникации с согражданами из эмигрантской среды или же национальных меньшинств, которые не сочли необходимым осваивать язык/языки страны проживания. Полагаем, что в преодолении подобного рода билингвального кризиса среди прочих педагогических технологий и инструментов может быть задействован потенциал такой модели в компетентностном подходе, в основу которой может быть положена полипарадигмальная матрица, синтезирующая в себе следующие методы и общедидактические или методологические компоненты: коммуникативный — лингвосоциокультурный — диалог культур — антропологический — этнопсихологический — прагматический. Во взаимодействии этих и других подходов увеличивается вероятность формирования этнотолерантных установок у учащихся и развивается потребность в языковом обогащении, что, несомненно, приведет к понижению порога социолингвального и межкультурного отчуждения.

В этой связи перспектива теоретико-методологического совершенствования потенциала компетентностного подхода в лингводидактике видится в построении, научном обосновании и практическом освоении полипарадигмальных методико-педагогических контекстов (матриц), что в частности и в целом отвечали бы подвижным алгоритмам социальной действительности и образовательных потребностей.

Список литературы:

1. Хомский Ноам. Аспекты теории синтаксиса./пер. с англ. под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева. – М.: МГУ, 1972. – 259 с.
2. Савченко О.Я. Компетентнісний підхід як чинник якості професійної підготовки майбутнього вчителя//Формування ключових і предметних компетентностей молодших школярів: теоретичні аспекти [Текст]: [Науково-методичний збірник]. Серія: Бібліотека педагога.– Тростянець: інформаційно-методичний центр районного методичного кабінету відділу освіти Тростянецької райдержадміністрації, 2012. – Вип. 20. – 88 с.

*Issabekova Saule,
Associate Professor, PhD in Philology, Faculty
of Philology, Eurasian National University after L. N. Gumilyov,
E-mail: issabekova@hotmail.com*

*Sarsenova Anar
Senior Teacher, MA in Pedagogy, Faculty of Philology,
Eurasian National University after L. N. Gumilyov,
E-mail: anaraakc@mail.ru*

Education in foreign language within multicultural society of Kazakhstan

Abstract: The article is dedicated to education in foreign languages in Kazakhstan's multicultural society. World society's acceptance of Kazakhstan as a country with trade economy, the importance of providing different ethno-representatives with harmonically coexistence dictates the country's policy in multicultural education as a tool and approach of the whole educational system of the country. The whole scene of education in the 21st century in Kazakhstan is known as a process of mixing different ethnics and cultures, as a result of what the man in current days situation is obliged to stay in the edge of very different cultures, and the interaction with them need dialogism, understanding, respect of other people's cultural identity. The sharp growth of national self-consciousness, intendance to ethnical and ethno-cultural self-identification stipulate for the huge interest of representatives living in multi-national Kazakhstan not only for their own national culture, but also for culture of near and far ethnical environment. Introduction of Kazakh citizens in the 21st century to the world culture becomes multicultural society's social order. Nowadays in multinational Kazakhstan there are further enhancements of processes in foreign language education, subsequent realization of arrangements in National project "Trinity of Languages" in all levels of national educational system.

Keywords: education in foreign languages, multicultural education, tolerance, ethnical and ethno-cultural self-identification.

Education in foreign languages in the Republic of Kazakhstan is a significant part of the country's educational system; multinational people of what involve more than 100 ethnics. Tendencies of cultural interaction of Kazakhs with their neighbors, elaboration of political and social strategies based on multinational and multicultural population are closely interlinked during many centuries in Kazakhstan's educational space.

Nowadays Kazakhstan is a public country, established interaction with almost all countries of the world in the sphere of economy, industry, business and science. In this case social integration into world society mostly are determined by skills of

cultural conversation and interaction and citizens' global thinking, while Kazakh multinational society is known as a special subject of formation tolerance, cultures' and traditions' diversity.

Taking into account historical traditions of Kazakh people there are some tasks which always are solved in formation of skills in multicultural interaction, tolerance and global thinking on the modern level.

On the beginning level of national state system's development in Kazakhstan education in foreign languages influenced by Muslim Turkish tradition, Arabian writing got the wide range, samples of nomads' culture dominated in education and upbringing.

Next historical approach of development of the education in foreign languages and Kazakhstan's system itself is connected to the influence of Russia, to strengthen trade relationship with Russian State diplomatically, to inauguration first Russian-Kazakh and native — Russian colleges and schools in the end of 18th — middle of 19th centuries, which were dedicated to prepare officials and translators to work in local administration. Interaction of Kazakhstan and Russia started at that time still works in current days. At that moment strengthening its relations with northern neighbor, then joining to stronger Russian Empire for Kazakhstan meant elimination it's the most serious problem — being invaded by Jongsars.

Because of being under the Russian Empire in the 2nd half of 19th century the question of how the school must be look like became actual. Democrats — enlighteners considered education in Kazakh land to be on right way, that's why children of Kazakh villages must be educated in their mother tongue. In 1913, there were only 157 Russian — Kazakh schools with the number of 50 students in each of them. But in the period of 1901–1917 number of Russian schools grew to 2389, Russian — Kazakh — to 600 schools. Contingent of students in 1916 in Kazakhstan showed 164 859 people.

Special period of educational system's development in Kazakhstan is referred to the Soviet power. The wide cultural program's realization started with the help of Soviet Power. In the 40s of 20th century in Kazakhstan illiteracy mostly was liquidated, instead of old village schools there were built new educational schools for all groups of population. Medium specialized, professional- technical and high schools started to work.

In the middle of 20th century in the Central Kazakhstan the number of Russian schools and students grew sharply, the reason was resettlement of many thousands families from Russia, Ukraine, Belorussia and Moldova in the purpose of opening up virgin lands. Those years Russian gradually became the language of teaching. For example, in 1960s 3123 Kazakh schools with 192274 students, 4199 Russian schools with 826103 students, 52 Uzbek schools with 11920 students, 19 Uigur schools with 2812 students, 4 Tadjik schools with 198 students worked in Kazakhstan. Besides, 1518 schools teaching several languages with 374998 number of students worked at

that time. Russian- Kazakh, Kazakh- Russian — uigur, Kazakh — Russian — uzbek, Kazakh — tadjik, Russian — tadjik — uzbek schools were related to them.

In 1970 2577kazakh, 62 uigur, 111 uzbek, 5 tadjik, 1439 mixed schools where studying was held in 2 or 3 languages worked in Kazakhstan. In the end of 1980th 2613 schools with studying Kazakh language, 1409 schools with different studying languages and 84 schools with studying uigur, uzbek or tadjiklanguages where more than millions of students got their education worked in Kazakhstan¹.

With getting its independence in 1991 the period in development of national educational system has started in Kazakhstan, including education in foreign languages. In 1993 the first Constitution of the Republic of Kazakhstan was accepted, in 1995 the second Constitution of the Republic of Kazakhstan was accepted on the nation-wide Referendum. This Constitution builds the rightful basis of Laws of the Republic of Kazakhstan of 27th of July, 2007 “About Education” and of 11th of July, 1997 “About languages of the Republic of Kazakhstan” which are still acting nowadays. With acceptance of the Law of Kazakhstan Republic “About languages in Kazakhstan Republic” in 1997 and with asseveration of State program in functioning and improving languages in 1998–2000, the new formation of rightful basis referring to language developing in different spheres of social lives in country has started. During 2001–2010 in the sphere of State program’s realization in functioning and improving languages in 10-year period the strategy of language development was defined by 3 approaches: expansion and consolidation social — communicative functions of State language, preservation of cultural functions of Russian language, improving other ethnic’s languages living in Kazakhstan. Besides in this period realization of National Cultural project “Trinity of the Languages” has started by the initiative of the Head of State.

Results of State program’s realization in functioning and improving languages in the period of 1998–2000 have created a basis for the subsequent development of languages in the Republic of Kazakhstan. Especially the effective system of state providing ethnics living in Kazakhstan has been created: from 7516 educational schools 1524 with Russian, 58 with uzbek, 14 with uigur, 2 with tadjikstudying languages, 2097 — mixed schools; 2261 pre-schools: 272 with Russian, 3 with other studying languages; 808 children educational institutions with 2 studying languages; 30 ethnical groups has been studyingin 190 ethno-cultural Sunday schools, 9 of 50 theaters were mixed, 15-Russian, 1-Korean, 1 — German, 1 — Uzbek and 1 — Uigur. Nowadays the further realization of processes in education in foreign languages is created with help of youth and growing generation.

¹ Cvetkova. Lingo-cultural educational sphere as a factor of dynamic development of education in the Republic of Kazakhstan <http://http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/179907.html>

In 2012 according to the perspectives of further educational development in the country, President N. A. Nazarbayev in his report to students “Kazakhstan is on its way of social knowledge” gave an order to the Government to install modern methods of education in up-raising institutions and to provide inculcation education in three languages. In an effort of fulfillment the order of the State’s Head in the sphere of national education the State program of educational development on the period of 2011–2020 and the State program of improving and functioning languages¹ on the period of 2011–2022 in Kazakhstan have been developed and accepted. Studying English and other foreign languages, reservation of ethnic’s languages of the country and their varieties, extensive functioning the State language as a strongest factor of strengthening national unity, continuation of modernization Kazakh education were provided in those leading documents.

The main role in State program of development and functioning languages plays a national cultural project “Triple languages”, aimed to educate English, Kazakh as a state language and Russian as an official language. State program of functioning and improving languages and national cultural project “Triple languages” gave a strong impulse for reformation of the whole education system in Kazakhstan. According to the program the percentage of population knowing English must involve — 15% to 2017, to 2020–20%. The percentage of population knowing three languages (state language, Russian, English) must involve 12% to 2017, to 2020–15%. While realizing the program and national cultural project “Triple languages”, the experience of realization state language policy of more than 30 foreign countries was mentioned and discussed.

Nowadays in Kazakhstan active consecutive realization of events referred to the National Cultural Project is still working on each of the national education’s levels: in pre-schools, elementary and high schools, after secondary education and after higher educational institutions. Exactly this way we are able to build logical system of studying languages: elements — on kinder-garden level, basic level — in schools, professional language of majors- in universities and colleges.

Due to pre-schools, in elementary and secondary schools was established “Educational Fond of Nursultan Nazarbayev”, during the last 16 years it has been working as international schools “Miras” in Astana and Almaty with Kazakh, Russian and English studying languages. The first model of education in foreign languages was adapted in those schools for the first time, which were related to national conditions in Republic of Kazakhstan with differentiation for different types of educational institutions. The result of realization the concept of schools “Miras” was the rapprochement

¹ About state program of developing and functioning languages in the Republic of Kazakhstan in the period of 2011–2020. Decree of the President of Kazakhstan from 29th of June <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty>

of national education system, formation the new comprehension of education quality and modernization national educational system.

In order to create the chain of the first President's intellectual schools there was organized a joint stock company "Orken" in 2008. Since January 2009 such school in Astana was established. Studying in Kazakh, Russian and English languages was considered in such Presidential schools from 1st to 12th grades. After graduating from 12 grades students of Intellectual schools will get to know Kazakh, Russian and English languages on the levels providing them to enter the leading universities of the world. Teaching English is widening and going deep in other state schools of the country. Since September 2013 installing teaching English step by step has started from the 1st grade by the new convinced state obligatory and educational standard. In some schools teaching several profile subjects in English has already started. In order to create innovative, multilanguage model of education the number of schools presenting studying in three languages will grow to 700, including 20 schools of "Nazarbayev Intellectual schools" Project. Those schools are basic institutions for approbation multi-speaking model of education, which gives an opportunity to raise a prestige of using state language, reservation of functioning Russian language in communicative — speaking sphere, studying English and other foreign languages.

Concrete steps in development of three — language education in higher schools were made by the Ministry of Education and Science in the Republic of Kazakhstan. One of the brightest example of three-language education is "Nazarbayev University", where 1500 students study in English, the Centre of foundation, three schools presenting bachelor program in 18 majors, three higher schools and 4 scientific centers work there. In general, studying in three languages — English, Kazakh, Russian, is held in more than 30 higher educational institutions in natural — scientific and technical specialties in Kazakhstan. More than 6 thousand students are getting their three-language education, for the purpose of what more than 3,5 thousand foreign teachers from Europe, the USA, East- Southern Asia were involved to the program.

Special contribution to the development of three-language education and education in foreign languages made a scholarship of the President of Kazakhstan, "Bolashak" established in 1993, giving opportunities to young citizens of Kazakhstan to get their education in foreign languages in the best universities of the world. The first 4 years of the realization of scholarship students study only in 4 countries (the USA, Great-Britain, Germany, France), so today approximately 2 thousand students study in more than 30 countries of the world.

In the years of realization international scholarship "Bolashak" was awarded to more than 11 thousands of Kazakhstan's citizens for education in 200 best universities in more than 33 countries. Among all prepared specialists there are over 2700 specialists in the sphere of innovative technologies, metallurgy, telecommunication, ener-

getic, sector of oil and gas; beyond 500 — in the sphere of medicine; nearly 300 state employers. The Presidential scholarship “Bolashak”¹ serves as a logical completion and awards realization of education in foreign languages as a project “Triple languages” and the whole education of Kazakhstan’s youth.

So, the national cultural project “Triple languages” in the Republic of Kazakhstan is realized by the Government on all levels and all types of educational institutions and abroad, through direct teaching of Kazakh, Russian and English languages, teaching three languages in certain subjects and other forms of educational activity. We can surely consider in the nearest future three-language education in Kazakhstan will become a common basis of education and will make that necessary minimum which our future generation will take for granted. That is why today the problem of interaction and interlocution of categories such as “trilingual education” and “education in foreign languages” is actualized in Kazakhstan. Due to the Law “About languages in the Republic of Kazakhstan” Kazakh language is accepted as a state language of our country. Kazakh is a language of state management, laws, legal proceeding and office-work, operating in all spheres of social communication of the whole territory of country. Knowing the state language as a main factor of consolidation appears as a duty of every citizen. Russian language is used in state organizations and organs of local management on the equal level with the state language. According to the Law of the Republic of Kazakhstan² provides getting elementary, basic, secondary, higher, technical and professional education, also education which is after secondary and after higher educational institution in state, Russian, if it is necessary, in other languages.

In educational institutions state language and Russian language are accepted as obliged disciplines and are signed in the document about education. Names of state organizations, their structural sub-groups are given in state and Russian languages, while names of common, international organizations are mostly given with transliteration on state and Russian languages. Due to the subsequent approaches of laws about languages, Kazakh language as a state and Russian as an official language cannot be considered as foreign language, despite the fact that they are main elements of multicultural education of people.

English is not a state or official language nowadays in Kazakhstan, but has a status of one of the most spread world languages. English serves as special foreign language in Kazakhstan, which is included either to the category of “triple languages” education, or to the category of foreign languages. That is why the national cultural project “Triple languages”, which makes the foundation of education to the growing population, does not show all the content of the category “education in foreign languages” in Kazakh-

¹ History of the program “Bolashak”. <http://www.bolashak.gov.kz/ru>

² The Law “About languages in the Republic of Kazakhstan” <http://online.zakon.kz/Document>

stan. In education in foreign languages the man who is behaved and developed in multi-cultural space is considered to be the centre of it.

The sharp growth of national self-consciousness, intendance to ethnical and ethno-cultural self-identification stipulate for the huge interest of representatives living in multinational Kazakhstan not only for their own national culture, but also for culture of near and far ethnical environment. Introduction of Kazakh citizens in the 21st century to the world culture becomes multicultural society's social order.

World society's acceptance of Kazakhstan as a country with trade economy, the importance of providing different ethno-representatives with harmonically coexistence dictates the country's policy in multicultural education as a tool and approach of the whole educational system of the country. The whole scene of education in the 21st century in Kazakhstan is known as a process of mixing different ethnics and cultures, as a result of what the man in a current days situation is obliged to stay in the edge of very different cultures, and the interaction with them need dialogism, understanding, respect of other people's cultural identity. Scientific language of linguists involve such kind of words as multicultural educational space, multicultural informative sphere, educational technologies and other. It shows that the educational system of Kazakhstan mostly orientates on the dialogue with human's culture, as a subject able to cultural self-development. Education in foreign languages in multi-cultural society is aimed to solve those tasks of using knowledge about cultural variety for formation a positive relation towards cultural differences and for teaching those skills of interaction with different cultures on the level of mutual understanding.

The aims of multicultural education in foreign languages are realized through the acceptance of national cultural factor of education and its need for implementation in the content of culture's dialogue.

For realization of multicultural education in foreign languages it is necessary to create those conditions of integration with the help of education and multi-cultural space. Not only institutions (kinder-gardens, schools, colleges, institutions) but other social organizations, social processes, valuable orientations which make big amendments in multicultural society are involved to multicultural education.

Multicultural education gives an opportunity to research deeply and analyze varieties of nations living in the world. Cultural differences which define man's belonging to a definite world group are the most obvious manifestation of values and points of views. Education in foreign languages also helps to recognize that there are plenty of values which characterize nations in the world. Each of them is originated from traditions of the nation and its historical development. Through the dialogue with the culture of a definite nation you can achieve the level of your self-knowledge, because while interacting with other nation's culture each of them remain their unity and at the same time enrich each other.

Recurrently questions connected to the usage of language in the dialogue with culture and civilization of the modern world are considered as very popular. The thesis gives us a whole representation of how new generation must be look like. The young citizen of Kazakhstan must be well-educated, close to world innovations and at the same time remember about his nation's history and traditions. In this case the realization of the project of three languages help to recognize the level of future specialists. In 4 years education in three languages would be not enough to study only state, Russian and English languages. It is necessary to make it interesting for people to study languages by creating sites in Kazakhstan with the help of some resources (radio, print, literary texts, television).

Multi-cultural education in foreign languages is a main part of modern education, promoting to acquire knowledge of other cultures, explanation of common ideas and especially traditions, life styles, cultural values, nation's behavior and other cultural systems. It must be said that education of tolerance in the process of poly-cultural studying is the most important point of interethnic integration.

Multicultural education's goal is to prevent difficulties between systems and norms of cultures dominant nations and ethnic minority of Kazakhstan. It means the adaption of groups toward each others. So, multicultural education in foreign languages becomes an integral part of future specialist's culture, essential part of his moral education and acts as an element of his outlook and of his attitude to his motherland, other nations and nationalities. Conditions of every country are appropriate for education of multicultural person. Multi-cultural person, anyway, acts as a multi-speaking person. Multicultural person is an active speaker of several languages, showing his skill to speak several languages simultaneously; his communicative skill — variety of skills for verbal action and usage of several languages as tools of communication with representatives of different societies; his vocabulary skills as a set of outlook attitude and experience, which is integrated in lexical system of several languages. As it is known, education in foreign languages has a wide range not only in English, but in those world languages as French and Germany, also languages of ethics living in Kazakhstan. Besides it the last couple of years studying Chinese, Turkish, also Spanish, Italian and other languages was improved very well. That is why in current days difference of education in foreign languages held in Kazakhstan has the following aspects: According to the national cultural project "Triple languages" English as a foreign language is taught on all levels of elementary, secondary, higher education, but other foreign languages are studied on the level of higher education and aftergraduating higher educational institutions, also on some special language courses and in private educational institutions. From this point of view, it is necessary to mention higher educational institutions' great contribution to educational system of Kazakhstan. Among our higher educational institutions by their contribution to educational system, following universities play significant

roles: Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Eurasian National University after L. N. Gumilyov, Al-Faraby Kazakh National University and others.

Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages is considered as a leader in the sphere of education in foreign languages in Kazakhstan and Central Asia. It has 70-years experience in education in foreign languages and provides professional education of students in 16 languages of the world in 11 majors of bachelor and master degrees.

Al-Faraby Kazakh National University has more than 18 thousand students and undergraduates studying in 14 faculties, who are mostly taught by elective disciplines and programs of doctoral studies in English, they have a foundation for specialists-philologists in oriental studies and international communication.

In Eurasian National University after L. N. Gumilyov on the faculty of international communication students study Italian, Spanish, Portuguese, Chinese, Turkish, Japanese and Arabic. Students studying in “Foreign philology” of the philology faculty are taught in German and French, basic disciplines are held in English, German and French.

Teaching series of elective disciplines in undergraduate education in “Foreign philology” are held only in English: “Cognitive linguistics”, “Methodology of literary analysis”, “Fundamental problems of foreign linguistics”, “Interpretation of poetic texts”, “Basis of comparison analysis” and others. The process of multi-cultural education’s development considers that the main element of professional education is the space of higher educational institutions, because it involves educational standards, national mentality, traditions and customs. Also every period of higher educational institution adapts content, norms and requirements, includes its unchangeable authorial approach considering the specifics of each higher educational institution. Space of multicultural education in higher educational institutions qualifies as a subject of education.

Comparative analysis of multicultural education and educational process show us educational space works completely on all educational structures of students. Connection of educational space in higher educational institutions and space of personality of students is made through their mutual entrance and common specifics of higher educational institutions. Multicultural potential of foreign higher educational institution is widened and gone deep at the expense of other educational disciplines.

Multicultural educational space with comparison of educational process and educational system has several attributes: dimension of space, its informative and meaningful saturation and density; variety of content and tools; ability to involve students; ability to be absorbed by students. Types of educational spaces are authoritarian, manipulative and free.

Free multicultural educational space of higher educational institutions provides with those conditions for development individual space of person. Environment of higher educational institutions provides students with their self- education as a subject of it.

On the other hand, multicultural educational space acts as an educational subject which forms a student itself and his personality.

Foreign language as an element of higher education has significant opportunities for enriching space of higher educational institution and influences its foundation and development of its educational space. Multicultural education of foreign languages makes us believe that this process is more successful by considering principles of complex realization practical and educational skills, communicative attitude of students. Taking into account modern status of foreign language and its demand in multicultural society, we can differentiate three levels formation of multi-cultural educational space:

— Teaching foreign language, aimed to develop individual educational space of students, formation of basic and special competence in further time;

— Second step is devoted to formation of specialist's professional competence in the case of "language preparation" considering integration potential of foreign language;

— Third level is based on mastering different approaches by future specialists of solving professional tasks with the help of different methods in the context of their profile education in foreign languages or objects of foreign languages. Initial position of foreign language in higher educational institutions can be defined as a main factor of foundation and development of multicultural educational space, in which multi-cultural potential of foreign language plays dominant role as a discipline in higher educational institution.

Foreign language has a meaningful multicultural potential which can be productively used in the process of foundation and development of multi-cultural educational space of higher educational institution. Multi-cultural potential of foreign language concludes either in linguistic peculiarities of concrete foreign language, or in non-linguistic texts related foreign or national culture, human's life in the world, also in some specifics of communication in foreign languages and professional communication.

The content and techniques of education in foreign languages must consider the specifics of higher educational institution. While projecting some perspectives of development in multicultural educational process relationship of foreign languages' teachers with teachers of other disciplines equally with their relationship with students must be also taken into account.

Multicultural educational space of higher educational institutions "negatively" affects on the quality of student's knowledge in foreign languages, but positively influences its basic acceptance by students. Foreign language has a significant opportunity to enrich educational space of higher educational institution by effecting on its founda-

tion and development on the whole multi-cultural space itself. We can consider that foreign language in higher educational institution acting as a factor of influence on atmosphere and sphere of higher educational institution, has its peculiarities which affects lexis, morphological and syntactical material and stylistic essence of the language. Conceptual model of foundation and development of multicultural educational space in higher educational institutions provides forms of interlocution between students in foreign languages and communicative-professional interaction. Conceptual model of foundation and development of multicultural educational space in higher educational institutions affects the quality of teaching foreign language, its linguistic, cultural and professional preparation which is connected with foreign language. So, multicultural preparation of specialists is solved this way.

Except higher educational institutions, a great support in education of Kazakhstan is done by Embassies of leading foreign countries and representatives of international communication. For example, Embassy of France develops the work presented by “CampusFrance” and French governmental centre of information in getting higher education in France in cities as Astana and Almaty, also several representative agencies “French Alliance” in five cities of Kazakhstan — Astana, Almaty, Shymkent, Karagandy and Aktobe.

French Alliance offers courses in study French, gives opportunity to pass official exams on conducting State diplomas in French and testing on entrance to any French higher educational institution. Besides there are a special translation burro and a department of language trips to France in French Alliance. French courses are organized In compliance with the levels of knowing foreign languages accepted by Europe Union. By the same principle exams and tests on defining the level are organized there, they are necessary to enter higher educational institutions of France or to participate in competition to get “Bolashak” scholarship.

The burro «Campus France Kazakhstan» offers students help in choosing their specializations in higher educational institutions in France; in administrative and consular assignment of documents; in organization of arrival and living in France, also language courses (individual and group) in specialized centers of France; information of French scholarships and programs; catalogue of higher education in France and education in English. The most noticeable example of work’s effectiveness is the fact of graduating 513 students from Kazakhstan in the period of 2013–2014 to French universities.

Presidents of Kazakhstan and France Nursultan Nazarbayev and François Hollande officially opened the second in the world and only one in Central Asia Institution “Sorbonne-Kazakhstan”¹ in Almaty on December, 6, 2014. “We are setting a goal, that

¹ Sorbonne-Kazakhstan University <http://sorbonne.kaznpu.kz/ru>

our youth will be able to study in their motherland those skills and knowledge which help them to go for a good future. The fact that world universities came to us shows we are on the right way”, said President of Kazakhstan. President of France showed his confidence for future graduates and their essential contribution to innovative development of Kazakhstan. International programs of bachelor degrees for 6 majors for the period of 2015–2016 will be established in the institution of Sorbonne-Kazakhstan. In 2014–2015 for education in magister degree there were allocated 60 educational grants. Postgraduates of the Institution will get Kazakh diplomas by state example of KazNPU after Abai and University of Sorbonne Paris Site.

The great role in development of German language was contributed by Germany Embassy and Institution of Goethe, which department in Almaty, besides educational courses, organizes seminars for teachers of German language by conducting several exams in German language.

There are six Centers of German language all over Kazakhstan in cities as Almaty, Astana, Karagandy, Pavlodar and Ust'-Kamenogorsk. Centers of German language were established in 2000. The main aspect of activities is language courses, which are held by communicative, intercultural methodology of teaching, as in the Goethe University.

Huge work in education of foreign languages in Kazakhstan is held with the help of other countries' Embassies: the USA, Italy, India, China, others.

So, as it was mentioned, in our country there were created all the necessary theoretical, political and judicial conditions of providing good education in foreign languages. Undoubtedly, education in foreign languages is actual¹, it has an important place in theory and practice of population's formation, and it is necessary to emphasize aims, sets, functions, content, and techniques of state education.

But there are also some unsolved questions and problems in education of Kazakhstan as it used to be in any big deal. We should mention that we are witnesses and participants of the process of changing paradigms in education of foreign languages of Kazakhstan through the need of finding ideal method to teach and study foreign languages. In current days the paradigm “study foreign language as a method of communication” will be replaced by another paradigm “knowing foreign language as a method of multi-cultural communication”.

Multiculture is considered as a difficult term and has many aspects, which demands deeply education on different levels. As a result of complex study the phenomena of multicultural processes in education in foreign languages was determined that modern situation makes the society to address those ideas of “culture dialogue”

¹ Kunanbayeva S. S. The modern education in foreign languages: methodology and theories. Almaty, 2005.

and “multicultural education”, because multicultural education is a necessary condition of social and professional functioning’s effectiveness in higher educational institution.

The last target is “formation of second –speaking personality” that is ready and able for multi-cultural foreign interaction. Such “subject of multi-cultural communication” got the name given by some scholars of Kazakhstan as an “ideal type of Eurasian speaking personality” who knows state language on the level that is able to communicate with representatives of different social groups using that language. Ideal type of Eurasian speaking personality¹ knows Russian so that he is able to communicate in the sphere of professional and academic activities. Ideal type of Eurasian speaking personality owns communicative competencies and skills to create texts in spoken and written forms of foreign languages. Another distinctive quality of ideal type is his multi-cultural character, because owning the structure and language competencies goes closely with accepting cultural and para-linguistic information of ethnoses.

With the changeable conditions of paradigms of education in foreign languages requirements for all subjects are rising, at first it deals with teaching way of foreign languages. It is necessary to activate knowledge in modern methods and techniques, including informative ones and computers, teaching foreign languages, new international — standard methods and techniques evaluating levels of education in foreign languages; to create mechanisms of specialist’s preparation; to provide modern forms of pedagogical practice; to provide effectiveness and quality preparation and working stuff’s qualification; to activate scientific research in pedagogical higher educational institutions; to create a system of forecasting changing in pedagogical personnel of foreign languages; to overcome lag of material-technical basis and recursive — informative provide in institutions: to overcome with the help of low social and economical status of pedagogical profession, which is not appropriate to the role and mean of teacher in modern society.

In general, it can be considered that all problems mentioned of education in foreign languages of Kazakhstan, as it was emphasized in the message² of President from November 30, 2015, are the problems of growth, reforms and development.

¹ Zhumagulova N.S. Ideal type of Eurasian linguistic personality in educational discourse of Kazakhstan <http://articlekz.com/article/6407>.

² «Kazakhstan in new global reality: growth, reforms, development». President’s message of the Republic of Kazakhstan from 30th of November, 2015. <http://www.akorda.kz>

*Suleimenova Kymbat Kasymovna,
Ph.D, Corresponding member of the IASP,
Associate Professor KazGASA, Almaty,
E-mail: kimbat_kasimovna@mail.ru*

Features of the integrated lessons in the technical university

Abstract: Integration in education requires significant development and deepening of inter-subject relationships. Integrated classes are powerful stimulators of students' intellectual activity.

Keywords: Integrated classes, scientific research, artistic creation.

*Сулейменова Кымбат Касымовна,
к. и.н, член-корреспондент МАНПО,
ассоциированный профессор КазГАСА, г. Алматы,
E-mail: kimbat_kasimovna@mail.ru*

Особенности проведения интегрированных уроков в техническом вузе

Аннотация: Интеграция в обучении предполагает прежде всего существенное развитие и углубление межпредметных связей. Интегрированные занятия являются мощными стимуляторами мыслительной деятельности студентов.

Ключевые слова: интегрированные занятия, научный поиск, творческое созидание.

Интеграция в обучении предполагает прежде всего существенное развитие и углубление межпредметных связей, которые являются аналогом связей междисциплинарных, переход от согласования преподавания разных предметов к глубокому их взаимодействию. Интеграция знаний из различных предметов осуществляется с помощью интегрированного занятия. Система интегрированных занятий лежит в основе интегрированного обучения. Интегрированное занятие — это специально организованное занятие, цель которого может быть достигнута лишь при объединении знаний из разных предметов, направленный на рассмотрение и решение какой-либо пограничной проблемы, позволяющий добиться целостного, синтезированного восприятия студентами исследуемого вопроса, гармонично сочетающий в себе методы различных наук, имеющий практическую направленность.

Признаки интегрированного занятия:

- 1) специально организованное занятие
- 2) цель специфическая (объединённая); она может быть поставлена, например, для:

- а) более глубокого проникновения в суть изучаемой темы;
- б) повышения интереса обучаемых к предметам;
- в) целостного, синтезированного восприятия изучаемых по данной теме вопросов;
- г) экономии учебного времени и т. п.;
- 3) широкое использование знаний из разных дисциплин, т. е. углублённое осуществление межпредметных связей.

Принципы интегрированного обучения призваны в полной мере работать на достижение главной цели интегрированного обучения — развитие мышления студентов:

1. Синтезированность знаний. Целостное, синтезированное, систематизированное восприятие изучаемых по той или иной теме вопросов способствует развитию широты мышления. Постановка проблемы, исследуемой методами интеграции, развивает целенаправленность и активность мышления.

2. Углублённость изучения. Более глубокое проникновение в суть изучаемой темы способствует развитию глубины мышления.

3. Актуальность проблемы, или практическая значимость проблемы. Обязательная реализация рассматриваемой проблемы в какой-то практической ситуации усиливает практическую направленность обучения, что развивает критичность мышления, способность сопоставлять теорию с практикой.

4. Альтернативность решения. Новые подходы к известной ситуации, нестандартные способы решения проблемы, возможность выбора решения данной проблемы способствуют развитию гибкости мышления, развивают оригинальность мышления. Сопоставление решений развивает активность, критичность, организованность мышления. За счёт стремления осуществлять разумный выбор действий, отыскивать наиболее краткий путь достижения цели развивается целенаправленность, рациональность, экономия мышления.

5. Доказательность решения. Доказательность решения проблемы развивает доказательность мышления.

Интегрированные занятия являются мощными стимуляторами мыслительной деятельности. Студенты начинают анализировать, сопоставлять, сравнивать, искать связи между предметами и явлениями. Так например, преподаватели факультета Дизайна и Факультета Общественно-Гуманитарных Дисциплин практикуют проведение интегрированных занятий со студентами I курса предметов «Основы дизайна» и «История Казахстана». При изучении темы «Казахстан в средние века. Экономика и культура Казахстана» студентам было дано опережающее задание по изучению торговли и денежного обращения. Студенты подготовили творческие работы по монетам, которые находились в обращении и выполняли функции международной валюты. Была показана не просто функция денег, но и дизайн денег —

золотые динары, серебряные дирхемы, медные фельсы. Так рассматривая дизайн денежных обращений в средневековые студенты обратили внимание и на дизайн национальной валюты РК — тенге. Дизайн денег был совершенно новым видом художественного творчества в период Независимости. Интересны были приведенные студентами откровения Х. Габжалилова автора-разработчика национальной валюты «Тенге»: «Особенности национального колорита, традиций, вероисповедания, может передать только дизайнер-казахстанец»¹. Интересное интегрирование двух предметов привело в итоге к интересному занятию.

Интеграция — это чрезвычайно привлекательная форма занятия. Интегрированные занятия зачастую сопровождаются открытиями и находками. Это, в каком-то смысле, научная деятельность. Особая ценность этого явления в том, что роль исследователей выполняют сами студенты. Интегрированные занятия преследуют цель развития образного мышления студентов. Особенности проведения интегрированного урока заключается в нестандартности занятия. Оно требует большой подготовительной работы. Начать лучше с определения ведущей цели, которая будет лейтмотивом занятия. Согласно цели определяется содержание урока. Весь учебный материал не должен быть перегружен лишней информацией. Все виды деятельности на занятии должны соответствовать лимиту учебной нагрузки. Один из предметов будет доминировать, а значит, являться ведущим. Ведь необходимо и совпадение тем в учебных программах, и готовность студентов к определённому типу занятия. Современная направленность высшего образования тесно связана с компьютеризацией и информатизацией. Поэтому многие занятия нуждаются в интеграции с информатикой. Студенты с большим удовольствием работают с компьютером и учёба для них становится более увлекательной. Они могут выполнять на компьютере как обычные задания стандартного занятия, так и новые, непривычные для них упражнения. Например, при изучении темы «Оседлая и полукочевая культура казахов» материальная культура казахов представлена жилищем кочевников. Студенты готовят видеопрезентацию о развитии жилища кочевников и имея познания в области дизайна жилища они показывают изменения, которым подверглось жилище на определенных исторических этапах. Таким образом именно интегрирование предметов дает возможность студентам в полном объеме реализовать свои возможности и применять на практике знания полученные на занятиях. Еще один из основателей Дидактики Я. А. Коменский, философ-гуманист, общественный деятель, одним из первых попытался привести в систему объективные закономерности воспитания и обучения, разрешить вопросы, на которые не смогла дать ответа прежняя педагогика. Коменский призывал обогащать сознание учащегося, знакомя его с предметами и явлениями чувственно воспринимаемого мира.

¹ Габжалилов Х. Тенге. Алматы. 2003.184 с.

Согласно теории эволюции Коменского, в природе, а следовательно в обучении и воспитании, не может быть скачков Он видел перспективным образование, при котором учащемуся предоставляется целостная картина мира. Коменский писал: «Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи»¹. Еще в 2010 году, в год председательствования Казахстана в ОБСЕ, реализовано решение по присоединению нашей страны к Болонскому процессу. Цель участия Казахстана в Болонском процессе — расширение доступа к европейскому образованию, дальнейшее повышение его качества. В соответствии со взятыми на себя обязательствами по присоединению к Болонской Декларации, Казахстан должен до 2020 года осуществить ряд мероприятий. Интеграция системы образования Республики Казахстан в мировое образовательное пространство — один из долговременных стратегических приоритетов успешного международного сотрудничества. Основное условие интеграции нашей страны в мировое образовательное пространство — адаптация Казахстанской образовательной системы к положениям Лиссабонской конвенции и Болонской декларации, что предполагает переход на целостную систему подготовки высококвалифицированных специалистов. Поэтому практика проведения интегрированных занятий сегодня в ВУЗе — это один из весомых вкладов в интеграцию успешного международного сотрудничества.

Список литературы:

1. Габжалилов Х. Тенге. Алматы. 2003., 184 с.
2. Коменский, А. Я. Избранные сочинения/А. Я. Коменский. – М.: Учпедиздат, 1955. – 287 с.

*Khimmataliyev Dustnazar Omonovich,
Tashkent Institute of Irrigation and Land Reclamation,
a senior fellow researcher,
Department of “Pedagogy, psychology and teaching methods”
E-mail: d.ximmataliyev@mail.ru*

*Faizullaev Rustam Khamraevich,
a senior fellow researcher,
Department of “Pedagogy, psychology and teaching methods”
E-mail: xamro_17061974@mail.ru*

*Mukumova Dilrabo Inatovna,
Senior Lecturer, Department of “Pedagogy, psychology and teaching methods”
E-mail: d.mukumova.1975@mail.ru*

¹ Коменский, А. Я. Избранные сочинения/А. Я. Коменский. – М.: Учпедиздат, 1955. – 287 с.

*Sayfiyeva Yulduz Uktam kizi,
a student at the direction of "Professional Education", Faculty Hydroland
E-mail: Sayfiyeva1992@inbox.ru*

*Makhmudova Zebiniso Otakul kizi,
a student at the direction of "Vocational Education",
Department of Land Use and Land Development
E-mail: zebiniso@mail.ru*

The importance of problem-modular training in the educational work with future teachers of vocational training universities

*Химматалиев Дустназар Омонович,
Ташкентский институт ирригации и мелиорации,
старший научный сотрудник-исследователь,
кафедра «Педагогика, психология и методика преподавания»
E-mail: d.ximmataliev@mail.ru*

*Файзуллаев Рустам Хамраевич,
старший научный сотрудник-исследователь,
кафедра «Педагогика, психология и методика преподавания»
E-mail: xatro_17061974@mail.ru*

*Мукумова Дилрабо Инатовна,
старший преподаватель,
кафедра «Педагогика, психология и методика преподавания»
E-mail: d.mukitova.1975@mail.ru*

*Сайфиева Юлдуз Уктам кизи,
студентка по направлению «Профессионального образования»,
факультет Гидромелиорация
E-mail: Sayfiyeva1992@inbox.ru*

*Махмудова Зебинисо Отакул кизи,
студентка по направлению «Профессионального образования»,
факультет Землепользование и землеустройство
E-mail: zebiniso@mail.ru*

Важность проблемно-модельного тренинга в учебно-воспитательной работе с будущими профессиональными преподавателями вузов

Новые условия существования образовательной среды, ориентирующие ее на удовлетворение запросов конкретных потребителей образовательных услуг

потребовали от учителя повышения профессиональной компетенции и индивидуальной мобильности¹.

Одна из острых проблем образования порождается противоречием между реализацией новых целей образовательной системы и недостаточной готовностью педагогов к работе в современных условиях. Очевидно, что перспективы преодоления указанного противоречия в значительной мере связаны с повышением уровня профессиональной подготовки будущих учителей профессионального образования. Достижение высокого уровня подготовки специалистов представляет собой стратегическую цель профессионального образования ВУЗов. Таким образом, одним из главных направлений современной дидактики является сочетание традиционных методов и приемов обучения и воспитания с поиском путей и средств, направленных на эффективную подготовку студента по направлению профессионального образования высшего учебного заведения к будущей профессиональной деятельности².

Понятие проблемно-модельного тренинга, возможно, не будет наиболее полностью раскрытым без описания сущности и свойств проблемного обучения. Проблемное обучение предполагает отличную от традиционной структуру урока, состоящую из трёх компонентов (являющихся одновременно и его этапами): актуализация опорных знаний и способов действия; применение их (формирование умений и навыков). Такая структура занятия обеспечивает реализацию познавательной, развивающей и воспитывающей функции обучения.

Проблемное обучение не поглащает всего учебного процесса: не всякий учебный материал содержит проблемное знание и не всякое проблемное знание можно представить в форме познавательной задачи или противоречивого суждения. При постановке учебных проблем необходимо руководствоваться принципом целесообразности. На разных ступенях образования (в детском саду, школе, учебных заведениях) организация проблемного обучения имеет свою специфику, которая выражается в применении различных методов его реализации. В детском саду и начальной школе, например, проблемное обучение может проводиться в форме беседы, рассказа, детской игры; в средней школе может быть связано с моделированием, конструированием, экспериментом, программированным обучением. В высшей школе проблемное обучение может проводиться в форме лекции, имитационной и ролевой игры («проблемно-модельное обучение» — моделирование деятельности в реальной ситуации) и т. д. Используя конфликтные ситуации или имитируя их в учебном коллективе, педагогами разрабатывается

¹ Быков А. К. Методы активного социально-психологического обучения. Учебное пособие/ А. К. Быков. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 160 с.

² Исмаилова З. К. Педагогика. Учебник/З. К. Исмаилова. – Т.: Молия, 2008. – 172 с.

также определенного вида методика «проблемного воспитания». В высшей школе, несомненно, должна быть своя определенная концепция проблемно-модельного обучения. так, проблемно-модельное обучение в высшей школе (на примере обучения будущих ремесленников) — это моделирование будущей профессиональной деятельности в реальной учебной ситуации¹.

Тренинг в общепринятом понятии — это интенсивная форма обучения, сочетающая краткие теоретические семинары и практическую отработку навыков за короткий промежуток времени (один-пять дней). Важно отметить, что классическая педагогическая триада (стадии обучения) «знания-умения-навыки» работает и здесь. Сначала человеку что-то объясняется (знания, информация), затем он тренируется, отрабатывает полученную модель (умения), затем закрепляет (переводит умение в навык). Вопрос только в том, чего в занятии больше: если 99% знаний, это-лекция. Если 99% — отработка умений и навыков, это — тренинг. Но в любом случае все три компонента должны сохраниться, иначе в психике человека не закрепятся те модели, ради которых тренинг и затевался.

Так, мы определим *проблемно-модельный тренинг* как интенсивную форму обучения, при которой в короткий промежуток времени создаются проблемные ситуации и организуется деятельность обучающихся по решению учебных и воспитательных проблем, обеспечивая оптимальное сочетание их самостоятельности, поисковой деятельности с усвоением готовых выводов науки, обеспечивающий использование специализированных знаний в будущей профессиональной деятельности; планирования учебных проектов в условиях моделирования изучаемых явлений.

Перейдем к вопросу о учебно-воспитательной работе в ВУЗе. В настоящее время педагогическая практика выработала различные формы воспитательной работы. Формы воспитательной работы — это варианты организации воспитательного процесса. Форма воспитательной работы определяет организационную сторону: кто, где, когда и в каких условиях ведет конкретную воспитательную работу с воспитанниками. Форма, как часть процесса воспитания, зависит от целей, содержания, методов. Таким образом, форма воспитания зависят от конкретных педагогических ситуаций, и, как правило, носит творческий характер.

К традиционным распространенным формам воспитательной работы относятся праздники, вечера, дискотеки, ярмарки, экскурсия, практикумы, предметные недели, конкурс стенгазет и т. д. Не менее интересными на сегодняшний день являются нетрадиционные формы внеклассной работы.

Нетрадиционные формы — это творческие, нестандартные, исключаящие шаблон, создаваемые педагогами и воспитанниками в совместной творческой

¹ Кларин М. В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта // Педагогика. – 2000 – № 7. – С. 15–19.

деятельности. они не обладают четкой структурой построения, поэтому в них нет однообразия, они не вызывают привыкания, не теряют новизну. Такие формы воспитания развивают умения действовать оперативно, заставляют мгновенно принимать решения, зачастую нестандартные.

Воспитательная работа является неотъемлемой частью учебного процесса, поэтому она осуществляется на протяжении всего учебного года, либо через организацию отдельных (вне учебных мероприятий), либо через преподавание дисциплин кафедры. Так, общей целью воспитательной работы в профессионально-педагогическом вузе должно быть: *воспитание социально активной личности, человека с высокой духовно-нравственной культурой.*

Задачи:

- воспитание духовно-нравственных качеств личности;
- активизация познавательной деятельности;
- сплочение коллектива группы;
- воспитание духовно-нравственных качеств личности;
- воспитание культуры поведения в общественных местах;
- развитие этических и правовых норм поведения в учебном заведении.

Методическую систему воспитания и обучения студентов профессионального образования ВУЗа базовым учебным дисциплинам определим как совокупность взаимосвязанных компонентов: профессионально-значимых целей; содержания, в соответствии с квалификационными требованиями данной отрасли к подготовке учителя профессионального образования; средств, организационных форм и методов проблемно-модельного обучения, формирующихся и развивающихся в смоделированной среде.

Педагог профессионального образования — это специалист интегрально-го профиля, объективно призванный обладать универсально-синтетическими знаниями и универсально-функциональной деятельностью и, следовательно, обладать синтетической компетенцией объединять в своей деятельности данные различных сфер деятельности, порой далеко выходящие за рамки выполнения конкретных операций¹. Педагог профессионального образования должен уметь не только обучать, но и владеть определенным видом профессиональной деятельности, а в необходимых случаях осуществлять ее². При реализации деятельности учителя профессионального образования происходит не процесс простого усвоения «предмета», а процесс овладения специальностью.

¹ Романцев Г. М. Профессионально-педагогическое образование в современных условиях: результаты исследований / Г. М. Романцев [и др.]; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2003. – 67 с.

² Чапаев Н. К. Теоретико-методические основы педагогической интеграции: дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01 / Н. К. Чапаев; Уральский гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998 – 462 с.

Обучающийся (студент), будущий учитель профессионального образования включен в свою будущую профессию. В процессе обучения формируется его профессиональная деятельность. В данном процессе происходит целостное становление личности, ее образование, социализация, и профессионализация. Это порождает необходимость признания воспитательной деятельности как необходимого звена целостной подготовки будущего учителя профессионального образования как разносторонней социально активной личности, человека с высокой духовно-нравственной культурой. так, роль проблемно-модельного тренинга здесь представляется наиболее значимой.

Список литературы:

1. Быков А. К. Методы активного социально-психологического обучения. Учебное пособие/А. К. Быков. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 160 с.
2. Исмаилова З.К. Педагогика. Учебник/З.К. Исмаилова. – Т.: Молия, 2008. – 172 с.
3. Кларин М. В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта//Педагогика. – 2000 – № 7. – С. 15–19.
4. Романцев Г. М. Профессионально-педагогическое образование в современных условиях: результаты исследований/Г.М. Романцев [и др.]; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2003. – 67 с.
5. Чапаев Н. К. Теоретико-методические основы педагогической интеграции: дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01/Н. К. Чапаев; Уральский гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998 – 462 с.

*Ismailova Zuhra Karabaevna,
Tashkent Institute of Irrigation and Land Reclamation,
doctor of pedagogical sciences, professor, department
of «pedagogy, psychology and teaching methods»
E-mail: zuhra ismailova@gmail.ru*

*Khmmataliev Dustnazar Omonovich,
a senior fellow researcher, Department
of «Pedagogy, psychology and teaching methods»
E-mail: d.ximmataliev@mail.ru*

*Lapasov Jasur Alimzhanovich,
Assistant Professor, Department of Land Use
and Land Development
E-mail: jasur.olimjonovich@mail.ru*

*Usmanova Khursanov Mahmud kizi,
a student at the direction of «Vocational Education»,
Department of Land Use and Land Development
E-mail: xursanoy.usmonova.93@mail.ru*

*Belgibaeva Nilufar Kodirali kizi,
a student at the direction of «Vocational Education»,
Department of Land Use and Land Development
E-mail: gulim-1992@inbox.uz*

Role of teaching technology training tiered seating in modern vocational education

*Исмаилова Зухра Карабаевна,
Ташкентский институт ирригации и мелиорации,
доктор педагогических наук, профессор,
кафедра «Педагогика, психология и методика преподавания»
E-mail: zuhra ismailova@gmail.ru*

*Химматалиев Дустназар Омонович,
старший научный сотрудник-исследователь,
кафедра «Педагогика, психология и методика преподавания»
E-mail: d.ximmataliev@mail.ru*

*Лапасов Жасур Олимжонович,
ассистент, факультет Земельное пользование и землеустройство
E-mail: jasur.olimjonovich@mail.ru*

*Усмонова Хурсаной Махмуд кизи,
студентка по направлению «Профессионального образования»,
факультет Земельное пользование и землеустройство
E-mail: xursanoy.usmonova.93@mail.ru*

*Белгибоева Нилуфар Кодирали кизи,
студентка по направлению «Профессионального образования»,
факультет Земельное пользование и землеустройство
E-mail: gulim-1992@inbox.uz*

Роль педагогической технологии разноуровневого обучения в современном профессиональном образовании

Технология разноуровневого обучения является одной из новых технологий сегодняшнего дня. Основы разноуровневого обучения были изложены и проанализи-

рованы в «Великой дидактике» Яна Амоса Коменского в XVII веке. Эта технология также рассматривались в работах русских ученых К. Д. Ушинского, Л. С. Выготского, а в 1969 году в работах — Л. В. Занкова, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. работы Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова были направлены на восприятие обучаемого как «субъекта»¹. При выборе новой технологии обучения для организации учебного процесса каждый преподаватель должен учитывать свое умение и возрастные особенности обучаемых. Использование технологии разноуровневого обучения требует значительных изыскательных работ от преподавателей. Также использование технологии должно способствовать определению способности обучаемого к определенному предмету в группе и дальнейшему развитию способности. Мы в своей группе используем технологию «Разноуровневого обучения» Ж. Караева. Основной целью — воспитать образованных, активных обучаемых, способных самостоятельно развиваться и преодолевать жизненные преграды. В течение всей педагогической практике мы тоже стремимся к разносторонности, много читаем и стараемся повышать качество образования обучаемых и их стремления получить знания. И соответственно, обучаемые в группе отличаются уровнем знания и умением усваивать информацию. Технология разноуровневого обучения благотворно влияет на развитие творческой деятельности и обучаемого, и учителя. Потому очень важна роль технологии разноуровневого обучения среди современных педагогических технологий организации учебно-воспитательного процесса.

Технология разноуровневого-дифференцированного обучения Ж. Караева предполагает обучить обучаемых самостоятельным действиям по освоению и поиску знаний. В этой технологии обучаемый стоит на первом месте и особое внимание сосредотачивается на их самостоятельной активности в освоении знаний. В технологии разноуровнево-дифференцированного обучения работа состоит из задач обязательных трех уровней и дополнительного творческого уровня. Основная задача работы — не допускать в группе разделение обучаемых на «способных» и «неспособных». На занятиях каждый обучаемый, несмотря на успеваемость, выполняет с I уровня. Выполнение заданий I уровня гарантирует выполнение условий государственных образовательных стандартов. Знание обучаемого, выполнившего I уровень, оценивается «3». Каждый обучаемый обязан выполнить I уровень, а также вправе выполнить следующие задания. В этом плане возникает проблема: как быть если обучаемых не успевают за отличниками? В этом случае, то есть если обучаемый успел выполнить только I уровень, то все остальные задания даются на дом².

¹ Горычева С. Н. Разноуровневое обучение в открытой системе // Школьные технологии – 2005. – № 2. – С. 77–83.

² Караев Ж. А. Хау-Хау – технология разноуровневого обучения // Учитель Казахстана. – Алматы, 13–14 апрель, 1999.

Другая сторона технологии разноуровнево — дифференцированного обучения это — приучить обучаемых к рейтингово — балльной методике, применяющейся в международной системе образования. При внедрении технологии разноуровнево — дифференцированного обучения в учебно-воспитательный процесс и при обеспечении его научно-методическими документами, предложениями мы можем решить проблемы традиционного обучения и обеспечить:

- 100 процентную успеваемость обучаемых;
- возможность оптимизации нагрузок обучаемых (уменьшение количества домашних заданий);
- беспристрастная оценка результатов учебной деятельности обучаемых;
- устранение чувства неудачи, страха и тревоги у обучаемых;
- своевременное определение одаренных обучаемых и создание условий для развития;
- систематизирование методов исследования процессов познания, способностей познания у обучаемых;
- увеличение количества олимпийских призеров, призеров конференций, а также победителей творческих работ¹.

Эффективность технологии разноуровнево-дифференцированного обучения — это:

- объяснение новой темы;
- задания от начального уровня к верхнему уровню;
- приучение каждого обучаемого к самостоятельной работе;
- закрепление знаний обучаемых по теме;
- повышение способности обучаемых думать над сложной задачей;
- моментальная оценка знаний обучаемых².

Задачи технологии разноуровнево-дифференцированного обучения:

- обучение каждого обучаемого в зависимости от его возможности и способности;
- создание условий одаренным обучаемым для получения более глубоких знаний;
- повышение интереса, потенциала обучаемых.

Особенности технологии разноуровнево-дифференцированного обучения:

- талантливые, одаренные обучаемые прочно укрепляют свои способности и умения, а слабые обучаемые начинают проявлять интерес к учебе и избавляться от своих комплексов;
- повышается интерес к занятиям у обучаемых;

¹ Каппушева Х. Х. Разноуровневое обучения в современном образовании//Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 9. – С. 22–24.

² Кротова Л. М. Опыт изучения учебной самооценки школьника в условиях разноуровневого обучения//Педагогическая мастерская. – 2007. – № 1. – С. 17–24.

— упрощается обучение групп с одинаковым уровнем знаний;
— появляется возможность постоянной и систематизированной работы с одаренными обучаемыми.

Ожидаемые результаты от технологии разноуровнево-дифференцированного обучения:

— результаты психологических особенностей, интеллекта и самосовершенствование;

— развитие исследовательских работ обучаемых при наличии одаренных обучаемых;

— возможность разностороннего совершенствования учителей.

Подводя итоги, хотели отметить, что технология разноуровнево-дифференцированного обучения имеет следующие преимущества:

1. Обучаемый полностью усваивает пройденный материал, потому что на каждом уроке пройденные темы повторяются;

2. Полностью выполняются все задания по теме;

3. Обучаемый сам себя проверяет и знает все свои ошибки;

4. Постоянно проводятся аналитические работы. Во всех видах анализа темы повторяются;

5. Качество знаний проверяется на каждом занятии и результаты обучаемых ясно видны;

6. Талантливые обучаемые прочно укрепляют свои способности и умения, а слабые обучаемые начинают проявлять интерес занятиям и избавляться от своих комплексов. Нашей самой важной задачей является совершенствование знания своих обучаемых и подготовка способных и одаренных личностей.

Список литературы:

1. Горычева С. Н. Разноуровневое обучение в открытой системе // Школьные технологии – 2005. – № 2. – С. 77–83.
2. Караев Ж. А. Хау-Хау — технология разноуровневого обучения // Учитель Казахстана. – Алматы, 13–14 апрель, 1999.
3. Каппушева Х. Х. Разноуровневое обучения в современном образовании // Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 9. – С. 22–24.
4. Кротова Л. М. Опыт изучения учебной самооценки школьника в условиях разноуровневого обучения // Педагогическая мастерская. – 2007. – № 1. – С. 17–24.

Section 5. Political science

*Dogaru Cosmin Ștefan,
University of Bucharest PhD in Political Science,
Faculty of Political Science Assistant Professor
E-mail: dogaru.cosmin-stefan@fspub.unibuc.ro*

A German prince on the Romanian throne — a pillar for the consolidation of the state in the years 1866–1914

Abstract: Throughout this paper, I will discuss different arguments referring to the implication of Charles I in the consolidation of the country using only the two caucus parties — The National Liberal Party (1875) and the Conservative Party (1880) — for government in order to assure the political power balance and to act as an arbitrator of the Romanian political life, according to the stipulations of the 1866 Constitution. For this type of research, that can be included in the thematic area of the political history, I will use comprehensive methodology related to critical text analysis and comparison of relevant historical data to be found both in official sources such as political discourses and in personal/individual documents such as memories.

Keywords: Charles I, political regime, Romania, government alternation, political stability.

Introduction

Romanian case: the project of the foreign prince

The project of the foreign prince was a milestone for the Romanian political elite, the hereditary constitutional monarchy representing a long-time desideratum that was reached only in 1866. Inviting Charles of Hohenzollern-Sigmaringen to the throne of the country signified the consolidation of the Romanian state both internally and externally. The fundamental law created the juridical basis of the new political regime in 1866. Thus, the Constitution of 1866 (having as a model the Belgian Constitution of 1831) ensured the constitutional and institutional configuration of the Romanian state. Both Charles I and the political elite wanted to lead the country in the direction of modernisation, the west European model constituting a milestone for the political decision makers of the period. The coming of the foreign prince generated domestic

political stability and ensured a real prestige for the country at an European level. While reading the fundamental law, one can see the arbitrator role of Charles I. Among others, he could appoint the prime minister and thus he could ensure the right balance of the political regime (Art. 93)¹.

The invitation of the foreign prince to reign in the country represented not only the eradication of the inner political fight, but also the attainment of a favourable image in the foreign realm and, moreover, the consequent attainment of yet another desideratum: achieving the independence of the country and having it recognised (1877, 1878).

The Reign of Charles I and the governmental action

The reign of Charles I had several stages and his relationship with the political elite went through a series of coordinates related to the political life in general, the mentalities of the political figures, the formation of the two government parties, the NLP and the CP, the evolution of the two-party system etc. During the first part of the reign of Charles I (1866–1871), the political life was marked by political instability both at a parliamentary and at a governmental level². That culminated with the attacks of the radical liberals against the government and also against Charles I — especially during the period 1870–1871. At that time, Charles I threatened to step down³, as the unique solution he could see for the moment, but the conservative leader Lascăr Catargiu insisted on the formation of a strong conservative government that could adjust to the wish of the sovereign to ensure the stability of the country and generate progress. Thus, during the years 1871–1876, Romania went through a period of political stability that represented a milestone in the process of consolidation of the Romanian state. Although the relationship of Charles I with a part of the political class was not entirely a close one at the beginning of his reign, most of the political leaders encouraged and supported, especially after 1871, the constitutional monarchy, which gradually became a part of the Romanian state.

Charles I gradually imposed his will within the Romanian political regime. That happened especially after winning the state independence and having it recognised (1877, 1878) and after Romania became a kingdom in 1881. The latter generated a serious change in the relationship between Charles I and the political elite, the king becoming the main actor of the political game. The king militated for the modernisation of the state at all levels: social, economic, political etc., being supported in that by the political class, now a little more mature when compared to the first reigning years of Charles I.

¹ *Constituțiune și lege electorală (Constitution and Electoral Law)*, Bucharest: Tipografia Statului (State Press), 1884. P. 29.

² Sorin Liviu Damean, *Carol I al României 1866–1881 (Charles I of Romania 1866–1881)*, Bucharest: Paideia, 2000. P. 119.

³ Ion Bulei, *În Vechiul Regat (In the Old Kingdom)*, Bucharest: Tritonic, 2013. P. 31.

With time, the influence of the king increased within the political regime and the elite integrated the role of the constitutional monarchy in the process of construction of the Romanian state during that age. Thus, Charles I “came to be accepted for representing the common interest and serving national goals/.../the preservation of the state, as well as the establishment of order and stability”¹. Charles I militated for the formation and the consolidation of the two government parties, the NLP and the CP, in order to consolidate the Romanian state. The monarch also wanted to consolidate the economy and the infrastructure and wanted Romania to get integrated among the European states.

The government alternation configured especially by Charles I developed after 1876, a moment in which the NLP (formally constituted in 1875) came to power and was to remain there for the next 12 years (1876–1888). Later, the governmental succession was ensured by the junimist (a conservative group)-conservative government (1888–1895).

For Charles I, these two above-mentioned governments constituted the proof that a new, more organised and efficient alternation was necessary between the NLP and the CP, something that actually happened in 1895 through the stabilisation of the two-party system. Then, the government alternation between the liberals and the conservatives was strengthened and the length of a governmental office was an average of 3–4 years.

The role of Charles I in the configuration of the political regime

In time, everybody recognised the arbitrator role of Charles I in the political life. The political class was gradually becoming conscious of the importance of Charles I, who was a guarantor for the good functioning of the political regime.

The liberal leader I. G. Duca recognised the role of Charles I in the operation and the consolidation of the political regime: “*he was the foreign prince brought by the great generation in order to stop the wretched inner fights for the throne for all time; he was the captain from Grivița and Plevna, he was the embodiment of the great acts in whose tradition we had all been raised: the Independence and the Kingdom*”².

The conservative Alexandru Lahovari clearly expressed his vision on an important pillar of the Romanian political regime. In a discourse delivered on 24 February 1886 (during the very tensioned liberal government), he mentioned the following: “*the only constitutional factor that could still offer a legal solution to an almost desperate situation [is] his Majesty, the King! /... /We must address his Majesty with all the respect we owe to the highest dignitary of the Romanian state/... /To be constitutional means to respect the Constitution in its entirety/... /His Majesty, the King, as I know him, will do justice to the country; he has the*

¹ Edda Binder-Iijima, “Creating Legitimacy: The Romanian Elite and the Acceptance of Monarchical Rule” in Tassos Anastassiadis and Nathalie Clayer (eds.), *Society, Politics and State Formation in Southeastern Europe during the 19th Century*, Alpha Bank, Athens: Historical Archives, 2011. P. 198.

² Duca I. G., *Amintiri politice (Political Memories)*, Munchen: Jon Dumitru-Verlang, 1981. P. 28.

highest sense of his prerogatives, but he knows that these prerogatives require the most difficult duties"¹. King Charles I represented a pillar for maintaining and consolidating the political regime and both the liberals and the conservatives agreed with this fact.

The function of a mediator or arbitrator turned out to be an essential one within the political regime, the political stability of the country being thus ensured. In this sense, I. G. Duca was asserting that: "*in the domestic politics, king Charles I went beyond his role of a strictly constitutional sovereign and became an important arbitrator of our domestic political life, but that did not happen out of his quest for government*"². Charles I's aim was the political stability of the country.

A sensitive issue during that age was the revision of the fundamental law. After the tensions in the year 1907, the conservative Alexandru Marghiloman was convinced that: "*an agreement between the parties would be necessary for the revision of the Constitution*"³. Within this framework, in order to achieve the two reforms, the agrarian and the electoral, an ample revision of the Constitution was necessary. In January 1914, the topic became a real concern of the entire political life and, thus, the revision of the Constitution was seriously taken into account.

At that moment, Alexandru Marghiloman showed that the king "*regrets the convulsions in which the country is thrown/ ... /The present Constitution could work for yet another 15 years. But the liberals pretend that the change cannot be done without me since I have the power to calm all passions*"⁴. For this project, the cooperation of the two parties, the National Liberal Party and the Conservative Party, was obviously necessary because the two political forces needed to reach a certain consensus, something that had happened also after the debates in 1866, when the drafting and the sanctioning of the fundamental law was at stake.

Along his reign, the foreign prince and then the king established his position in the domestic realm and also in the foreign one due to his strong personality and his rational manner of acting: « le roi Charles 1er de Hohenzollern-Sigmaringen des Roumains s'est constitué effectivement en un monarque européen modèle, tant pour le Sud-Est européen, que pour l'Europe entière. Il a réussi de reformer la Roumanie à fond/ ... /il a été protecteur, conseiller, arbitre et facteur d'influence dans les Balkans»⁵.

¹ Alexandru Lahovari, *Discursuri politice (Political Discourses)*, Bucharest: Editura Tipografia și Fonderia de Litere DOR. P. CUCU (DOR. P. CUCU Press), 1905. P. 92.

² Duca I. G., op. cit. P. 104.

³ Alexandru Marghiloman, *Note Politice 1897–1924 (Political Notes: 1897–1924)*, Bucharest: Editura Institutului de Arte Grafice <<Eminescu>> S. A. ('Eminescu' S. A. Graphic Arts Institute Press), 1927. P. 61.

⁴ *Ibidem*. P. 207.

⁵ Elena Siupiur, «Charles 1er. Un modèle politique pour les monarques du Sud-Est européen» in *DIE HOHENZOLLERN IN RUMÄNIEN 1866. – 1947*. Herausgegeben von EDDA BINDER IJIMA,

A real blockage in the operation of the government alternation mechanism

According to the power game, the leaders of the opposition were convinced that the death of the king represented a real blockage in the operation of the government alternation mechanism, which Charles I so much wanted. Brătianu's (liberal leader) proposal to constitute a national government of the liberals and the conservatives, presented during the reign of Charles I (but applied later, in 1916), obviously led to the end of the operation of the alternation of the National Liberal Party and the Conservative Party.

As a consequence of the burst out of the First World War (WWI) in 1914, they started considering the collaboration of all the political forces in order to form a “*national government*” that would take into account the severe international situation, but the king rejected this political construction. From an external perspective, the local elite was carefully weighing all the movements they had to make regarding the involvement of the country in the war and their possible consequences for Romania.

The situation was quite delicate (Romania had joined the Triple Alliance in 1883 and was the ally of Germany and Austria-Hungary). The political elite was quite divided: a part of the political leaders wanted Romania to assert its neutrality in 1914 while others wanted to join the Central Powers¹. Everything was clearly solved during the Crown Council of 21 July 1914, when the king and the important political leaders debated this topic, which was very sensitive for the future of the country.

Thus, “although Charles I considered it a matter of honor to respect the standing treaty, the only one who conveyed his support for entering the war on the side of the German states was P. P. Carp. All the others were in favour of the neutrality. Then Charles asked for an open voting — through yes or no — and almost unanimously the politicians were against entering this war. Although affected by the decision, Charles I proved to have a real democratic spirit”². Finally, the neutrality was chosen and king Charles I, as a constitutional monarch, respected the decision of the majority of the politicians.

Conclusion

Under such conditions, the role of Charles I (1866–1914), as a prince and as a king, was essential for maintaining the liberal political regime through the use of the government alternation of the two political parties, no other political force being capable to interfere and change the mechanism.

Böhlau Verlag Köln Weimer Wien: HEINZ – DIETRICH LOWE UND GERALD VOLKER, 2010. P. 133.

¹ Keith Hitchins, *România 1866–1914 (Romania 1866–1914)*, Bucharest: Humanitas, 2004. P. 294–295.

² Nicolae Cristea, *Imaginea publică a monarhiei în România: 1866–1947 (The Public Image of the Monarchy in Romania: 1866–1947)*, Bucharest: Cavallioti, 2011. P. 89.

References:

1. Ion Bulei, *În Vechiul Regat (In the Old Kingdom)*, Bucharest: Tritonic, 2013.
2. *Constituțiune și lege electorală (Constitution and Electoral Law)*, Bucharest: Tipografia Statului (State Press), 1884.
3. Nicolae Cristea, *Imaginea publică a monarhiei în România: 1866–1947 (The Public Image of the Monarchy in Romania: 1866–1947)*, Bucharest: Cavallioti, 2011.
4. Sorin Liviu Damean, *Carol I al României 1866–1881 (Charles I of Romania 1866–1881)*, Bucharest: Paideia, 2000.
5. Duca I. G., *Amintiri politice (Political Memories)*, Munchen: Jon Dumitru-Verlang, 1981.
6. Keith Hitchins, *România 1866–1914 (Romania 1866–1914)*, Bucharest: Humanitas, 2004.
7. Edda Binder-Iijima, “Creating Legitimacy: The Romanian Elite and the Acceptance of Monarchical Rule” in Tassos Anastassiadis and Nathalie Clayer (eds.), *Society, Politics and State Formation in Southeastern Europe during the 19th Century*, Alpha Bank, Athens: Historical Archives, 2011.
8. Lahovari Alexandru, *Discursuri politice (Political Discourses)*, Bucharest: Editura Tipografia și Fonderia de Litere DOR. P. CUCU (DOR. P. CUCU Press), 1905.
9. Marghiloman Alexandru, *Note Politice 1897–1924 (Political Notes: 1897–1924)*, Bucharest: Editura Institutului de Arte Grafice <<Eminescu>> S. A. ('Eminescu' S. A. Graphic Arts Institute Press), 1927.
10. Siupiur Elena, «Charles 1er. Un modèle politique pour les monarques du Sud — Est européen» in *DIE HOHENZOLLERN IN RUMÄNIEN 1866–1947*, Herausgegeben von EDDA BINDER IIJIMA, Böhlau Verlag Köln Weimer Wien: HEINZ — DIETRICH LOWE UND GERALD VOLKER, 2010.

*Pelevina Ekaterina,
Post-graduate student of the 2nd year students
of the North-Western Institute of management
Russian Academy of national economy and state service
under the President of Russia, Saint-Petersburg
E-mail: 898762358f@gmail.com*

Information cyber threats

Globalization processes in the modern economy, its oversaturation of new information and communication technologies, the dynamics of Informatization of such areas of society as the sphere of Telecom, energy, transport, and storage systems gas and oil, financial and banking system, defence and national security, the structure of the stable operation of ministries and agencies, the widespread adoption of electronic methods of control create conditions for the spread of cyberterrorism¹.

Fundamentally new threats to international stability have emerged with the development, implementation and dissemination of information weapons, which creates the information war. Intelligence agencies conduct their war directly to the Internet. To control this sphere in October 2010 in full force earned the U. S. cyber command (U. S. cyber command) with a staff of more than 1 million people.

Special kiberprestuplenie, with the aim of conducting intelligence work in networks, the protection of their own networks, blocking and «snowball» structures of the enemy using the features of cyberspace also been established in Australia (cyber security operations centre), the UK (cyber security operations centre), Germany (the Internet division of the criminal police and the Federal office for information security), India and other countries. Targeted proactive stance on combating cyber threats is a leading international security organization — NATO (cooperative cyber DefenceCentre of excellence)².

Of great concern to experts/analysts is the fact that terrorist organizations are more flexible than public institutions on the application of technical innovations³. Accordingly, they have significant advantages in the conduct of well-coordinated operations.

The use of criminal elements of the latest developments in the field of information and communication technology is extremely dangerous. They radically change the methods of terrorist activities, promote extremist elements in the formation of

¹ Volkov N.L. The history of information warfare: In 2 hours – SPb, 2003.

² Rastorguev S. P. Philosophy of information war. – M.: Moscow psychological and social Institute, 2003. – 496 p.

³ Rastorguev S. P. Information war. – M., 1998. – 415 p.

flexible and effective network of organizational structures, uniting separate groups to transnational terrorist groups, which are very difficult to detect to the Commission of a terrorist act. In many ways the network organization of such a honeycomb structure consisting of multiple groups with different leaders or a different focus. At the same time, they are able to unite to solve common problems. This structure can only exist in the information society. This dynamic system can be quickly adapted to changing political conditions.

The intensity of cyber attacks in today's world is growing steadily. In 2002, the U. S. presidential adviser on technology Richard Clarke has announced a list of countries, which are potential carriers of cyberterrorism. It also included Iraq, Iran, South Korea, China and Russia. According to the belief of Clark in these countries there are specialists that can compromise the security of the U. S. through the Internet¹. However, according to the firm Riptech, cyber-attacks from threat to USA countries is 1%, and the highest number of attacks — 40% fixed with the United States. Further, the number of attacks are Germany and South Korea. Note that in the USA own 42% of the world's computer resources and 60% of the resources of the Internet, China — 1%, Russia 1%, and Ukraine — less than 1%.

Cyber terrorism — is part of the phenomenon of information terrorism. In the mid-1980s, Barry Collin, a member of the Institute of security and intelligence, coined the term “cyberterrorism” to define terrorist acts in the virtual space. The author of the term noted, what about the real cyber-terrorism is possible to speak not earlier than the first decade of the twenty-first century. However, in 1990, were the first serious recorded cyber attacks. To solve this problem, the Pentagon ordered the Agency of satellite telecommunications to develop a strategy for conducting cyber war (operation OPLAN +3600), which provides «an unprecedented Association of commercial and state structures of the country». For the development of this project was drawn and the FBI, as the situation demanded decisive unification of all efforts to counter possible attacks through the Internet. Other governments also began forming their own strategies, reference and counter the information war.

The term «cyber terrorism» means acts by disruption of information systems (unauthorized interference in computer networks, reprogramming, targeted disruption of the servers, etc.) representing a danger to human life, cause significant property damage or other socially dangerous consequences if they are taken to destabilize public security, terrorize the population or a directional controlled influence on the decision making authorities and also the threat of committing such actions. The main factor of information tactic of terrorism is that a terrorist act has created dangerous

¹ Wilkinson, P. the laws of war and terrorism//terrorism morality/ed. by D. Rappoport, Alexander Yu. – N. Y.: Columbia University Press, 1989.

consequences, was widely known to the public and aroused strong resonance in the society. The terrorists' demands accompanied by threats a clear repetition of an act without specifying a particular object. Thus, a characteristic feature of cyber terrorism is that in contrast to cybercrime, the terms terrorist, widely reported in the information network.

The activities of cyberterrorists is in the threat of violence, the support of the state of intimidation to achieve political and other objectives, targeted enforcement to specific controlled action, a constant drawing attention to the identity of the terrorist and terrorist of the represented organization. Cyber terrorism did not lead to human losses, but caused significant financial losses and affect the psychological climate in society. Thus, cyber terrorism is one of the challenges of modern high-tech countries in the world. Experts identify the following means of terrorism in cyberspace to achieve terrorist goals:

- theft or destruction of information, software and hardware resources of cyberspace relevant to society at large, by violating the protection systems, installation viruses, software bookmarking, and more;

- planned damage to individual physical elements of cyberspace, in particular the destruction of power supply network, using special software, enabling the destruction of hardware;

- a focused collection for the purpose of disclosure and publication of threats of or actual disclosure of classified information on the functioning of the information infrastructure of the state, the principles of operation of the encryption system, the successful experience of carrying out acts of information terrorism;

- directional influence on software and information for their systematic distortion or modification in the information systems and control systems;

- threats of carrying out a terrorist act in cyberspace, causing serious economic consequences, disruption of communication lines, incorrect addressing, artificial overload of the switching nodes, etc.;

- conducting information and psychological operations aimed at influencing providers, developers, and operators of information and telecommunication systems through mechanisms and tools of violence or threats of violence, bribery, blackmail, the introduction of drugs, the use of hypnosis, and means of creating illusions, multimedia, etc.¹.

The basic form of cyber-terrorism and information attacks on computer information, computer systems, data transmission equipment, and other components of the information infrastructure. The implementation of cyber attacks leads to the interference in the system, the interception control or the funds sharing network and so on.

¹ Wilkinson, P. the laws of war and terrorism//terrorism morality/ed. by D. Rappoport, Alexander Yu. – N. Y.: Columbia University Press, 1989.

There are many ways by which a person can disrupt or paralyze the Internet servers (mostly DOS). Hackers Belgrade during the war in Kosovo, launched attacks against server hardware NATO. They attacked the servers with a huge number of teams that checked whether the server is running and whether it is related to the Internet.

The result of these attacks were overloading the server target. Kosovo hackers as a means of virtual protest that used the bombing of the email. They sent thousands of letters to politicians at the same time with the help of automated tools, which often led to the blocking of e-mail and it stopped working. American media wrote that the Kosovo conflict was the start of the transformation of cyberspace in the form of intangible military zone, where military clashes occur in the electronic image, group mailings, and hacker attacks.

According to Dorothy Dineen, author of the study "Activism, hacktivism and cyberterrorism: the Internet as a means of influencing foreign policy", the Internet has affected the political dialogue, as actively exploited activists who were supposed to put pressure on those responsible for political decision-making¹.

The hacker movement in China is organized at the state level. In particular, China has allowed its cyberterrorists to form Honker Union of China (the nose is a hybrid of the English "hacker" and Chinese "Hong" is red). According to the FBI, the PRC today has an army of 180,000 hackers who daily attack the Cybernet USA and annually since 2009, provides 90–150 thousand attacks against computers of the Ministry of defense. From 180 thousand hackers are war 30 thousand and 150 thousand computer experts from the private sector (employees of private companies involved in implementation of military or intelligence objectives in cyberspace, the mission of which is to obtain access to military and commercial secrets of the U. S. and the introduction of disorder in the activity of ordinary and financial services²).

Combating cyberterrorism has become one of the priority tasks of the defense of the United States under the Obama administration. According to official statements, the U. S. is prepared to lead an information war and if the country will be carried out information attack. January 30, 2010, during the world economic forum in Davos, US Senator from the Republican party C. Collins noted that the U. S. is seriously considering the question of the relation to cyber-attacks until the Declaration of war, and on 12 may 2010, the Deputy assistant Secretary of defense for political Affairs by George. Miller said that the U. S. was willing to inflict a military strike in response to cyber attacks on its computer infrastructure. This U. S. position regarding interpretation of cyber attacks and potential cyberwar has continued in the position of the NATO

¹ Rastorguev S. P. Information war. – M., 1998. – 415 p.

² China's secret Cyberterrorism [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.thedailybeast.com/blogs-andstories/2010-01-13/chinas-secret-cyber-terrorism/full>.

group of experts chaired by Madeleine Albright in June 2010 proposed to interpret large-scale cyber attacks as falling under the fifth article of the North Atlantic Treaty and are considered to be attacks on all NATO members.

«Overview of cybersecurity» (cyber SecurityReview) is a comprehensive document that defines the priorities of the new team presidency of Barack Obama in cyber security; created the position of Head of the cyber security Council national security and homeland security; created a Cybernetic command of the USA (us cyber command), under the chairmanship of General K. Alexander, who simultaneously heads the said division, and the Agency for national security. From 1 October 2009, the U. S. announced an additional set of 1,000 employees to a special cyber security division of the national security Agency (NSA), which will deal exclusively with high-tech security systems USA. However, even this number of employees does not fully meet the needs for specialists in cyber security USA.

16 may 2011 the administration of U. S. President Barack Obama unveiled an International strategy for cyberspace (international strategy for Cyberspace)¹, which directly States that the US reserves the right to self-defense in accordance with the provisions of the constitutive documents of the UN and in response to the threat of information infrastructure U. S. is prepared to use “diplomatic, informational, military and economic” means of responding to incidents. The U. S. government has offered this document as a global initiative, and in fact encouraged to join this vision of the future of cyberspace all the partners of the USA.

Concern that the strategy issues of international cooperation are not detailed and are not specified. The relevant section States that the USA plan development in the framework of international organizations, with the aim of promoting the so-called culture of safety by facilitating the investigation of cybercrime and prosecution of the perpetrators, to participate in the creation of an international network for monitoring and public disclosure of threats of cyber attacks or about the facts of their implementation. On the development of any international instrument in this field, even for the future, not the issue at all.

References:

1. China's secret Cyberterrorism [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.thedailybeast.com/blogs-andstories/2010-01-13/chinas-secret-cyber-terrorism/full>.
2. Dubov D. V., Ozhevan M. And. Cyber security: global trends and challenges for Ukraine: analytical report. – M.: NISHI 2011 [Electronic resource]. – Access mode: www.niss.gov.ua/articles/510/.

¹ International strategy for Cyberspace [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.whitehouse.gov>

3. International strategy for Cyberspace [Electronic resource]. – Access mode: http://www.whitehouse.gov/sites/default/les/rss_viewer/international
4. Rastorguev S. P. Information war. – М., 1998. – 415 p.
5. Rastorguev S. P. Philosophy of information war. – М.: Moscow psychological and social Institute, 2003. – 496 p.
6. Volkov N. L. The history of information warfare: In 2 hours – SPb, 2003.
7. Wilkinson, P. the laws of war and terrorism//terrorism morality/ed. by D. Rapoport, Alexander Yu. – N. Y.: Columbia University Press, 1989.

*Telyatnik Tatiana Evgenievna,
Kuban State University,
PhD in Political Science, lecturer,
Political Science and Political Management Subdepartment
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

Political communications in formation and development of civil society

*Телятник Татьяна Евгеньевна,
Кубанский государственный университет,
кандидат политических наук, преподаватель кафедры
политологии и политического управления
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

Политические коммуникации в формировании и развитии гражданского общества

Одним из главных механизмов организации и осуществления современного политического процесса, построения гражданского общества в том или ином государстве выступают политические коммуникации. Как тип взаимодействия между людьми коммуникация охватывает своим влиянием все области окружающей действительности, по-новому организует общественные отношения. Новейшие коммуникационные технологии создают принципиально иное, неведомое ранее «глобальное пространство — время»: локальное, ограниченное пространство буквально становится мировым, а конкретное время приобретает весьма относительный характер, ибо не столько важно то, когда и как именно произошло то или иное событие, сколько то, когда и как оно было представлено и воспринято¹.

¹ Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс... д-раполит.наук. – Москва, 2005. С. 4.

Безусловно, одним из важнейших аспектов легитимации власти сегодня является политическая коммуникация. Неотъемлемая часть современного мира, представленного в качестве информационного пространства, воплощается во множестве коммуникационных феноменов — таких как борьба за власть в онлайн режиме или формирование общественного мнения с помощью манипуляции информационными потоками.

Отметим, что начало систематического изучения процессов и явлений политической коммуникации было положено в работах Г. Лассуэлла¹. «Наиболее подходящий способ описания коммуникационного процесса состоит в том, чтобы ответить на такие вопросы: «Кто?» — «Что сообщает?» — «По какому каналу?» — «Кому?» — «С каким результатом?», — известная формула Г. Лассуэлла часто применялась для иллюстрации круга проблем, входящих в поле изучения коммуникативистики — изучение сообщений, средств коммуникации, рецептов и результатов информационного воздействия.

О начале фундаментальных исследований в области политической коммуникативистики как «науки, которая изучает природу, строение информационно-политической сферы общественной жизни, а также неотъемлемые для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества», стали говорить в середине 40-х гг XX века. Но, обозначив немалый вклад исследователей в область изучения политической коммуникации, можно отметить недостаточное количество работ по проблемам воздействия политических коммуникаций на формирование и развитие гражданского общества того или иного государства. В исследованиях мы можем встретить выводы о том, что трансформационные процессы выявили тенденцию к доминированию в демократическом транзите коммуникационных технологий и практик; влияние политических коммуникаций на развитие гражданского общества зависит от нормативной подсистемы, где ведущую роль играет государство, так как оно обладает монополией на общеобязательное нормотворчество и др. Коммуникативные технологии и практики выявляют непосредственную зависимость реальных результатов политических отношений от конфигурации «информационного ресурса» политических субъектов — таких как общество и государственные институты.

Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и повлияли на трансформацию моделей взаимоотношений между политическими институтами и индивидами. Также активно идет процесс

¹ Lasswell, G. Propaganda, Communication and Public Order. (with Smith B. L., Casey R. D.) Princeton, 1946. P. 57.

формирования нового обширного канала политической коммуникации, динамика развития которого меняет представления о системе обеспечения политической деятельности, отстаивания акторами политического взаимодействия своих интересов.

Важно отметить, что изучение особенностей и понимание закономерностей коммуникативного процесса способствует формированию гражданского самознания и адекватной ему правовой и политической культуры, навыков позитивно-активного участия политических субъектов, помогает акторам политического процесса понять цели развития общества, определить свои политические позиции и роли в социально-политических трансформациях.

Коммуникационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, но наиболее заметно их влияние в политике. Так, М. С. Вершинин в своей работе говорит о том, что активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами¹. Исследователь отмечает, что к наиболее перспективным направлениям в изучении указанной проблематики можно отнести такие темы как электронное правительство, интернет и демократию, электронную демократию как компьютерно-опосредованную форму политической коммуникации. Множество зарубежных и отечественных ученых занимаются изучением вопросов данного направления. Прежде всего это работы Тем самым подтверждается актуальность заявленной темы и выделяется перспективность дальнейших исследований.

В современных условиях происходит активное оформление и институализация политической коммуникативистики в самостоятельную область политической науки, которая имеет категориальный аппарат, объект, предмет изучения, специфику проблем, закономерности, а также функции и методы исследования. Политическая коммуникативистика выступает в качестве самостоятельной дисциплины. Научную основу данного направления составляет совокупность знаний, представленных в виде принципов, концепций, гипотез, методов, способов и форм осмысления информационно-коммуникативного взаимодействия в политической сфере. Таким образом, теоретико-методологическим инструментарием оценки и анализа политической коммуникации выступает политическая коммуникативистика. Владение предметным полем и инструментарием политической коммуникативистики позволяют своевременно и качественно управлять динамичными информационными процессами, прогнозировать события и их развитие, и, главное — разрабатывать стратегию взаимодействия власти и общества.

¹ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований. СПб., 2001. С. 37–101.

Рассматривая проблематику политической коммуникации сквозь призму институциональной парадигмы, мы получаем возможность сформулировать основные характеристики политической коммуникации как процесса. Процесс этот выражается в устойчивой совокупности коммуникационных ролей и функций государственных институтов, общественных организаций, политических партий, общественных движений, взаимодействующих с различными слоями населения. Кроме того, сегодня наблюдается значительное увеличение интенсивности коммуникаций. Одновременно, вместе с этим, происходит переход межличностных коммуникаций в виртуальную плоскость. К основным формам политического взаимодействия через Интернет-коммуникации относятся сайты известных политиков, партий, государственных структур, общественно-политических организаций. Также, к Интернет-коммуникациям мы относим интерактивные конференции, страницы избирательных комиссий, аналитические политические новостные сайты, страницы статистических сайтов и др. С использованием информационных технологий в политической коммуникации наблюдается проявление таких свойств информационно-политической среды как виртуальность, глобальность, интерактивность, доступность, анонимность, связанность и другие свойства.

Кроме того, между уровнем развития гражданского общества и эффективностью политической коммуникации существует прямая зависимость — для того, чтобы гражданское общество устойчиво развивалось и функционировало, необходимо, чтобы каждый гражданин мог получить оперативную и достоверную информацию по всем интересующим его вопросам и свободно обменивался информацией.

Свободное массовое получение и распространение информации являются основой для защиты прав и свобод человека, формирование своего собственного общественного мнения, при этом необходимо поддерживать возможности гражданина воздействовать на само общество и государственную власть. Все это является общепризнанными основополагающими признаками гражданского общества. Политическое самоопределение гражданского общества есть процесс становления свойственных данному типу общественной организации институтов и структур, находящий свое функциональное выражение в политической коммуникации посредством публичного дискурса при одновременной трансформации культуры политического участия.

В системе коммуникаций между органами власти и обществом можно отметить такие структуры как НКО, PR-агентства, средства массовой информации, работа с обращениями граждан и др. Формы взаимодействия власти и гражданского общества направлены на проведение общественных экспертиз, осуществление общественного контроля, а также выработку рекомендаций органам власти.

Данные каналы коммуникации могли бы выработать эффективные пути привлечения граждан к реализации государственной политики, что, несомненно, способствовало бы улучшению результатов системы государственной власти и органов местного самоуправления.

Современное общество нуждается не столько в формально теоретическом гражданском обществе, сколько в кропотливой работе с региональными органами власти и населением по решению насущных проблем. С одной стороны, гражданское общество аккумулирует и затем транслирует органам власти информацию о проблемах граждан, с другой — берет на себя социальные обязательства по реализации политических решений, особенно если эти решения были приняты с учетом предоставленной им информации по существу проблемы.

Таким образом, политические коммуникации открывают новые пути становления и развития гражданского общества. Многоаспектная характеристика информационных ресурсов проявляется в разноплановом использовании Интернет-коммуникаций. Новые технологии дают уникальные возможности быстрого распространения информации, интерактивности и участия масс в сетевой жизни (не только в качестве читателей, но и в качестве авторов). К тому же высокое качество интернет-аудитории делает ее благодатной средой для восприятия и распространения новых идей¹. Трансформировав систему представительства гражданских интересов, электронные средства массовой информации превратили политику в медиа-процесс, одновременно стимулировав и соответствующие изменения в процессе коммуникации². Расширение, рост частоты использования электронных источников, виртуальность политической социализации, требования постиндустриальной эпохи подталкивают нас к созданию нового института — электронного гражданского общества. Кроме того, процесс этот сопровождается такими важными явлениями как онлайн-голосование на выборах, референдумы, знакомство с законопроектами и их возможное комментирование, решение значимых вопросов через портал государственных слуг, деятельность многофункциональных центров и многие другие явления.

Несомненно, что участие активных, грамотных, владеющих информационно-коммуникативными технологиями и заинтересованных в настоящем и будущем своей страны граждан, должно позитивно отразиться на ее развитии, а также становлении гражданского общества³. Постепенное станов-

¹ Овчинников Б. В. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета// Полис. Политические исследования. 2002. – № 3. С. 46.

² Телятник Т. Е. Политические коммуникации в сфере публичной политики современной России// Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 7–8. С. 175.

³ Кристальный Б. В., Орлов С. В. Человек в информационном обществе// Информационное общество. № 6. 2012. С. 35–48.

ление институтов гражданского общества — неотъемлемая характеристика современного российского политического процесса, что обеспечивается через тесное взаимодействие всех сфер общественной жизни, стимулирует исследовательский интерес и дает возможность создания определенных моделей прогноза.

Список литературы:

1. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс... д-ра полит.наук. – Москва, 2005.
2. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований. СПб., 2001. С. 37–101.
3. Кристальный Б. В., Орлов С. В. Человек в информационном обществе//Информационное общество. № 6. 2012. С. 35–48.
4. Нисневич Ю. А. Информационный фактор политической модернизации//Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. – № 3. С. 91–101.
5. Овчинников Б. В. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета//Полис. Политические исследования. 2002 – № 3. – С. 46–65.
6. Самсонова Т. Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России//Вестник Московского ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2012.№ 3. С. 37–51.
7. Телятник Т. Е. Политические коммуникации в сфере публичной политики современной России//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 7–8. С. 174–178.
8. Lasswell, G. Propaganda, Communication and Public Order. (with Smith B.L., Casey R. D.) Princeton, 1946.

*Tkacheva Anna Yurievna,
Kuban State University,
student, Political Science and Political
Management Subdepartment
E-mail: anya_tkacheva69@mail.ru*

The formation of political values of the Russian youth in modern conditions of social changes

*Ткачева Анна Юрьевна,
Кубанский государственный университет,
студентка, кафедра
политологии и политического управления
E-mail: anya_tkacheva69@mail.ru*

Формирование политических ценностей российской молодежи в современных условиях общественных изменений

В условиях преобразований, осуществляемых в российском обществе, выдвигаются качественно новые, более сложные задачи теоретического осмысления, дальнейшего практического развития и конкретизации важнейших аспектов деятельности по формированию у подрастающего поколения высокой гражданственности, патриотизма, чувства ответственности за судьбу Отечества, готовности к его защите.

Интерес к изучению ценностей и их влиянию на политические события просматривается со времен античности до наших дней. Одним из наиболее разработанных направлений является анализ ценностного единства общества и функциональности ценностей в процессе обеспечения этого единства. Так или иначе, этой проблеме уделяли внимание Платон, Аристотель, Ж. Руссо, Ш. Монтескье, О. Конт, Г. Тард, К. Ясперс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Значецкий, У. Томас, Р. Ингледарт, Т. Парсонс, С. Эйзенштадт, Г. Алмонд, С. Липсет, У. Колб, К. Мангейм, С. Верба, В. Ядов, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Э. Фромм, Т. Адорно, Э. Френкель-Брюнsvик, С. Шварц, В. Шляпентох, А. Маслоу, М. Рокич.

В связи с этим становится все более неотложным решение задачи фундаментального и всеобъемлющего рассмотрения комплекса проблем, накопившихся в сфере воспитания молодежи.

Система молодежных ценностей динамична в силу того, что меняется социальная среда, порождающая эти ценности, к тому же сама возрастная группа подвержена взрослению. Одно поколение молодежи меняет другое, соответственно этому меняется и набор ценностей, он ситуативен.

Общественная активность молодежи рассматривается сегодня государством как одна из форм раскрытия потенциала молодых людей в интересах страны. Молодое поколение в процессе социализации усваивает особенности существующих общественных отношений, накопленный опыт политической жизни, нормы, ценности, политические образы, переводит их на уровень индивидуального опыта¹.

¹ Телятник Т.Е. Влияние информационной среды на формирование протестных форм политической активности молодежи в полиэтничном регионе//Современные исследования социальных проблем [Электронный журнал]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/>

Действительно, не имея представления о том, какими являются сегодня основные ценности, ориентиры, взгляды и интересы молодого человека, крайне сложно рассчитывать на положительный результат в процессе формирования у него лучших качеств гражданина и патриота России. Это важно учитывать преподавателям и мастерам производственного обучения в школах, руководителям патриотических и военно-патриотических организаций и объединений.

«Ценности — обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрировано выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества»¹. Они предоставляют возможность наиболее адекватно и глубоко интерпретировать социальные действия субъектов, позволяют прогнозировать дальнейшее поведение личности, выявлять ожидания и предугадывать реакции субъектов на властные политические решения.

Новые условия породили и новые проблемы, которые стали присущи социокультурным ценностям современной молодежи. По данным комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского университета еще с начала 90-х годов в российском обществе, особенно среди молодежи, началось резкое снижение ценностей духовной культуры, ценности познания, искусства, творчества не имеют высокого престижа даже среди студентов. Налицо отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры.

Кроме того, разрушается и претерпевает существенные деформации исторически сложившаяся общечеловеческая и общероссийская иерархия социокультурных ценностей, что особенно характерно для молодежи. Так, для большей ее части неоправданно принижено значение народного и духовного искусства, художественных произведений традиционных промыслов и ремесел, отечественной классики и реализма. В то же время явно несоразмерным по силе проявления является внимание, уделяемое молодыми людьми маскультовскому и авангардистскому искусству и моде, не содержащим собственного позитивного мировоззрения и фальсифицирующим основное содержание духовно-нравственного компонента социокультурных ценностей. Также продолжается тенденция дальнейшей дегуманизации и деморализации ценностей, что выражается прежде всего в принижении, деформации и разрушении позитивного образа человека, личности нашего общества. То же самое проявляется и в неослабевающем интересе молодежи к восприятию сцен и эпизодов насилия и секса, жестокости и натуралистичности (кинематограф, телевидение, видео, рок-музыка, театр, литература, изобразительное искусство). Увлечение такого рода псевдоценностями противоречит традиционной народной нравственности.

В процессе формирования ценностных ориентиров молодежи наблюдается приоритет потребительских ориентаций над креативными. Так, по результатам нескольких социологических исследований среди студентов петербургских вузов, потребление в рамках художественной культуры заметно преобладает над их креативными устремлениями в социокультурной деятельности. В среднем, свыше 75% молодых людей чаще всего проводят свое свободное время у телевизора, в сети Интернет или в компании с друзьями, слушая, главным образом развлекательную музыку. В то же время только каждый десятый (по их самооценке) предпочитает расходовать свободное время на посещение кружков-студий, каждый 16-й — на самообразование, каждый 6-й — на занятия спортом¹.

Что касается «вестернизации» социокультурных потребностей и интересов российской молодежи, то можно отметить, что ценности великой отечественной культуры, как народной, так и классической, «... вытесняются схематизированными стереотипами — образами массовой культуры, ориентированными на достижение стандартов «американского образа жизни», в его самом примитивном и облегченном воспроизведении». Героем нашего времени и в определенной степени образцом для подражания выставляется «негативный лидер» — эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считающийся со средствами².

Такие процессы в формировании массового молодежного сознания во многом обуславливаются отсутствием или только лишь частичным проявлением этнокультурной самоидентификации. Эта черта особенно присуща русской молодежи. Нормы и ценности, оказывающие определяющее воздействие на подрастающее поколение в период его формирования, основываются «... либо на традиционно-советской, либо западной модели воспитания, в любом случае — внациональной, в то время как интериоризация этнокультурного содержания практически отсутствует»³.

В результате этого процесс социализации современной молодежи сопровождается утратой целостности отечественной культуры, разрывом и даже противостоянием различных типов культур, существующих в нашем обществе. «Происходит тотальное выкорчевывание из культурного обихода не только отдельных имен, а целых пластов культуры, искусства, науки, образования, которые якобы не вписываются в общественно-политическую парадигму нынешнего режима»⁴.

¹ Российская молодежь: десять главных проблем. Материалы исследования Научно-исследовательского центра при Институте молодежи. — М., 1999. С. 56–57.

² Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы. — М., 2000.

³ Левикова С. И. Молодежная культура. — М.: Вузовская книга, 2002. С. 102.

⁴ Ценностные ориентации современной молодежи. URL: <http://www.socioera.ru/soces-256-1.html> (Дата обращения: 27.03.2016 г.)

Народная культура (традиции, обычаи, обряды, фольклор и т. п.) воспринимаются большей частью молодежи как анахронизм. Между тем, именно этническая культура является цементирующим звеном социокультурной преемственности. В силу этого без этнокультурной самоидентификации невозможно формирование и развитие у подрастающего поколения глубоких позитивных чувств к истории, традициям своего народа и, в конечном счете, истинной любви к Отечеству.

Одним из наиболее характерных проявлений ослабления нашей культурно-исторической памяти является вырождение великого русского языка. Речь и поведение многих молодых людей в полной мере отражает увлечение наиболее примитивными образчиками массовой культуры.

Современный молодежный лексикон чаще всего представляет собой немислимый конгломерат иноязычных слов и русских вульгаризмов, речевых штампов и не к месту употребляемых терминов. Лингвистическая культура современной молодежи, испытывающая мощное англоязычное влияние, в значительной мере обедняется также за счет примитивизации и слога, и лексикона средств массовой информации.

Между тем язык всегда был и остается генетической памятью народа. Поэтому «забвение родного языка — забвение исторической памяти, искажение исторического сознания народа», выхолащивание духовной и культурной основы российского патриотизма.

Перемены происходят и постепенно, и резко сменяют друг друга, определяя лицо различных поколений. Естественно, что старшее поколение в большей степени привержено традиционным ценностям и нормам. Молодежь в большей степени подвержена влиянию новых ценностей, в силу того, что им не приходится преодолевать сопротивление усвоенного ранее опыта. Это ведет к формированию межгенерационных ценностных различий, что, в свою очередь, ведет к непониманию и неприятию поколений друг другом. Конфликт отцов и детей, поколенческий разрыв, мировоззренческий раскол между возрастными группами — в таких терминах определяют один из наиболее универсальных социально-политических конфликтов, устойчиво воспроизводимых во все времена и во всех обществах. Основу конфликтов этого вида составляют индивидуальные и групповые различия в убеждениях, ценностях, установках, представлениях молодежи и более возрастных групп.

Но необходимо помнить, что молодежь является важнейшим ресурсом развития любого государства. Она выступает инициатором и движущей силой прогресса.

Можно констатировать, что существенной чертой сознания молодежи в наше время является ее политическая пассивность, которая расценивается многими как показатель ее деполитизации, но это скорее активное неприятие того, что

связано с политикой как с важнейшей сферой нашей жизни. Несмотря на то, что уровень информированности многих молодых людей об основных политических событиях является достаточно высоким, их аполитичность возводится в принцип, становится одной из ценностей мировоззренческого характера. В немалой степени это является ответной реакцией на безразличие властей к жизни молодежи, их неспособности к осуществлению последовательной и эффективной молодежной политики. В силу этого главной заботой большей части подрастающего поколения, вступающего в жизнь, становится борьба за выживание.

Одной из важных сторон, характеризующих молодежь как специфическую социальную группу, является ее отношение к труду, к общественно полезной деятельности. Этот компонент, который может быть представлен в виде профессионально-трудовых ценностей, складывается под воздействием целого ряда неблагоприятных факторов. Среди них, в частности, можно выделить чрезмерное преувеличение роли вещизма в современной жизни, стремление к личному, главным образом, материальному благополучию и т. д. Таким образом, осмысление и решение перечисленных проблем не может не рассматриваться без тесной связи с процессами и явлениями, происходящими в нашем обществе, вне учета всей совокупности факторов — социально-экономических, политических, духовно-нравственных, и других, оказывающих воздействие на современную молодежь.

Список литературы:

1. Гаранин О. Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дис ... канд.полит.наук. Краснодар, 2010.
2. Информационно-аналитические материалы по итогам Года молодежи в Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2010. 112 с.
3. Ильинский И. М. Молодежь как социальная ценность и фактор перемен//Ильинский И. М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С. 207–212.
4. Омельченко Е. Стили жизни Российской молодежи: из XX в XXI век//Народное образование. 2006. № 5. С. 171–178.
5. Телятник Т. Е. Влияние информационной среды на формирование протестных форм политической активности молодежи в полиэтничном регионе//Современные исследования социальных проблем [Электронный журнал]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/telyatnik.pdf>
6. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы. М., 2000.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис/Пер. с англ. М.: Флинта, 2006. – 352 с.

Section 6. Regional studies and socio- economic geography

*Chugunova Nadezhda Vasilievna,
Belgorod National Research University, associated professor
of the Department of nature management and land cadastre*

E-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

*Polyakova Tatyana Anatolievna,
Belgorod National Research University, associated professor
of the Department of nature management and land cadastre*

E-mail: Polyakova_t@bsu.edu.ru

*Ignatenko Svetlana Anatolievna,
Belgorod National Research University, senior lecturer
of the Department of nature management and land cadastre*

E-mail: Ignatenko_s@bsu.edu.ru

*Likhnevskaya Nadezhda Vladimirovna,
Belgorod National Research University, graduate student
of the Department of nature management and land cadastre*

E-mail: myamaretto@yandex.ru

*Komkova Anna Igorievna,
Belgorod National Research University, student*

E-mail: an.komckowa2010@yandex.ru

Social spatial processes in the systems of settlement of the Belgorod region under the conditions of globalization

*Чугунова Надежда Васильевна,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, доцент кафедры природопользования*

E-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

*Полякова Татьяна Анатольевна,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, доцент кафедры природопользования*

E-mail: Polyakova_t@bsu.edu.ru

*Игнатенко Светлана Анатольевна,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, ст. преподаватель кафедры природопользования*

E-mail: Sveta-ignatenko@yandex.ru

*Лихневская Надежда Владимировна,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, аспирант кафедры*

E-mail: tyamaretto@yandex.ru

*Комкова Анна Игоревна,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, студент кафедры*

E-mail: an.komckowa2010@yandex.ru

Пространственные социальные процессы в системах расселения Белгородской области в условиях глобализации

Введение. Проблема пространственного развития в России существовала всегда и сохранится в будущем, что неизбежно для страны с гигантской территорией и значительными различиями в заселенности и условиях социально-экономической деятельности. Региональные экономические контрасты внутри развитых и догоняющих стран продолжают расти¹.

В научном сообществе идут дискуссии о возможностях и путях преодоления неравенства, но профессиональный консенсус не сформирован. Общепризнанным стало отношение к неравномерному развитию, неравным условиям жизни, как объективному свойству пространственного развития². В связи с этим, обсуждение экспертами вопросов о масштабах регионального неравенства, преобладающих трендах — конвергенции или дивергенции в социальном (и эконо-

¹ Зубаревич Н. В. Стратегия долгосрочного развития: вспомнить о пространстве. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0343/gazeta01.php>.

² Fujita M., Krugman P. When is the economy monocentric: von Thunen and Chamberlin unified // Regional Science and Urban Economics, 1995. 254; Шмидхейни Стефан и др. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя. Издательство: М.: Геликон. 1994. – 384 с; Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Эдиториал УРСС. – 2003.

мическом) развитии регионов, «естественном социальном отборе» сельского населения¹, наиболее пострадавшей части населения² продолжается, необходимость же сокращения разрывов в уровнях социального и экономического развития территориальных общностей людей признается всеми, как и тот факт, что стандартизация образа жизни приняла глобальный характер.

В изучении изменений в процессах жизнедеятельности населения, его территориальном размещении и перераспределении, мы рассматривали Россию и ее регионы как инвариант мирового сообщества, в котором активно реализуется большинство глобалистических тенденций. Доказанные процессы цикличности развития урбанизации³, приводят к радикальным изменениям в системах расселения, формируя агломерации и зоны опустынивания в сельской периферии, вызывая последующую трансформацию широкого спектра условий жизни населения в этих системах. Но происходящие изменения остаются слабоосвещенными в научной литературе страны и требуют особого подхода к их исследованию.

Объектом нашего исследования является территория одного из регионов страны — Белгородская область. Основными задачами данной статьи является интегральный анализ пространственных социальных процессов и форм организации жизни населения региона в трансформируемом расселении.

Материалы и методы. Для достижения необходимой глубины проработки основных задач статьи были использованы *методы* пространственно-временного анализа, статистические, методы определения перспективной численности населения (математический метод построения моделей и система автоматизированного проектирования Mathcad⁴), ГИС-технологий и другие методы научного познания. В статье использованы результаты работ российских и зарубежных ученых, а также авторов статьи по изучению социально-пространственной трансформации Белгородской области, *результаты экспедиционных обследований районов области в 2012–2015 гг., официальные статистические данные по области и ее муниципальным образованиям.*

¹ Нефедова Т., А. Никулин. Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php>.

² Алексеев А. И., В. П. Краснослободцев, О. Н. Гладкова. Территориальная подвижность населения и системы расселения в сельской местности России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2007. – № 4. – С. 10–14.

³ Gibbs, J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. 2. P. 119–129; Friedmann, J. Regional Development Policy. A Case Study of Venezuela. – Cambridge, Mass. Inst. Tech. Press, 1966; Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М: Ин-т географии АН СССР, 1987. – С. 82–100.

⁴ Капица С. Математическая модель роста населения мира // Наука и жизнь, 1992. – № 6. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/10393>.

Обсуждение результатов

Изменение демографического потенциала. Современные демографические процессы в России носят кризисный характер, определяемые разнообразными факторами (социальными, экономическими, историческими, глобализационными и др.) и отражаются на демографическом потенциале¹, социальных условиях ее населения, социально-экономическом развитии регионов, пространственной организации систем расселения. В составе ЦЧР в начале XXI в. самой успешной в демографическом плане остается Белгородская область. Ее «благополучие» вызвано положительным сальдо миграции на протяжении последних двадцати пяти лет, которое компенсировало естественную убыль населения и способствовало росту численности населения (на 25,6%). Но миграция из других регионов России и стран СНГ сужается как «шагреновая кожа»² и поэтому количественный (и качественный) рост демографического потенциала необходимо использовать в качестве окна возможностей для инновационных преобразований в Белгородской области.

Территориальное перераспределение населения. Изучение процессов изменения численности населения муниципальных образований (МО) с 1979 по 2015 гг. позволили прийти к выводам о кардинальном перераспределении населения по территории области: концентрации населения вокруг больших городов³, изменении ранжированного ряда и доли МО в численности населения области. Разнонаправленные процессы изменения доли МО в численности жителей области позволили выделить три типа МО, имеющих устойчивый характер: «рост», «сокращение», «стабилизация». Проведенные расчеты свидетельствуют о возможности перехода части районов в краткосрочной перспективе из типа «стабилизация» (напр. Прохоровское МО, сельские поселения городских округов Старого Оскола, Губкина) в тип «сокращение», что приведет к дальнейшему внутритерриториальному перераспределению населения области с вытекающими из этих процессов социальными, демографическими, экономическими и экологическими последствиями. Складывающаяся экистическая, демографо-социальная ситуация характерна для большинства МО сельской местности не только Белгородской области, но и многих субъектов РФ. Обжитое и экономически активное сельское пространство сжимается за пределами городских агломераций в отдельные ареалы, а между ними формируются территории демографического опустынивания (рисунок 1.).

¹ Под демографическим потенциалом мы понимали совокупность населения с определенными качествами (характеристиками) необходимыми для социально-экономического развития данной территории.

² Чугунова Н. В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М.: ГЕОС – 2011. – 128 с.

³ Chugunova N. V., T. A. Polyakova, N. V. Likhnevskaya. The development of the urban settlement system in Belgorod oblast//J Geography and Natural Resources. 2013. V 34, N 1. P 55–60.

Рисунок 1. Динамика численности городского и сельского населения Белгородской области в 2002–2010 гг. (по данным переписей населения)

В связи с объективными циклическими процессами развития урбанизации, сокращением числа занятых в сельском хозяйстве, тенденции растущей концентрации населения в немногочисленных урбанизированных центрах и депопуляции окраинных МО, сохранятся. Изменить ситуацию в ближайшее время, по нашему мнению, не удастся. Глобализация и информационная проницаемость пространства лишь усугубляют ее, обнажая несоответствие социальной среды запросам молодежи¹. Разработанная нами на перспективу модель развития сельского населения Белгородской области свидетельствует о сокращении численности сельского населения во всех муниципальных образованиях кроме одного — Белгородского (в составе агломерации). Ухудшение демографической ситуации в сельской местности приведет к тому, что при реализации как старых, так и новых проектов, может не оказаться нужного количества трудового потенциала.

Трансформации сельского расселения: причины и следствия. Выявление причин изменений в системе сельского расселения показало, что традиционно ведущая роль экономических факторов стала менее выраженной, если они основаны преимущественно на сельскохозяйственном производстве. В XXI веке занятость населения только в сельском хозяйстве не является залогом динамичного развития

¹ Нефедова Т. Г., И. Ф. Кузьминов. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2012. – № 1. С. 76–91.

сельских населенных пунктов. Так, в трех базовых сельскохозяйственных районах области, производящих 34,6% продукции сельского хозяйства — Шебекинском, Новооскольском, Волоконовском¹, уменьшается численность населения и людность поселений, растет число «мертвых» деревень. Исследование показало, что в формировании новой модели системы расселения значительно выросла роль социальных факторов в связи с изменениями ценностных ориентаций населения, обостренных проникновением процессов глобализации и стандартов образа жизни в глубинные сельские районы. Глобализация становится весомым фактором трансформации расселения, повышая территориальную мобильность населения и снижая социальную (мобильность) оставшихся жителей села².

Следствием процессов глобализации является и повышение проницаемости пространства, когда каналами проницаемости становится не только транспортная связность регионов и континентов, но и Интернет, сотовая связь, позволяющие обмениваться информацией. Социальные и социально-экономические факторы становятся катализаторами принятия решения переезда многими жителями сел. Наши выводы подтверждают расчеты корреляционной зависимости между численностью населения и социально-экономическими факторами³, решающая роль в которых принадлежит заработной плате.

Заключение. Переход к рынку и развитию в условиях глобализации, приводят к унификации тенденций развития пространственной структуры регионов, изменению систем городского и сельского расселения, смене образа жизни и усилению социальных контрастов в условиях жизни населения.

Выводы. Результаты интегрального анализа пространственных социальных процессов и форм организации жизни населения в трансформируемом расселении Белгородской области позволили прийти к следующим выводам: система расселения регионального уровня подвергалась глубоким изменениям, вызванными прямо или косвенно разной степенью воздействия ряда факторов — социально-экономических, социальных, демографических, возросшей значимостью глобализации и фактора экономико-географического положения муниципального образования и населенного пункта, отраженного в центр-периферийной модели региональной системы расселения. В условиях накопленного демографического

¹ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Белгородской области. – Режим доступа: <http://belg.gks.ru>

² Нефедова Т. А., А. Н. Никулин. Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php>.

³ Игнатенко С. А. Модели канонических корреляций в оценке взаимодействия численности населения и социально – экономических показателей экономики области //Шевченковская весна. Материалы межд. междисциплинарной научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Киев: Обрії, 2013. – Вып. XI – С. 189–193.

потенциала «коридора возможностей» важнейшая институциональная задача — стимулировать использование объективных конкурентных (демографических) преимуществ области.

Благодарности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-31001.

Section 7. Sociology

*Ibraeva Aizat,
Kyrgyz-Turkish Manas University, Faculty of Letters
E-mail: aizen77751@gmail.com*

Social trust as the state cohesion factor

*Айзат Ибраева,
Кыргызско-Турецкий университет “Манас”, гум.факультет
E-mail: aizen77751@gmail.com*

Социальное доверие как фактор государственной сплоченности

Целью данной работы является рассмотрение сути и роли такого феномена, как социальное доверие, путем его интерпретации с социального и психологического ракурса, а также его значения в установлении социальной сплоченности и социально-экономического развития страны. Дана характеристика различным видам доверия. В качестве приоритетного выделяется доверие к абстрактным системам. Рассмотрены экономические отношения как актуаторы социального доверия. Даны примеры по результатам социологических исследований, проведенных среди населения Кыргызской Республики.

Ключевые слова: социальное доверие, социальная сплоченность, межличностное доверие, институциональное доверие, доверие к абстрактным системам, Кыргызская Республика, государство, социальная защита, экономические отношения, риски.

Доверие — как таковое, есть чувство уверенности и безопасности во взаимоотношениях, психологическое состояние, при котором субъект добровольно ставит свое личное благополучие в зависимость от внешнего фактора, которому субъект доверяет. Доверие является одним из составляющих компонентов устойчивости всех отношений, своеобразным «продуктом» факторов, обуславливаемых характером выполнения установленных норм поведения, типов отношений, соответствующих ожиданий и их реализации в определенных рам-

ках. В основном, для установления доверия необходимо действие, основанное на ожиданиях.

К проблеме доверия в разное время обращались такие мыслители прошлого, как Г. Гроций, Дж. Локк, И. Кант и Э. Дюркгейм. Феномен доверия рассматривался ими в контексте анализа начала общественных отношений на основе «договора», а общественные связи — как социальный обмен. В концепции американского социолога Т. Парсонса доверие трактуется как ожидание взаимности в осуществлении каких-либо действий — одно из условий, обеспечивающих общественную стабильность.

Социальные и политические перемены, вызванные процессами модернизации современных обществ, появление очагов нестабильности на посткоммунистическом пространстве активизировали научный интерес к доверию как принципу конструирования социальных отношений. Ряд известных социологов обратились к исследованию природы доверия в новом общественном контексте. Среди них — Б. Барбер, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, С. Айзенштадт, Ф. Фукуяма, П. Штомпка¹. Так, по Э. Гидденсу, есть 2 типа доверия — персонифицированное доверие и доверие к абстрактным системам. Персонифицированное или межличностное доверие следует рассматривать в качестве основы формирования социального доверия. Межличностное доверие также выступает как «источник чувства честности и аутентичности себя самого». Доверие к абстрактным системам, по мнению Э. Гидденса, — это тот тип доверия, который формируется в современную эпоху. Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе «позднего модерна» — обеспечивает ощущение надёжности повседневных отношений². В книге Ф. Фукуямы «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» доверие характеризуется как ожидание от членов определенного общества честного поведения, проявления готовности к взаимопомощи, соответствующим общепринятым нормам, традициям и обычаям, общими этическими ценностями³. Подобное поведение значительно более эффективно, чем поведение, основанное на рациональном расчете и формальных правилах, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения⁴.

¹ Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции. – Л.: Вестник РУДН серия Социология, 2003, № 1(4). С. 67–73.

² Гидденс, Э. Последствия современности/Э. Гидденс. – Л.:Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ./Ф. Фукуяма. — Л.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

⁴ Белянин А. В., Зинченко В. П. Доверие в экономике и общественной жизни. – Л.: Либеральная миссия», 2010.

Доверие — в то же время есть своеобразный риск; доверяя, мы позволяем некоторой части нашей жизни войти под контроль других, и теперь исход дела частично будет зависеть от тех, которым было оказано доверие. Так, по мнению Б. Барбера, «доверие есть нечто большее, чем созерцательное рассмотрение будущих возможностей. Мы должны активно вести себя по отношению к будущему, совершая определённое действие, имеющее, по крайней мере, частично неопределённые и непредсказуемые последствия»¹. Доверяя государству, граждане частично предоставляют ему право на распоряжение своей жизнью, рискуя при этом не получить ожидаемого. С целью минимизации рисков возникает необходимость укрепления социальной сплоченности и конвергенции всех существующих средств для её достижения. Идеология «социальной сплоченности» относится к созданию работоспособных механизмов социальной справедливости, социальной инклюзии и доверия, для которого наиболее благоприятным фундаментом служит социум, образованный на основе личности, справедливости, где подвергаются оценке отдельные социальные нормы, а само общество становится отдельной нравственностью.

Таблица 1. – “Оцените 5 балльной шкалой эффективность деятельности каждого из нижеследующих институтов власти за 2014-год” (1-самый низкий; 5-самый высокий)”²

Институты власти	5	4	3	2	1	Нет ответа	Средний балл
1. Институт Президента	14%	44%	18%	8%	8%	8%	3,2
2. Жогорку Кеңеш	4%	34%	30%	14%	10%	8%	2,8
3. Правительство	2%	26%	30%	24%	10%	8%	2,6
4. Суд	4%	6%	30%	28%	24%	8%	2,1
5. Прокуратура	14%	36%	26%	12%	4%	8%	3,2

В социологическом измерении доверие определяется исходя из социального опыта жителей региона, а также из того, насколько ресурс доверия способен обеспечить достижение индивидуальных целей и стабильность на уровне группового взаимодействия. Важно при анализе учитывать и показатели институционального доверия, которое является основой обществ, где существуют специальные организации, которые генерируют и поддерживают «правила игры». В первую

¹ Barber, B. The logic and limits of trust. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1983.

² Исаев К. И., Сейитбаев Б. Т. Саясий элита: коомдогу бедели, социологиясы. – Л.: Бишкек, 2014. С. 280–281.

очередь такую роль выполняет государство. В связи с этим главным аспектом институционального доверия следует считать доверие к важнейшим государственным органам — правительству и президенту¹.

Путем проведения опроса населения по оценке работы государственной власти можно рассмотреть степень реализации ожиданий граждан выполнения государством его обязательств по сохранению безопасности, правопорядка, правосудия, принятия и исполнения законов. Рассмотрим это на примере Кыргызской Республики (Таблица 1).

Общий результат по 5 балльной шкале является средним, среди них можно выделить некоторые аспекты: согласно данным, самую высокую оценку дали деятельности Президента КР; затем идет Прокуратура и Жогорку Кенеш. Оценка судебных органов и Правительства КР значительно ниже. Очевидно, что наибольшей поддержкой пользуются те институты, в руках которых больше реальной власти, а также возможностей осведомления народа о проделываемой работе. Если же подходить к оценке деятельности Суда и Правительства КР, то в этом вопросе уже стоит обратить внимание на не менее важное явление — уровень коррупции в системе судебных процессов и исполняющих органах. Выполнение основных потребностей граждан, таких как здравоохранение, борьба с преступностью, качество образования, развитие экономики, трудоустройство и социальное обеспечение, большей частью возлагаются на обязанности республиканской власти. Это верно, ведь именно республиканский уровень управления и власти имеет наибольший диапазон влияния на решение всех задач, связанных с жизнью страны. Конечно же, важно знать, что для достижения прогресса требуется создание его двигателя с помощью всестороннего старания элементов, претендующих на этот прогресс, в данном случае — каждый член общества и те, кто им управляет, должны действовать совместно в единстве и согласии, учитывая особенности и нюансы, направлять старания в единое верное направление. Но построенный абстрактный идеал никогда не может реализоваться в полной мере, так как зачастую преградой этому выступают неправильное распределение возможностей и осуществление незаконных процедур в решении важных вопросов. Так, по результатам ежегодного Индекса восприятия *коррупции*, которая проводится Международной организацией Transparency International, в 2014 году Кыргызстан получил в общем рейтинге 27 баллов и оказался в числе стран с высоким уровнем коррупции². На наш взгляд, процветающая в стране коррупция не будет ограничиваться определенной сферой социальных взаимоотношений,

¹ Гужавина Т. А. Формирование и развитие территориальных сообществ – Л.: УДК 316, 2012.

² <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>

она будет проявляться во всех отраслях жизненноважной структуры общества, таких, как система образования и здравоохранения, защиты прав и свободы граждан, и, несомненно, будет влиять на степень доверия между индивидами и индивидов к государству. Каждый член общества имеет определенные потребности, но в целом, они подвергаются определенной классификации. Например, по пирамиде Маслоу¹, потребности человека заключаются в 5 основных стадиях: потребности физиологические, затем в самосохранении, социальные потребности, потребность в уважении и, наконец, в самоактуализации. Не удовлетворив основные, сложно, или даже невозможно переходить к следующей стадии. Это следует учесть и при создании планов развития государства в целом. Важно понимать, что недостаточно защищенное от болезней, материальных трудностей, преступности или же разрушительных сил природы население, не имеющее надежд на получение соответствующего международному уровню качественного образования, люди которые убеждены, что говорить на государственном языке — показатель низкого положения и неинтеллигентности, — никогда не будут иметь даже потенциала к развитию. Потому как нет возможностей на решение глобальных проблем, тогда как даже личная безопасность и спокойствие не гарантированы. Господство коррупционных схем в сфере образования, медицинского обслуживания, трудоустройства с каждым годом все больше и больше упрочняет сознание того, что именно этот путь является «каналом» для личностного усовершенствования, по-другому — становится габитусом способа борьбы за жизнь, за выживание в системе общества. Вместе с этим постепенно уничтожается и доверие, как персонифицированное, так и к абстрактным системам. Это отражается сегодня также в экономических и межэтнических отношениях.

Как правило, экономический вклад каждого жителя в общий поток финансового оборота страны имеет огромное значение. Недоверие же, будь оно на личностном уровне или же к государственным институтам, в значительной мере отрицательно влияет на общее материальное положение граждан: финансирование зарубежных, более надежных компаньонов, или же использование средств в незаконном виде (неуплата налогов, к примеру, есть результат уверенности в том, что их уплата не принесет субъекту пользы в будущем) приводит к снижению бюджета государства. В свою очередь, это сопровождается проблемами с обеспечением населения электричеством и энерготопливом, распределением заработных плат служащим и пенсионных жалоб, нехваткой средств для внесения инновационных новшеств, создания удобств для качественных образовательных и медицинских услуг и т. д. В итоге, образуется замкнутый круг, который можно дистурбировать, правильно используя элементы социальной безопасности.

¹ Maslow A. H. *Motivation and Personality*. — New York: Harpaer & Row, 1954.

Следуя из того, что социальное доверие зависит от степени реализации услуг социальной безопасности, можно выделить два способа (канала) её осуществления: *социальная страховка* и *социальная помощь и услуги*. Также социальная безопасность включает в себя социальную защиту и социальную справедливость¹. Рациональное предоставление государством услуг социальной безопасности, выполнение обязательств властью перед народом именно в той форме, которая считается первоначальной, а именно — регулировка деятельности социальных институтов на законном уровне, усиление гражданской идентификации и сплоченности есть гарантированный путь к установлению процветания общества.

*Kovalenko Alla Anatolyevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department
of economy and management at the enterprise of the Institute of service,
tourism and design (branch) FGAOU VPO
«North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk
E-mail: 425257@mail.ru*

*Suhoveeva Natalia Demyanovna,
candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Department
of social work, psychology, and social rights a branch of FGBOU VPO
“Russian State Social University” in Pyatigorsk, Stavropolsky Krai,*

*Chirkov Alexander Nikolaevich,
Russian state trade and economic university
(Branch in Pyatigorsk), associate Professor of Department
of humanitarian disciplines*

*Chirkova Ekaterina Aleksandrovna,
college student of the Institute of service, tourism
and design (branch) FGAOU VPO
«North-Caucasus Federal University» in Pyatigorsk*

Social policy and administration in modern conditions

*Коваленко Алла Анатольевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
и управления на предприятии Института сервиса, туризма и дизайна
СевероКавказского Федерального университета (филиал в г. Пятигорске)
E-mail: 425257@mail.ru*

¹ Ayhan A. Social Security Concept and the Principles of Social Security – A.: Sosyal Güvenlik Dergisi, 2012.

*Суховеева Наталья Демьяновна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социальной работы, психологии и социального права
филиала ФГБОУ ВПО
«Российский государственный социальный университет»
в г. Пятигорске Ставропольского края*

*Чирков Александр Николаевич,
Российский государственный торгово-экономический университет
(Пятигорский филиал), доцент кафедры гуманитарных дисциплин*

*Чиркова Екатерина Александровна,
студентка колледжа Института сервиса, туризма
и дизайна (филиал) ФГАОУ ВПО
«Северо-Кавказский федеральный университет»
в г. Пятигорске*

Социальная политика и управление в современных условиях

Социальная политика — это деятельность по управлению социальной сферой общества, призванная обеспечить жизнь и воспроизводство новых поколений, создать предпосылки для стабильности и развития общественной системы и достойной жизни людей. С одной стороны, социальная политика — это искусство соединения человеческих интересов, интересов индивидов и государства, различного уровня человеческих общностей, групп; в сфере социальных отношений¹. С другой — это система постоянно возобновляющихся взаимодействий государственной власти, негосударственных структур, самой личности по вопросам жизнеобеспечения и развития человека². Современная социальная политика сегодняшней России, формирование которой еще не завершено, декларирует стремление решить две задачи: защитить от жестокого воздействия рынка наиболее уязвимые слои населения и способствовать экономической активизации различных слоев населения³. При этом прослеживаются тенденции

¹ Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Altyinnikova E. N. Humanitarian picture of the world in modernist philosophy. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 3rd International symposium 2014. С. 306.

² Казначеева И. А., Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н. Социальные функции знания в современном обществе. Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2006. С. 39.

³ Bondarenko N. G., Chirkov A. N., Shalbarova I. M., Belova L. V. Education as indicator of modernization processes of modern society. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 3rd International symposium 2014. С. 65.

разгосударствления социальной сферы и освобождения государства от функции непосредственного предоставления гражданину социальных услуг¹.

Что же должно включать в себя понятие социальной защиты? Социальная защита — это система мероприятий, осуществляемых обществом и его различными структурами, по обеспечению гарантированных минимально достаточных условий жизни, поддержанию жизнеобеспечения и деятельного существования человека². В действующем социальном законодательстве РФ понятие «социальная защита» используется в сравнительно узком смысле: оно означает политику государства, направленную на обеспечение прав и гарантий человека в сфере уровня жизни. В то же время, концепция социальной защиты населения включает в себя законодательное закрепление минимальных гарантий, предоставляемых государством (либо под его контролем) любому гражданину, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, зависящих от его трудового стажа, размера страховых взносов и т. д.³.

Социальную защиту можно определить как комплекс мер в сфере денежного и натурального обеспечения, услуг и льгот, направленных на социальную поддержку нуждающихся граждан, создание условий для их самореализации и самообеспечения, и осуществляемых за счет федерального, областного, районного, городского бюджетов, а также за счет фондов социальной поддержки населения и других источников⁴. Оно позволяет видеть предназначенность, целевую направленность, повышение эффективности мер социальной поддержки малообеспеченных, нетрудоспособных граждан, семей с детьми, льготных категорий населения мероприятиями социальной помощи, что более важно, позволяет установить принципы социальной защиты населения; определить содержание прав граждан в сфере социальной защиты и гарантий их осуществления; совершенствовать виды и формы социальной защиты; обеспечить самостоятельность органов местного самоуправления организации и осуществление социально-правовой защиты населения⁵. Чтобы система социальной защиты действительно защищала

¹ Ускова Н. Е. Система социальной защиты и поддержки населения в условиях реформирования законодательной базы // Труд и страхование, 2006. № 1/2. С. 15.

² Некрасов Е. Е., Бондаренко Н. Г., Лукьянова Н. Г., Чирков А. Н. Адресность социальной защиты населения как принцип региональной политики. Монография / Под редакцией Е. Е. Некрасова; Российский государственный торгово-экономический университет. Воронеж, 2012. С. 47.

³ Кутеева М. В. Социальная защита населения региона: экономические модели, технологии, инструменты. Дисс... канд. эк. наук. – Майкоп: АТУ, 2001. С. 69.

⁴ Bondarenko N. G., Kolesnikova K. V., Avanesova I. V. Dynamics of social values in the conditions of institutional reorganization. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 3rd International symposium 2014. С. 279.

⁵ Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Лепехина Е. В. Социальные детерминанты проблем и дисфункции в сфере администрирования: социально-философские, социологические и правовые

интересы основных масс людей, страховала их от столь резкого падения качества жизни, ухудшения социального самочувствия система социальной защиты должна быть ориентирована на интересы человека, условия самореализации, качество жизни¹. Однозначно, «приблизиться» к человеку проще на локальном уровне². Таким образом, наиболее значимым для успешности в организации социальной защиты населения является ее реализация на региональном уровне³.

Управление социальной сферой и учреждениями социальной защиты населения в Ставропольском крае осуществляет Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края, в состав которого входят территориальные управления труда и социальной защиты населения⁴.

В ведении Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края находятся: территориальные управления социальной защиты населения, стационарные учреждения социального обслуживания, службы медико-социальной экспертизы, муниципальные нестационарные учреждения социального обслуживания, учреждения социального обслуживания семьи и детей, краевые общественные организации.

Так же на территории Ставропольского края функционируют стационарные учреждения социального обслуживания системы социальных служб для граждан, психоневрологические интернаты, в том числе для умственно отсталых детей, в которые принимаются граждане, проживающие на территории Ставропольского края и нуждающиеся по состоянию здоровья в стационарном социальном обслуживании. Так же в эти учреждения для постоянного проживания министерством труда и социальной защиты населения края направляются одинокие пожилые люди и инвалиды, оставшиеся без опеки родственников.

В Ставропольском крае создана широкая сеть нестационарных учреждений социального обслуживания муниципальных образований: дневные и социально-реабилитационные отделения, отделения социального обслуживания на дому, специализированные отделения социально-медицинского обслуживания, отделения срочного социального обслуживания⁵.

аспекты. Учебное пособие для студентов вузов. Пятигорск, 2011. С. 56.

¹ Bondarenko N. G., Mukhortova T. V., Malkova N. V. Social projecting technologies in the conditions of changing society. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 1st International symposium Vienna, 2013. С. 182.

² Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Moral, legal and political aspects of freedom in the context of the principle of determinism. Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Т. 14. № 4. С. 499.

³ Климантова Г. И. Адресная поддержка населения – веление времени. М., 2005. С. 38.

⁴ См.: Регламент работы Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края. Ставрополь, МТСЗН СК, 2001.

⁵ Материалы итоговой коллегии «О работе министерства труда и социальной защиты

В своей деятельности учреждения руководствуются действующим законодательством РФ, Указами Президента РФ, распоряжениями правительства РФ, приказами министерства социальной защиты населения РФ, постановлениями и распоряжениями глав районных администрации Ставропольского края, приказами и распоряжениями Управлений социальной защиты населения районов Ставропольского края и Уставами учреждений¹.

На сегодняшний день наиболее актуальным является создание системы ранней профилактики безнадзорности и беспризорности, проведение комплексной реабилитационной работы с ребенком и его семьей². Важное преимущество в этом плане имеют социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, в структуре которых создаются отделения дневного и стационарного пребывания, психолого-педагогической, социально-правовой помощи, и другие, основной задачей которых является профилактика беспризорности и безнадзорности детей и подростков.

Государство как основной субъект социальной работы осуществляет управляющее воздействие на экономику социальной сферы при помощи финансовой политики³. Финансы в социальной работе — важнейшая составная часть всей финансовой системы государства. Это система предоставления, организации и расходования средств в социальной сфере. Их реализация в социальной сфере осуществляется на основе принципов:

- принцип использования всех финансово-экономических факторов для повышения уровня социальной защиты и формирования социальных фондов;
- принцип социального реагирования предполагает пересмотр социальных нормативов в выделении денежных средств в связи с инфляцией, ростом стоимости жизни, повышением стоимости бюджета прожиточного минимума, изменением уровня занятости трудоспособного населения;
- принцип выборочного подхода при определении размеров социальной помощи в зависимости от региона и местных условий;

населения Ставропольского края в 2005 году и задачах на 2006 год» // Материалы текущего архива Министерства труда и социальной защиты населения СК, Ставрополь, 2005.

¹ Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Степаненко Н. В. Управление в условиях социетального кризиса: социологический анализ. Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2005. С. 92.

² Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Essence and the principles of social protection of the population in modern Russia. В книге: A state and an individual: historical and sociological issues of interaction ed. by K. Vitková. Vienna, 2014. С. 138.

³ Chirkov A. N., Bondarenko N. G. Knowledge and truth as reflection of model of scientific rationality. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 6th International symposium. Vienna, 2015. С. 271.

- принцип самостоятельности местных органов власти в накоплении и использовании средств, в соответствии с законодательством¹.

Ведется учет государственных минимальных стандартов, в пределах которых должны выделяться средства по основным социальным позициям (уровень жизни, наука, культура, образование, медицина, экология)².

Финансирование мероприятий по социальной защите населения в Ставропольском крае осуществляется из различных источников. Это государственный бюджет, в том числе: федеральный бюджет, краевой бюджет, муниципальные бюджеты; государственные внебюджетные фонды, негосударственные источники финансирования (частные и общественные благотворительные фонды и др.).

Внебюджетные фонды представляют собой одно из звеньев системы финансов: с их помощью осуществляется перераспределение национального дохода по инициативе и в интересах органов государственной власти.

Одним из важнейших внебюджетных источников финансирования социальной сферы являются средства международных гуманитарных организаций. В Ставропольском крае налажено тесное сотрудничество с Фондом народонаселения ООН, Датским Советом по беженцам и др. организациями и фондами. Эти организации работают не только с беженцами и вынужденными переселенцами, направляя им продукты питания и одежду, но и оказывают существенную финансовую поддержку Миграционной службе и Министерству труда и социальной защиты населения Ставропольского края в осуществлении важных социальных программ.

Таким образом, возможные перспективные направления совершенствования адресной социальной поддержки населения связаны: во-первых, с корректировкой и обновлением нормативной базы, в основу которой целесообразно положить поэтапное введение гарантированного душевого дохода нуждающимся семьям независимо от их размера и состава; во-вторых, с необходимостью предусматривать увеличение городского социального пособия, в-третьих, с целесообразностью коррелирования размера социальной нормы в процентах к прожиточному минимуму с рейтингом нуждаемости категорий населения для которых устанавливается социальная норма³.

¹ Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Danchenko N. V., Naryzhnaya A. B. Problems of optimization of administrative and managerial resources and social protection of the population in Stavropol krai. В сборнике: The Second International Congress on Social Sciences and Humanities Proceedings of the Congress. Vienna, 2014. С. 348.

² Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Martynenko M. V., Goncharova Yu. V. Problem of functional repertoire of institute of education during dynamic transformation of the russian society. В сборнике: The Third International conference on development of pedagogical science in Eurasia Vienna, 2015. С. 163.

³ Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Лепехина Е. В. Генезис и основные векторы развития социальной теории: философские, социологические и правовые аспекты. Учебное пособие для студентов вузов. Пятигорск, 2011. С. 41–43.

Внедрение новых социальных технологий на местном уровне становится эффективной формой совершенствования социальной политики в России¹. Существующая острая потребность муниципальных образований в совершенных формах управления системой социальной защиты создает благоприятную среду для распространения новых позитивных методов работы. Социальная помощь может быть действенной в условиях рыночных отношений, если она строится на принципах экономической эффективности и взаимовыгодности как для органов власти, так и для получателей помощи².

Список литературы:

1. Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Лепехина Е. В. Социальные детерминанты проблем и дисфункции в сфере администрирования: социально-философские, социологические и правовые аспекты. Учебное пособие для студентов вузов. Пятигорск, 2011. – 131 с.
2. Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Лепехина Е. В. Генезис и основные векторы развития социальной теории: философские, социологические и правовые аспекты. Учебное пособие для студентов вузов. Пятигорск, 2011. – 231 с.
3. Бондаренко Н. Г. Методологические проблемы исторического познания сквозь призму социально-философских взглядов//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 16–19.
4. Васильева И. А., Чирков А. Н., Бондаренко Н. Г., Чиркова Е. А. Роль технологий социального проектирования в современном обществе. В сборнике: The Sixth International Conference on Eurasian scientific development Vienna, 2015. С. 68–73.
5. Данченко Н. В., Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Чиркова Е. А. Основные проблемы социальной политики и социальной защиты населения в Ставропольском крае. В сборнике: The Sixth International Conference on Eurasian scientific development Vienna, 2015. С. 74–79.
6. Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Степаненко Н. В. Управление в условиях социетального кризиса: социологический анализ. Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2005. – 166 с.
7. Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Степаненко Н. В. Управление в условиях социетального кризиса: социологический анализ. Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2005. – 144 с.

¹ Аппакова Е. Г., Bondarenko N. G. Dialectics of traditional and new values in educational process. В сборнике: The Fourth International Congress on Social Sciences and Humanities Vienna, 2015. С. 47.

² Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Glotova N. V., Parfenyuk T. N. Social technologies as way of effective functioning of knowledge. В сборнике: The Second International Congress on Social Sciences and Humanities Proceedings of the Congress. Vienna, 2014. С. 282.

8. Коваленко А. А., Чирков А. Н., Бондаренко Н. Г., Чиркова Е. А. Собственность как институциональная основа формирования социально-экономического статуса, реализуемого в форме автономности субъекта-региона. В книге: *Sustainable economic development of regions Monograph*. Vienna, 2015. С. 57–65.
9. Коваленко А. А., Бондаренко Н. Г. Эволюция социального знания. В сборнике: *Инновационное развитие: ключевые проблемы и решения. Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа, 2015. С. 91–95.
10. Коваленко А. А., Суховеева Н. Д., Бондаренко Н. Г., Чиркова Е. А. Социальная политика и социальная защита населения в Ставропольском крае. В сборнике: *The Sixth International Congress on Social Sciences and Humanities Proceedings of the Congress*. 2015. С. 152–160.
11. Кутеева М. В. Социальная защита населения региона: экономические модели, технологии, инструменты. Дисс... канд. эк. наук. – Майкоп: АГУ, 2001.
12. Климантова Г. И. Адресная поддержка населения – веление времени. М., 2005.
13. Некрасов Е. Е., Бондаренко Н. Г., Лукьянова Н. Г., Чирков А. Н. Адресность социальной защиты населения как принцип региональной политики. Монография/Под редакцией Е. Е. Некрасова; Российский государственный торгово-экономический университет. Воронеж, 2012. – 142 с.
14. Материалы итоговой коллегии «О работе министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края в 2005 году и задачах на 2006 год» // Материалы текущего архива Министерства труда и социальной защиты населения СК, Ставрополь, 2005.
15. Регламент работы Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края. Ставрополь, МТСЗН СК, 2001.
16. Суховеева Н. Д., Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Чиркова Е. А. Социальное планирование и технологизация управления в современном обществе. В сборнике: *The Sixth International Congress on Social Sciences and Humanities Proceedings of the Congress*. 2015. – С. 161–167.
17. Суховеева Н. Д., Бондаренко Н. Г., Михалина З. А. Субъект познания в генезисе философской мысли. В сборнике: *Наука и современность Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа, 2015. С. 173–177.
18. Суховеева Н. Д., Бондаренко Н. Г., Чирков А. Н., Чиркова Е. А. Законы социального развития и технологизация социального управления. В сборнике: *The Seventh International Conference on Eurasian scientific development Proceedings of the Conference*. Vienna, 2015. С. 176–181.

19. Суховеева Н. Д., Бондаренко Н. Г., Чиркова Е. А. Социальные технологии управления обществом. В сборнике: Научные открытия в эпоху глобализации Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа, 2016. С. 213–217.
20. Ускова Н. Е. Система социальной защиты и поддержки населения в условиях реформирования законодательной базы // Труд и страхование, 2006. № 1/2.
21. Appakova E. G., Bondarenko N. G. Dialectics of traditional and new values in educational process. В сборнике: The Fourth International Congress on Social Sciences and Humanities Vienna, 2015. С. 45–50.
22. Bondarenko N. G., Martynenko M. V., Chirkov A. N. Education as social a structuring factor in development of modern Russia. В сборнике: European Conference on Education and Applied Psychology 2nd International scientific conference. 2014. С. 19–24.
23. Bondarenko N. G., Vasilyeva I. A., Zilina L. I., Karamyan D. R. Spirituality phenomenon in dynamics of valuable orientations of the person. В сборнике: The Fourth International conference on development of psychological science in Eurasia Vienna, 2015. С. 18–22.
24. Bondarenko N. G., Martynenko M. V., Bubnova T. N. Education in modern information society. В сборнике: European Conference on Education and Applied Psychology 5th International scientific conference. 2014. С. 168–174.
25. Bondarenko N. G., Kolesnikova K. V., Avanesova I. V. Dynamics of social values in the conditions of institutional reorganization. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 3rd International symposium 2014. С. 278–283.
26. Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Danchenko N. V., Naryzhnaya A. B. Problems of optimization of administrative and managerial resources and social protection of the population in Stavropol krai. В сборнике: The Second International Congress on Social Sciences and Humanities Proceedings of the Congress. Vienna, 2014. С. 347–352.
27. Chirkov A. N., Bondarenko N. G. Knowledge and truth as reflection of model of scientific rationality. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 6th International symposium. Vienna, 2015. С. 268–273.
28. Chirkov A. N., Bondarenko N. G., Martynenko M. V., Goncharova Yu. V. Problem of functional repertoire of institute of education during dynamic transformation of the russian society. В сборнике: The Third International conference on development of pedagogical science in Eurasia Vienna, 2015. С. 161–165.
29. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Essence and the principles of social protection of the population in modern Russia. В книге: A state and an individual:

- historical and sociological issues of interaction ed. by K. Vítková. Vienna, 2014. С. 129–141.
30. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Historical life and the principles of an istoritsizm in development of scientific thought. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 1st International symposium Vienna, 2013. С. 238–242.
31. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Language and values as basic elements of cross-cultural communication in tourism. В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 3rd International symposium 2014. С. 310–314.

*Krivorotova Tatyana Anatolyevna,
the Nizhny Novgorod institute of management of a RANEPА,
associate professor of sociology and psychology
candidate of pedagogical sciences
E-mail: krivorotova2005@rambler.ru*

Ethnosocial component of regional space as vector of development of public processes

*Криворотова Татьяна Анатольевна,
Нижегородский институт управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
доцент кафедры социологии и психологии,
кандидат педагогических наук
E-mail: krivorotova2005@rambler.ru*

Этносоциальная составляющая регионального пространства как вектор развития общественных процессов

Жизнедеятельность социального пространства современного российского региона в последние годы претерпевает серьезные изменения. Появление «новых игроков» в системе социально-экономических отношений, изменение социально-профессиональной структуры общества, четко выраженная роль политических и экономических элит в определении направлений развития общественных процессов оказывают непосредственное влияние на характер функционирования региона как социальной системы. Региональное пространство сегодня представляет собой гиперактивный социальный конструкт, системообразующими эле-

ментами которого выступают качественные новообразования, создающие иное социальное качество среды, изменяя порой до неузнаваемости привычный уклад и устоявшиеся традиции¹.

Одним из таких новообразований является этносоциальная составляющая региона. Традиционно территория Российской Федерации считалась многонациональной и полиэтничной. Однако, усиление изменений количественных и качественных показателей этносоциальной структуры российских регионов указывают на возможные трансформации их этнокультурной детерминанты².

Появление на территории регионов новых этнических групп и диаспор во многом изменяет облик регионального пространства. Обладая отчетливой организованностью, закрепленной в большинстве случаев в социальных и политических институтах, новые этнические сообщества становятся частью социального пространства, создавая образ т. н. «этнического поля»³, которое придаёт определённый акцент социокультурной динамике развития конкретного региона⁴. Оказываясь на новой для себя территории этнические группы и их представители включаются в процесс социального взаимодействия, который определяет дальнейшее качество межэтнических отношений и взаимосвязей. Обращая внимание на особенности погружения в новую социокультурную атмосферу, американский социолог Р. Парк выделял четыре этапа межэтнических отношений⁵, которые мы позволим себе прокомментировать.

1. *Априорный этап* знаменует первичный контакт (touch-ar) с новой средой, начало проникновения в иную систему отношений. Большое значение на данном этапе имеет фактор этнической насыщенности регионального пространства.

¹ Гуманитарные проблемы современности: человек и общество/Ю.В. Жикрвецкая, Н.В. Камалова, Т.А. Криворотова/Под общ. ред. С.С. Чернова. – Книга 18. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013. С. 9.

² Криворотова Т.А. Этническая миграция в облике современного российского региона: проблемы и перспективы социокультурного развития//Социальные инновации и развитие трудовых отношений и занятости в XXI веке/Под общ. ред. З.-Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014, С. 417.

³ Трофимова Г.А. Полиэтнический социум региона как объект социологического анализа (на примере Республики Мордовия). Дисс. ...канд соц.н.: 22.00.04. Самара: СГАУ им. ак. С.П. Королева, 2003.//Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/html>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 19.01.2016).

⁴ Гуманитарные проблемы современности: человек и общество/Ю.В. Жикрвецкая, Н.В. Камалова, Т.А. Криворотова/Под общ. ред. С.С. Чернова. – Книга 18. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013. С. 9.

⁵ Park R. Race and culture. Glencoe, 1950; Налчаджян А.А. Этнопсихология. – СПб: Питер, 2004. С. 74–76.

Преобладание коренного населения территорий моноэтнического региона над переселенцами часто приводит к четко обозначенной границе между «своими» и «чужими», затрудняя тем самым дальнейшую социализацию этнических групп. В процессе первичного контакта формируются авто- и гетеростереотипы об этнических группах и их представителях, проживающих на данной территории.

2. *Конкурентный этап*, общая направленность которого указывает на желание этнических сообществ с одной стороны, обрести, а с другой — сохранить за собой определенный социально-экономический статус в условиях новой среды обитания. Следует заметить, что изначально статус вновь прибывших членов социума оказывается значительно ниже, чем у представителей принимающей стороны, что, на самом деле, заставляет их мобилизоваться и работать с большей отдачей. Крайне любопытен тот факт, что доля социальной активности прямо пропорционально усиливается в последующих поколениях этнических мигрантов.

3. *Этап аккомодации* характеризуется установлением традиционных норм взаимодействия между группами и формированием этностратификационных связей. В данном случае особенности этностратификации характеризует различное социально-экономическое, политическое и культурное развитие этносов, следствием чего выступает индекс их разнонаправленности в системе социальной иерархии. Она представляет собой социальный процесс на основе структурированного и иерархизированного неравенства этнических групп, способах передачи этого неравенства от одного поколения к другому и его социальной оценки индивидом и обществом в целом¹. Формирование стратификационной системы по этническому основанию определяет условия социальной мобильности, где процесс её протекания происходит по двум направлениям: либо ассимиляция, растворение в доминирующей группе, либо переструктурирование социума и его архаизация за счет доминирования цивилизационно отстающей группы².

4. *Этап ассимиляции*, в ходе которого с течением времени происходит синтез культур. Основным механизмом культурной синергетики выступают смешанные браки, в результате которых появляется новый антропологический тип, разрушая привычные домены этнических групп. Однако характер протекания ассимиляции всецело зависит от позиции сопротивления общества по отношению к ассимилирующимся группам.

Рассматривая спектр проявления этносоциальной составляющей в рамках межэтнического взаимодействия следует обратить внимание на их неравномерный,

¹ Ибрашева, А. Р. Социология межэтнических отношений: учебное пособие / А. Р. Ибрашева, Ю. А. Шогина [Текст]. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – С. 58.

² Криворотова Т. А. Этносоциальная стратификация в постиндустриальную эпоху: структурные особенности и векторы трансформации статусных позиций // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. Ред. З.-Х. Саралиевой: в 2-х тт. Т. 1. – Новгород: НИСОЦ, 2013. – С. 126.

противоречивый характер по отношению к общественным процессам. Генезис и сложившийся на основе исторической памяти менталитет, темпераментная доминанта, особенности мышления представителей различных этнических групп, предопределяет скорость их включения в динамику общественного развития региона, что само по себе не может быть равнозначным.

Появление в региональном пространстве новых акторов из числа представителей этнических сообществ формирует границы социального взаимодействия на основе открытой (закрытой) позиции по отношению к общественным процессам. Ориентация на освоение новых территорий как постоянного места пребывания инициирует социально-активные потенции, детерминированные стремлением «закрепиться» в новых условиях. Наоборот, при рассмотрении регионального пространства как возможности временного трудоустройства представители ряда этнических групп открыто демонстрируют социально-пассивное отношение к процессам, происходящим в регионе.

Таким образом, этносоциальная составляющая может быть определена как одни из главных факторов неравновесности регионального пространства. Соединяя и разъединяя одновременно, она влечет за собой столкновение локальных культур¹, которые отражаясь в динамике общественных процессов, участвуют в акте их трансформации, создавая новые смыслы бытия, в центре которых прозревает идея социальной синергетики.

Список литературы:

1. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество/Ю. В. Жикревецкая, Н. В. Камалова, Т. А. Криворотова/Под общ. ред. С. С. Чернова. – Книга 18. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013, 155 с.
2. Ибрашева, Л. Р. Социология межэтнических отношений: учебное пособие/Л. Р. Ибрашева, Ю. А. Шогина [Текст]. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – 138 с.
3. Криворотова Т. А. Этносоциальная динамика в эволюции современных обществ//Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2013. – № 4 (32). – С. 38–44.
4. Криворотова Т. А. Этническая миграция в облике современного российского региона: проблемы и перспективы социокультурного развития//Социальные инновации и развитие трудовых отношений и занятости в XXI веке/Под общ. ред. З.–Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 417–421.
5. Криворотова Т. А. Этносоциальная стратификация в постиндустриальную эпоху: структурные особенности и векторы трансформации статусных пози-

¹ Криворотова Т. А. Этносоциальная динамика в эволюции современных обществ//Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2013. – № 4(32). – С. 43.

- ций//Гуманитарии в XXI веке/Под общ. Ред. З.-Х. Саралиевой: в 2-х тт. Т. 1.– Новгород: НИСОЦ, 2013.– С. 123–127.
6. Налчаджян А. А. Этнопсихология.– СПб: Питер, 2004, 381 с.
 7. Park R. Race and culture. Glencoe, 1950.
 8. Трофимова Г.А. Полиэтнический социум реги– она как объект социологического анализа (на приме– ре Республики Мордовия). Дисс. ... канд соц. н.: 22.00.04. Самара: СГАУ им. ак. С. П. Королева, 2003.//Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/html>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 19.01.2016).

*Mclean Natalia,
The University of Sydney
PhD student, School of IT
E-mail: natalia.ext@gmail.com*

Quantifying community bonding: data modeling of online interactions in a group context

Abstract

Current research discusses the data modeling process and data filtering algorithm or community analysis on social network blogging platforms. We use social network analysis techniques to map and quantify individuals and their interactions in order to predict the resilience of a group as a whole.

Introduction

Every inter-related group of bloggers can be modelled as a separate network in terms of social network analysis and reduced to a set of quantitative descriptors. As a result, problems that previously belonged to the realm of qualitative analysis (such as, *how strong is a group as a whole? Is this group capable of a united action? Is it a democratic group with equal participation of every member or a strongly centralized structure?*) can now be answered quantitatively, using data mining algorithms. This is especially helpful for evaluating a large number of groups or tracking changes in dynamics of the same group over time.

Current research focuses on social network blogging platforms (such as Livejournal), but the proposed algorithms can be easily modified to describe other networks — Twitter, YouTube, Flickr and others.

Research questions

In order to correctly translate a group of users into a network, we have to carefully evaluate the following characteristics of a network:

- Q1. What counts as a link between members in the current context? What counts as an evidence of a friendship (at least, in the meaning of *online* friendships) between two bloggers?
- Q2. What types of group members can represent the network, i.e. what members are and are not eligible to be coded as nodes in the model of a group? Taking into account the fact that some members have been inactive for a long time, is it reasonable to count all members listed in a group's profile, or should we apply filters?
- Q3. What measurement (s) of a network better reflect the bonding of a group as a whole?

Q1. Links

Early researchers had to map existing connections between bloggers with dispersed stand-alone blogs used indirect evidence of connection between two blogs — hyperlinks, mentions, quotes and being in the same blog-ring¹. However, since the current research already deals with a wider context — a SNS-type blogging platform that unites all the blogs and bloggers under the “same roof” — we can use the existing and easily retrievable information about relationships between bloggers (“friending” or “following”).

The cost of friendship is the size of “friends feed” — a list of updates posted by blogger's friends. Adding a person as a friend increases the size of the friends feed. That is why many people prefer to have their friends list hand-picked, and their friend feed clean of the content they are not interested in².

Cases of *reciprocal* friending (when blogger A has added blogger B to the list of their friends, and blogger B also has added blogger A to the list of their friends) are especially important. Reciprocal friending indicates a higher chance that there is a real mutual interest and a certain frequency and depth of interaction between two bloggers. Conversely, one-side friending indicates the only “support provider — support seeker” or “information provider — information consumer” relationships, when one blogger reads a blog of another one to get the information or content he needs, but the second blogger is indifferent to the first one³. That is why cases of reciprocal friending (and only they) will be coded as a link between group members in a social network model of a group.

¹ Anjewierden A., Efimova L. Understanding weblog communities through digital traces: a framework, a tool and an example//On the Move to Meaningful Internet Systems 2006, LNCS 4277, Springer. 2006.

² Gorny E., Schmidt H. Russian LiveJournal The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community//Control+ Shift. 1999. № 125 (108).

³ Constant D., Kiesler S., Sproull L. What's mine is ours, or is it? A study of attitudes about information sharing//Information Systems Research. 1994. № 4 (5).

Q2. Nodes

To transform a list of members into a list of network nodes, we have to analyse wide range of data information associated with every group member, and then apply following **filters**:

1. Remove all inactive members from the list

Some groups in the sample were created a few years ago. New members were joining them for all this time. A careful study of the information about members of various groups revealed the following pattern: the older the group, the more phantom members it has. A phantom member is a member who once was an active blogger and a member of the group, but then abandoned his blog or entire blogging site. If a blogger just stopped using the website, but has not delete his account, technically, he is still listed as a member of the group in the group profile. The information about his membership in a group is still stored in the site database. However, if a person does not use the website for a long time, the information of his ties within a group becomes irrelevant for the current research. Firstly, it happens because the research aims to get a snapshot of inter-member communications pattern at present. Secondly, pre-study shows that most of relationships of a phantom member within a group are with other phantom members. These relationships do not add to understanding of group dynamics in the present moment.

That is why we choose to filter out all group members who has not updated their blogs or showed any signs of on-site activity for a certain period of time (6 months for this study)

2. Remove members who are not people.

On the level of a profile, a member (as a blogger) and a group are technically the same. For an engine of the blog-hosting site, a group is perceived as a blogger with multiple authors. A group, therefore, can perform all the actions which a blogger can — in particular, to follow (or, in other terminology, become a reader of) people or other groups.

If a group is in the list of the members, and is calculated as a member, it can significantly distort the information about the connections of group members. That is why we have to check if the member is a person or a group (by checking and analyzing the member's profile) and remove all groups from the list.

Q3. Measurements

Social Network Analysis offers a wide range of network measurements to satisfy a variety of needs. Roughly, all methods of SNA can be divided into two classes. The first is *ego-centric*, where there is a central individual and his personalised network, and all the measurements are taken in regards to this individual. The second class of methods is *network-centric*: the network is measured as a whole; not a single node is

seen as more important than the other, that is why this class of methods needs no central individual¹.

The ego-centric methods are not relevant to current research because we need to present the groups as decentralised networked publics² and measure them on “top-down” impersonal level. That is why the network-centric methods are more suitable to the task³.

If we need to count how high is the percentage of friendships between members inside a group, the best measurement for the task is the **density of a network**.

Density provides “a ready index of the degree of dyadic connections in a population”⁴. Density of a network indicates how many inter-personal connections exist in a group. The index of density is very easy to measure. To get it, we need to divide the number of observed interpersonal links in the group population to the number of all possible links.

However, the measurement of density has its limitation in regards to the research question — it counts only dyadic connections and tells nothing about whether a group has its core — or a number of cores — represented by a number of people, all or most of whom communicate with each other on a regular basis. With the same indicator of density, a group (a community, a population) can have different degrees of structural cohesion. In addition, the social context of a relationship is important, since it provides the information about the “weight” of this link between two people. Is it an isolated link or is it a part of very densely intertwined network cluster (a big friendly group, or a clique)? In order to evaluate the strength of a connection between two people, “the full range of their connections should [...] be considered”⁵. One of the reasons for that is because friendships are closer and more long-lasting when they are supported by other interpersonal links to both friends, since embeddedness into a large social context (especially a clique) works like a social glue between friends⁶. Besides, researchers⁷ believe that high degree of cohesion between members of a group is a

¹ Hanneman R., Riddle M. Introduction to Social Network Methods/R. Hanneman, M. Riddle, Riverside, CA: University of California, Riverside, 2005.

² Varnelis K. Conclusion: The Rise of Network Culture//Networked Publics.

³ Dawson S. A Study of the Relationship between Student Social Networks and Sense of Community//Educational Technology & Society. 2008. № 3 (11).

⁴ Hanneman R., Riddle M. Introduction to Social Network Methods/R. Hanneman, M. Riddle, Riverside, CA: University of California, Riverside, 2005.

⁵ Jamali M. Different Aspects of Social Network Analysis IEEE, 2006.

⁶ Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness//American journal of sociology. 1985. № 3 (91).

⁷ Owen W.F. Metaphor Analysis of Cohesiveness in Small Discussion Groups.//Small Group Behavior. 1985. № 3 (16).

result of deep feeling of belonging felt by members. This factor is specially important: when dealing with a group with high structural cohesion, we can believe that the observed friendships are more likely to have been formed in a group as a result of this feeling of belonging, and were not brought from “from outside”.

That is why we need another measurement which evaluates ties between more than 2 people and shows how coherent a group is. Therefore, in addition to density, we should use another measurement called **clustering coefficient**. Clustering — also known as transitivity¹ in sociology — is very important for describing the “texture of a population”² of a group. Clustering coefficient measures the degree to which people in a network tend to cluster together, i. e. gather into tightly knit groups with a relatively high density of ties. If a friend of a friend knows a friend of a friend, and so on, it means that those people form a cluster with high density of links³.

Mathematically, a clustering coefficient is counted as “the average fraction of pairs of neighbors of a node that are also neighbors of each other”⁴, therefore, the bigger is the largest cluster (group of friends) in a group, and the more clusters (groups of friends) there are in a group, the bigger is the clustering coefficient. And the larger the clustering coefficient of a group, the more well bound and friendly a group is. Thus, **clustering coefficient** is a perfect quantitative measurement for the purposes measuring interpersonal bonding of a group as a whole, with the **density of a network** providing an extra insight into a group’s geometry.

Conclusion

In conclusion, by coding a group into a network and measuring its density and clustering coefficient, we can receive qualitative information about the strength of a community in the blogosphere. This data can be used for prediction of the group resilience and potential for a united action.

¹ Jin E. Structure of growing social networks//Physical Review E. 2001. № 4 (64).

² Hanneman R., Riddle M. Introduction to Social Network Methods/R. Hanneman, M. Riddle, Riverside, CA: University of California, Riverside, 2005.

³ Wang and Chen, “Complex Networks: Small-World, Scale-Free and Beyond. Wang X.F., Chen G. Complex networks: small-world, scale-free and beyond 2003. № 1 (3).

⁴ Wang X.F., Chen G. Complex networks: small-world, scale-free and beyond 2003. № 1 (3).

*Meizhys Iryna,
P. Mohyla Black Sea State University,
Doctor of Pedagogical Science, Professor
Kalashnikova Liudmyla,
P. Mohyla Black Sea State University,
Ph. D. in sociology, Associate Professor
E-mail: lkucheryavenko@rambler.ru*

Features of the implementation of the European educational standards in the Ukrainian society

*Мейжис Ірина Альбертівна,
Чорноморський державний університет ім. П. Могили,
д.пед. н., професор
Калашнікова Людмила Володимирівна,
Чорноморський державний університет ім. П. Могили, к. с. н., доцент
E-mail: lkucheryavenko@rambler.ru*

Особливості імплементації європейських освітнянських стандартів в українському суспільстві

Європейські стандарти освіти неодноразово в останні роки опинялись в центрі гуманітарної політики й уваги української громадськості, що свідчить про значимість цього питання. Минуло майже 12 років з моменту, коли Україна офіційно задекларувала свої наміри докорінно змінити освітню систему відповідно до європейських освітнянських стандартів, приєднавшись до Болонського процесу. З точки зору часового аспекту змін, сьогодні є можливість, аналізуючи пройдений шлях, говорити про наявні помилки, невикористані ресурси, й визначати нові цілі реформування соціального інституту освіти, особливо у контексті прийняття нового законодавства.

Процес імплементації європейських освітнянських стандартів у вітчизняній системі освіти умовно можна поділити на наступні п'ять етапів:

1) 1985–1990 рр. — *підготовчий етап*, що передбачав формування нової філософії освіти, появу відповідних теоретико-методологічних засад майбутньої освітньої реформи, підготовку громадськості й представників освітнього співтовариства до сприйняття освітніх інновацій.

2) 1990–1995 рр. — *початок запровадження освітніх реформ* (руйнація основ старої концепції системи освіти, побудованої на принципах тоталітаризму і адміністративно-командного управління, й старої освітньої політики; зміна типу і характеру цієї політики, затвердження її нових базових принципів; демократизація

освіти; створення правової бази реформування й оновлення, закріплення теоретико-методологічних основ реформи в Законі України «Про освіту» (1992 р.)¹; розробка й запровадження стратегії, комплексної програми реформування, стабілізації та розвитку освіти). Конкретизуючи ставлення українського соціуму в цілому, й освітянського загалу, зокрема, до запровадження реформ освіти зауважимо, що за часів отримання статусу незалежної країни (1991 р.) існувало дві схеми навчання, яке на той час було 11-річним — перша схема передбачала початок навчання у школі дітей 6-річного віку, а друга — дітей 7 років. Для «вирівнювання» обох схем започаткували «перескакування» через четвертий клас для тих, хто розпочав навчання з 7 років. Більшість сприймала таку «інновацію» без ентузіазму, але і особливих протестів не висловлювала.

3) 1995–2005 рр. — *перехідний етап*, передбачав фіксацію перших результатів, оцінку наслідків реформування, проте через наявну системну кризу у соціально-політичній, економічній сферах, і у тому числі — в освітній, процес реформування було істотно загальмовано. У 1999 р. в українській освіті відбулися серйозні зміни, коли замість п'ятибальної системи оцінювання знань була введена 12-бальна. Однорічно був визначений і 12-річний термін навчання. З того часу саме тривалість навчання викликає найбільш жваві дискусії. Цікаво, що повернутись до 10-тирічки обіцяли у своїх передвиборчих президентських платформах як В. Ющенко, так і В. Янукович, що свідчить не стільки про їх переконання, скільки прагнення догодити більшій частини виборців. При цьому постійне звернення до фахового європейського досвіду не діє, коли йдеться про особисту переконаність людей та їх життєвий досвід. Тому потрібні важливі додаткові аргументи на користь 12-річної освіти. Головною особливістю і найбільш виразною нормою впровадження європейських освітянських стандартів став термін 12-річного навчання, що, перш за все, вирівнює загальноєвропейській стандарт освіти й надає змогу українським випускникам вступати до європейських вузів без додаткового навчання.

4) 2005–2014 рр. — *проектно-експериментальний етап* освітньої реформи (виникнення гімназій, ліцеїв, коледжів, вищих навчальних закладів приватної форми власності, системи післядипломної і додаткової освіти, освітніх організацій з рівневою і профільною диференціацією навчання, авторських й приватних, практикуючих нових моделей, методик, методів, технологій навчання і виховання; внесення змін щодо змісту, організаційних форм, управління, принципів й форм взаємодії у системі педагог-учень, викладач-студент). В 2009 р. у ВНЗ України було запроваджено Європейську кредитно-трансферну систему². Незадоволення

¹ Закон України «Про освіту». – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1060-12>.

² Закон України «Про вищу освіту». – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

науково-педагогічних працівників викликали необґрунтовано завищені вимоги щодо документального оформлення супроводу навчального процесу, наприклад, щодо структури та ведення індивідуального навчального плану студента, необхідності оформлення результатів атестації одночасно за трьома шкалами тощо. Недоцільною вважалась й практика виставлення підсумкових оцінок, особливо із дисциплін, які завершуються іспитом, лише на основі арифметичної суми результатів поточного контролю без проведення екзаменів під час сесії, запланованої графіком навчального процесу. Це не лише призвело до зниження якості підготовки фахівців, але й прямо суперечило рекомендаціям основних документів Європейського простору вищої освіти. У 2010 р. змінено перелік назв напрямів і спеціальностей, за якими здійснюється підготовка фахівців у ВНЗ за освітньо-кваліфікаційними рівнями спеціаліста й магістра (замість задекларованих 38 напрямів підготовки виникло 146 бакалавратів, з плином часу їх кількість стрімко продовжувала зростати), що безпосередньо вплинуло як на процес формування державного замовлення на підготовку фахівців, так на структурні зміни університетів (скорочення кафедр, факультетів). Серед проблем, які спричинила дана інновація, є питання відповідності Міжнародній стандартній класифікації освіти, до якої сформований перелік не має жодного відношення, урахування потреб ринку праці, які не були прийняті до уваги у ході формування переліку назв напрямів і спеціальностей підготовки фахівців у ланах вищої освіти. Тенденції у цьому сенсі задавались, переважно, провідними столичними ВНЗ, тоді як провінційним університетам лишалося вигадувати нові спеціалізації, форми навчання для того аби «заманити» абітурієнта, що знову ж таки сприяло штучному розростанню системи освіти, нівелюванню цінності вищої освіти як такої за умови тотальної доступності, спрощення умов вступу тощо. Запровадження цієї інновації ще більше загострило проблему існування великої кількості неефективних вузів, створення функціональної мережі вищої освіти. На початок 2015–2016 н. р.¹ в Україні функціонувало 288 ВНЗ III–IV рівнів акредитації, з яких 208 державної та комунальної форм власності, 80 — приватної. За такої кількості вузів отримання вищої освіти нерідко зводиться до примітивної черги за дипломами й постає питання про доцільність фінансового утримання такої малоефективної системи вищої освіти. Наприкінці 2011 р. було затверджено Національну рамку кваліфікацій, але й донині реальних заходів запровадження даної інновації як інструменту проектування освітніх програм, визнання іноземних кваліфікацій чи відповідно наших кваліфікацій за кордоном не розроблено. У вересні 2014 р. було утворено Національне агентство із забезпечення якості вищої освіти, яке виконує функції управління

¹ Державний комітет статистики/Статистична інформація/Демографічна та соціальна статистика/Освіта. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>

у сфері вищої освіти, перебравши на себе певні регуляторні та контрольні функції МОНУ, замінивши ВАК і ДАК.

5) 2015–2021 рр. *технологічний етап* активного впровадження реформ. У 2015 р. затверджено положення про порядок реалізації права на академічну мобільність, що передбачає два її різновиди — ступеневу й кредитну. Окрім того, у цьому ж році, було затверджено форми документів про вищу освіту державного зразка та додатків до них, а також додатків до диплома про вищу освіту європейського зразка, форму академічної довідки. Останній проект Закону «Про освіту» був поданий і зареєстрований 19.11.2015 р., і відповідно до планів МОНУ, уже в 2017 р. Україна перейде на 12-річну систему шкільної освіти, яка остаточно може бути закріплена новим законом. Завдяки сучасним Інтернет-ресурсам цей законопроект активно обговорюється освітянською спільнотою і громадськістю, хоча рівень обговорення бажав би бути більш професійним. Іноді складається враження, що учасників обговорення цікавить не змістовна частина закону, а прагнення зберегти свої робочі місця. Частина фахівців переконують, що важливо закріпити застарілі норми контролю за якістю освіти. Інші під словом інноваційність розуміють організаційну і фінансову підтримку педагогів-новаторів з метою «подальшого дифузного поширення» їх досвіду у всеукраїнському масштабі. Треті намагаються урівняти права державних і приватних закладів освіти.

Перехід до 12-річної освіти — це наступний крок у розвитку нашої країни, що обумовлений соціальними змінами, які відбулись у цивілізованих державах по всьому світові. І для цього необхідно сформулювати переконливі аргументи. Головною ознакою змін у більшості розвинених країн кінця ХХ ст. стало завершення доби індустріалізації, яка вимагала великої кількості робочих рук. Поступово наростаюча автоматизація виробництва призвела до звільнення більшої частини робітничого класу. У всіх пострадянських і постсоціалістичних європейських країнах ці процеси співпали у часі з розвалом СРСР і сприймались не стільки як необхідність оновлення виробництва, а скоріше як спричинений антикомуністичними силами розвал промисловості. У роботах Р. Флоріди¹, автора теорії творчого класу, показано як протягом ХХ ст. в США кількість зайнятих в промисловості скоротилось з 42% у роки Другої світової війни до 20% наприкінці ХХ ст., а зайнятість у сільському господарстві з близько 40% на початку ХХ ст. скоротилось до 3% у 2000 р. Одночасно кількісно в рази зростав обслуговуючий клас, а в останні два десятиліття ХХ ст. відбулось величезне збільшення креативного класу. Такі ж зміни у соціально-класовій структурі суспільства поступово наслідують всі розвинуті країни. Це потрібно мати на увазі, розглядаючи соціо-

¹ Florida R. The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent, 2005. HarperBusiness, HarperCollins. (Luovan luokan pako: uusi globaali kilpailu kyvyistä. – Helsinki, Talentum, 2006. – S. 62).

культурні зміни в сучасній Україні. І це перший аргумент на користь імплементації європейських освітянських стандартів. Другим аргументом на користь 12-річної освіти є рівнева структура навчання. Перший рівень — це загальноосвітня школа, в якій всі без виключення здобувають освіту протягом 9 років, отримуючи загальні наукові й культурні знання, необхідні для життя в сучасному суспільстві. Тут присутні абсолютна рівність доступності освіти і можливостей для всіх дітей, які вони реалізують мірою своєї природної обдарованості та здібностей. Результати навчання у 9-річній школі об'єктивно визначають наступний шлях до освіти другого рівня, можливість продовження навчання визначається середнім балом по всіх дисциплінах й оцінкою екзаменаційних робіт. Відбувається чіткий розподіл дітей на дві частини: більша частка (60–70% йдуть навчатись в професійну школу), менша — в академічні ліцеї, які готують їх до вступу у ВНЗ. Вступ до середніх професійних шкіл також повинен передбачати вступні іспити. Скоріш за все, проблеми можуть очікувати випускників академічних ліцеїв. З одного боку, вони більш свідомо можуть обирати для себе спеціальність і майбутню професію в силу своїх вікових і інтелектуальних можливостей. З іншого — без матеріальної підтримки батьків або родичів вони не зможуть здобути вищу освіту. Тому у більшості західноєвропейських країн передбачена можливість отримання академічної довгострокової безпроцентної державної позики, яка починає гаситись тільки після закінчення університету. Зрозуміло, що в Україні значне зменшення числа випускників академічних ліцеїв здатне істотно вплинути на скорочення діяльності численних приватних ВНЗ. Нарешті третім аргументом на користь реформи слід вважати наступне: вищу освіту будуть отримувати тільки ті, хто здатні опанувати програму вищої школи за рахунок особистої працездатності й інтелектуальних здібностей, а не ті, хто прагнуть виконати бажання батьків або втілити свої нереальні амбіції. Це дає суспільству такі переваги — підвищення рівня інтелектуального потенціалу країни; значне зростання рівня професіоналізму працівників за рахунок спеціального якісного навчання; істотне скорочення витрат на навчання тих, хто не здатен опанувати програму ВНЗ. Більше того, необхідно підкреслити, що доступ до вищої освіти не вирішується навчанням в академічному ліцеї. Ті, хто закінчують з високим рівнем успішності професійний ліцей також можуть продовжувати освіту за спеціальністю у відповідному ВНЗ.

Введення європейських освітянських стандартів стане важливим внеском в соціокультурний розвиток українського суспільства, особливо трирічна академічна і професіональна освіта. Зважаючи на те, що саме академічна освіта може бути значно поглиблена й розширена за рахунок тих, хто має інтелектуальні можливості для опанування більш складної програми навчання, виникають додаткові можливості розвитку суспільства. Натомість професійна освіта може значно підвищити свою якість за рахунок відбору учнів, здатних до тієї чи іншої професії.

Вирішення цих питань вимагає проведення додаткових соціально-психологічних досліджень для більш надійного професійного відбору. Окрім того, успіх нового етапу освітянської реформи залежить від проведення спеціально організованого соціологічного моніторингу задля виявлення вузьких за змістом питань щодо проблем імплементації, а також широкого обговорення результатів подібного роду досліджень, основних положень, детермінант нової редакції Закону «Про освіту» професійальною спільнотою та громадськістю.

*Sarakaeva Asia,
PhD in History,
E-mail: asia-lin@mail.ru*

*Lebedeva Irena,
PhD in Sociology,
E-mail: irenalebedeva@mail.ru*

*Bicharova Maria,
PhD in Philology,
Caspian Institute of Sea and River Transport
E-mail: valkirija@inbox.ru*

Socio-political stratification of ruling elite and mechanism of decision-making in the medieval heroic epic «The Nibelungenlied»

The medieval German poem “The Nibelungenlied” created around 1200 is a unique phenomenon in the world culture, a work that combines together ancient legends and individual author’s plan, the facts of early medieval history and everyday realities of the High Middle Ages.

Except for the expatriate Dietrich forced by circumstances to accept Etzel’s protection and to become his vassal, all the other kings are formally equal. But closer examination proves this equality to be fictitious for it contradicts gender and family roles of traditional societies. Siegmund of Netherlands after he abdicated in favour of his son ceases to show political activity and makes only those decisions which concern him personally; he again assumes functions of control and management only after his son’s death. I. e., while Siegfried was alive, Siegmund, though he held the royal title and honours interfaced to it, was, in fact, no more than the aged father of the ruling sovereign. The similar generational difference is observed between the Burgundian brothers: only the eldest brother, Gunther, throughout the poem acts as the ruling monarch: he makes decisions concerning declaration of war and terms of peace, hold-

ing tournaments and dynastic marriages, sending ambassadors and the organization of top-level visits. Most essentially, Gunter constantly and persistently asks his vassals and relatives for council whereas Gernot and Gizelher — along with the vassals — only express their opinion in response to his questions. In general, council and a request for council are the major political mechanisms and the indicator of a person's public status in "Das Nibelungenlied".

The kings who aren't connected with each other by the family hierarchical relations seem equal to each other. However, between them there are also some distinctions. These distinctions are based not on the congenital statuses, such as gender or age, but on the difference of real political power. Therefore these differences are less obvious, and are declared at the level of the diplomatic protocol at personal meetings. As an illustration, we will compare position of the Burgundian kings and Etzel. Up to the final conflict when Huns exterminate the Burgundian team, and the Burgundians kill Etzel's son in retaliation, the relations between the kings seem to be most warm and friendly. Burgundians ask the Hun envoys about the health of king Etzel and his spouse, call God's benediction on him and praise his wealth and power. Etzel, in turn, is even more lavish with expressions of love to his brothers-in-law, claiming that they "are more loved and dearer to him, than blood relatives". But if only one distracts from words and pays close attention to the acts of the characters the picture of warm consent and equal relations gets scattered.

The first contact of Huns with kings of Burgandy happens during the wooing of Kriemhild, and is carried out by margrave Rüdiger, the person of the most noble origin and the highest personal reputation. Courtship ended successfully, the marriage was celebrated, and in some years Etzel sends to Burgundy one more embassy with the invitation to a feast. However, strangely enough, this time the level of embassy is much lower: these are mere musicians. But even these low-status messengers attempt to refuse gifts given to them by the Burgundian kings. It is known that the rules of a gift exchange of medieval West European societies obligated those of higher social status to give gifts to the subordinates and guests without receiving reciprocal gifts, and only the equals were obliged either to give something back, or to reject the gift. Thus, refusing the gifts, Hun envoys declare their own equality with the Burgundian kings which was possible only if the Burgundian kings were the vassals of their lord.

When the guests arrive in Gran, they are met at the palace doors by Kriemhild only, the King of Huns himself doesn't bother to welcome his in-laws at the gates. They are seen to the hall by vassals, not the members of the royal family. In the further course of visit several small, but sensitive pricks are aimed to derogate the Burgundians' dignity. Assuming that someone has offended his guests, Etzel doesn't try to inquire into the situation, but tries to make the Burgundians ask for his protection and compensation of damage. Thus, his hospitality isn't unconditional, it is conditioned by the

readiness of the guests to look for his protection. The proud Burgundians refuse and thus continue their glide to catastrophe. Later Etzel would ask the brothers to adopt his son and heir prince Ortlieb. But the West European traditions of fosterage assumed that a son of a sovereign is given for adoption to a vassal, and only in rare instances to an equal¹. No wonder this request is met with an impudent answer by Hagen — the main defender of honour of the Burgundian royal house.

Can we assume then, that status rivalry with a more powerful enemy became the cause of the fall of Burgundy? Sure not, such explanation would contradict the author's concept. The fall of Burgundy was predetermined by violation of honour, revenge and violence which got out of hand. Nevertheless, the conflict of power, the imposing of vassalage by one party and attempts of the other party to defend their independence provided secondary motivation of this bloody drama.

To conclude our review of status distinctions between royal houses we will analyse a complex dynamics of relations between Siegfried and brothers kings. At first Siegfried seems the favourite in this competition: relying on his incomparable physical force and magic invulnerability, he throws down to the Burgundians an unprovoked aggressive challenge, and they are lost, torn between emotional desire to teach the impudent fellow a good lesson and rational awareness of their own weakness. At last, having pacified Siegfried with softness and kind manners, they gradually start changing rules of the game.

Using Siegfried's love for the Burgundian princess, manipulative and predictive abilities of Hagen and Gunter's habit to political manoeuvring, the Burgundians start exploiting the guest. Thus Siegfried gradually agrees — or even voluntary assumes — less and less honourable, more and more humiliating duties. At first we see him as the commander of the Burgundian army in war against Saxons and Danes, he advises Gunther on war and peace and on how to get the hand of Icelandic queen, i. e. he acts as a friend or a high-rank vassal, then, step by step, his status reduces to a servant leading king's horse by the bridle or a messenger getting reward for good news. This is a curious situation: both the Burgundian and Netherlands kings know that there are no institutionalised sovereign-vassal relations between them, but any outside observer would have to presume these relations do take place judging by their interactions.

As we can see, the inequality between the kings really exists and is deliberately supported. Some of them like Dietrich von Bern and "two dozens princes and kings" legally are vassals, others submit to more successful monarchs. In other words, there is an active race for power between the ruling dynasties, the tools of which are either the earlier accumulated military-political power (Etzel), political manoeuvring (Gunter with the leading support of Hagen) or physical force and the armed blackmail (Siegfried).

¹ Jochens J. (2006) Fosterage. Women and Gender in Medieval Europe. An Encyclopedia. – NY: Routledge, 2006. P. 296–297.

No less noticeable are distinctions between vassals. The nobility can be titled and untitled. There are vassals having political influence, and those who lack such influence. At some royal courts these categories coincide, so aristocratic birth with the wealth interfaced to it are directly converted in political powers, at other courts these things are not interconnected at all. All people enjoying military or political weight in Etsel's state either belong to his direct family, like his wives Helha and Kriemhild and his brother Bloedel, or to the highest aristocracy like king Dietrich and margrave Rüdiger. There are no social outsiders here, vertical social mobility, if any, directs only downwards.

In contrast to Etsel's aristocratic court, in Worms titles mean nothing. There are only two Margraves — Gary and Eckewart, and both fulfill but representative functions of little political significance. Mostly, they escort queens and princesses as guards of honor. While the main political and military actors are the people of Hagen's clan. At the same time Hagen's social status is marked by some uncertainty and liminality. However, the almost unlimited power which Hagen enjoys in Burgundy, does not originate from being a royal relative, but solely from his personal abilities, determination and composure. He is the man to know the correct answer to any question, to initiate political actions, to organize and head the military. His allies and subordinates — his brother Dankwart, nephew Ortwin and close friend Volker make Burgundian kings' close circle and reference group.

Thus, in Hungary and Burgundy we see two courts, two political organisms stratified according to two different criteria. While in the Huns' state a vassal's proximity to the king and participation in the political process come due to his wealth and his aristocratic lineage, in Burgundy practical management is more meritocratic in nature, and able outsiders or bastards of noble families have all the chances to make a prominent political career. Now let's see how this difference affects the political decision-making.

A reader who pays attention to the political aspect of the "Nibelungenlied" cannot fail to notice the strange helplessness of all depicted kings. The habit of the Nibelungenlied kings to regularly consult their vassals and relatives speaks not so much of weak will as of political realism. This habit is a part of the core mechanism of political decision-making, or better to say, it constitutes the basis of this mechanism. A sensible ruler in the Nibelungenlied does not wish to be left alone with the problematic situation, he prefers to rely on a broad supportive network provided by his kin and vassals. Constant requests for advice and willingness to listen to the opinions of others, in this perspective, are demonstrative not so much of indecision, as of the administrative competence of a king.

The request for advice and the initiative in debate are prerogatives of the monarch. Indeed, not once in the text of the poem does a vassal ask for advice. On the other hand, the person who gives advice is always either a vassal or formal equality not-

withstanding is in fact subordinated to another ruler. Thus Gernot and Gizelher give advice to Gunther, but ask advice of no one. And during Siegfried's first contact with the Burgundians, when the advantage of power was still on the side of the Netherlands hero, Gunther advises him to pursue his goals through peaceful means, without resorting to threats. But later the balance of power between the Burgundians and their guest starts to change, and from this point on all requests for advice come exclusively from Gunther, all advice — from Siegfried.

Nor is it surprising that it is Burgundy where counsels most often take place. This court, as we recall, is manned primarily by talented ministeriales — i. e. by the people able to think out of the box and give expert advice. Therefore Burgundian *modus operandi* is highly politicized: the king vigorously promotes political consensus among his subjects, the subjects are actively involved in decision-making, and all of them prove capable of solving almost any problem with minimal risks and losses.

However, as some researchers rightly observe¹ at the end of the epic we are witnessing the collapse of political order in Burgundy. Consensus between the kings and their chief adviser Hagen is lost, and the previously described decision-making mechanism begins to falter. Gunther still consults with Hagen, but rejects his wise counsel and subscribes to the ungrounded views of Gernot and Gizelher instead. Hagen in turn takes a number of unauthorized steps notifying the king only post factum. For example he takes away the rest of Kriemhild's treasure, he kills a Bavarian waterman which causes an armed clash with the Bavarians, he taunts Kriemhild and the Huns to provoke their early attack.

The chaotic forces of violence and betrayal, shameful secrets, emotional traumas, and revenge burst into the well-established work of the political machine of Burgundy and break it because it is unable to provide a rational response to the affective challenges. Not until the last battle when civilization has finally given way to barbarity, and only the most basic heroic values of honor and courage have survived, the Burgundian kings and their vassals start aspiring to the same thing again, but the thing they aspire is not a political solution, but a dignified death.

Having analyzed the text of "Das Nibelungenlied" we were able to classify the monarchs depicted in it according to their actual political might which originates either from the previously accumulated military and economic resources or from the monarch's personal potencies. Likewise, we have singled out the different social substrata within the knighthood of the epic. We also suggest that the poem describes two political organisms stratified according to two different criteria. While in the Huns' state a vassal's proximity to the king and participation in the political process come

¹ Mowatt D. G. (1961) Studies towards an Interpretation of the Nibelungenlied. German Life and Letters, 14 (4), 257–270; Samples S. (2006) The German Heroic Narratives. German Literature of the High Middle Ages. Camden House, 161–184.

due to his wealth and his aristocratic lineage, in Burgundy practical management is more meritocratic in nature, and able outsiders or bastards of noble families have all the chances to make a prominent political career. Finally, we have discovered and described the political decision-making process in “Das Nibelungenlied” — the one centered round the king’s request for advice. This mechanism allows the subjects have their say in the decision-making and lends stability to a weak government of a feudal state.

Section 7.

Philology and linguistics

*Israilova Nigora Hudaberdiyevna,
Andijaner Staatliche Universität
Lektorin des Lehstuhls für Deutsche Sprache und Literatur
E-mail: israilova.n@gmail.com*

Der Einfluss des Englischen und Amerikanischen auf die deutsche Sprache

Der Wortschatz des Deutschen besteht zum großen Teil aus den so genannten **Erbwörtern**, das sind Wörter, die aus dem Althochdeutschen und Mittelhochdeutschen stammen. Sie wurden Bestandteile des Neuhochdeutschen¹.

Ein großer Teil bilden auch **Lehnwörter**, die ursprünglich aus einer anderen Sprache übernommen wurden aber vollständig in den deutschen Wortschatz übergegangen sind, z. B. engl. *cakes* — dt. *Keks*

Die Wörter, die nicht vollständig der deutschen Sprache angepasst wurden, nennt man **Fremdwörter**. Wir empfinden ein Wort als „fremd“, wenn:

- es eine vom Deutschen abweichende Aussprache hat (z. B. *cool*, *Trainer*, *Skateboard*)
- die Schreibweise schwierig ist (z. B. *Gryffindor* bei Harry Potter)
- es „fremde“ Bestandteile (Vor- oder Nachsilben) enthält (z. B. *extensiv*, *Repression*, *inkonsequent*)
- der Wortakzent nicht auf der ersten Stelle oder der Stammsilbe liegt — wie bei deutschen Wörtern (z. B. *Elan*, *proportional*)
- uns die Bedeutung nicht ohne weiteres geläufig ist (z. B. *Storno*, *Katalysator*)

Fremdwörter gehen aufgrund von Sprachkontakten und kulturellen und wirtschaftlichen Verbindungen in eine andere Sprache ein. Der Fremdwortschatz einer Sprache wird auch von außersprachlichen Entwicklungen (besonders in den Bereichen Technik, Wissenschaft, Politik und Freizeit) geprägt. Viele Fremdwörter werden mit dem Begriff oder der Sache, die sie bezeichnen, aufgenommen. Es erscheint z. B.

¹ Stedje, A. Deutsche Sprache gestern und heute: Einführung in Sprachgeschichte und Sprachkunde. 4. Auflage. München: Wilhelm Fink Verlag, 1999. 223 S.

bei Begriffen aus dem kulinarischen Bereich: *Hamburger, Cheeseburger, Fondue, Fast Food, Drive-in-Restaurant*.

Oft gibt es in der Sprache eine Bezeichnungslücke im Wortschatz, die Platz für einen neuen Begriff bietet. Viele fremde Sprachanleihen verschwinden wieder, aber viele werden dauerhaft in die deutsche Sprache integriert. Deshalb unterscheidet man zwischen **langlebigen** (sie sind seit langer Zeit im Deutschen) und **kurzlebigen** (so genannte Modewörter, die aus der Presse, der Politik, Fachsprachen und Jugendsprache stammen) Fremdwörtern.

Das Englische steht an der Spitze der international gebrauchten Sprachen, deshalb stammen viele verwendete Fremdwörter in der deutschen Sprache aus dem Englischen bzw. Amerikanischen. Man nennt diese englischen Fremdwörter **Anglizismen**. International verbreitete Fremdwörter nennt man **Internationalismen**, solche Wörter sind z. B. *Aids, Computer, Pizza* usw.

Viele Neuerungen, z. B. aus den Bereichen Technik und neue Medien, übernehmen wir mit dem entsprechenden Namen direkt aus dem Englischen (z. B. Wörter *Computer, E-Commerce, Internet, Soapopera* usw.). Das Wort *Handy* stammt nicht aus dem Englischen, denn dort nennt man das *Handy* „mobile phone“ oder umgangssprachlich verkürzt „mobile“. Aber es wurde mit einem anglierten Namen ins Deutsche eingeführt. Das zeigt, dass sich der moderne Zeitgeist, der stark von englischen und amerikanischen Einflüssen geprägt ist, im Wortschatz niederschlägt.

Die Fremdwörter machen heute einen gehörigen Teil des deutschen Wortschatzes aus. Es sind vor allem lateinische und englische Ausdrücke. Der Anteil der Fremdwörter ist etwa 25%, wobei viele dieser Wörter, besonders aus dem Griechischen und Lateinischen, nicht mehr als „fremd“ aufgefasst werden. Es gibt ungefähr 10% wirklich „fremd“ Wörter im Deutschen. Die Substantive stehen an der Spitze, dann folgen die Adjektive und Verben.

Fremde Wörter gelangen aufgrund des Kontaktes zwischen mehreren Sprachgemeinschaften in eine andere Sprache oder aufgrund kultureller, wirtschaftlicher oder politischer Beziehungen (Handelsbeziehungen zwischen unterschiedlichen Sprachgemeinschaften bzw. Völkern). Das Verbreitungsgebiet einer Sprache ist kein abgeschlossener Raum, sondern es steht in Verbindung mit den angrenzenden anderen Sprachgruppen. Deutsch besitzt eine Reihe Wörter von Nachbarsprachen.

Noch zu Beginn des 20. Jahrhunderts gab es Bestrebungen zur „Reinigung“ der deutschen Sprache von fremden Wörtern. Erst in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts benutzt man die Fremdwörter in der Presse, in den Medien und in der Politik, um den Sachverhalt besser zu äußern und das Interesse der Öffentlichkeit leichter zu gewinnen¹. Teilweise stehen Fremdwörter und die deutschen Entsprechungen neben-

¹ Gesellschaft für deutsche Sprache. Wörter, die Geschichte machten: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 224

einander, aber nicht immer sind sie austauschbar. Häufig sind es kleine Bedeutungsnuancen, die die Verwendung des Begriffes bedingen. Manche Zusammenhänge können mit einem fremden Begriff genauer ausgedrückt werden. Die Wörter wie z. B. *Integration/integrieren* werden nicht durch die deutschen Begriffe *Einbeziehung/einbeziehen* ersetzt.

Der anglo-amerikanische Einfluss ist merkbar seit dem Zweiten Weltkrieg und zeigt sich besonders im Wortschatz, Redewendungen und in der Valenz mancher Verben.

Schon im 18. Jh. waren mehrere englische Wörter und Wortbildungen ins Deutsche gekommen, vor allem durch die Übersetzungen englischer Literatur (*Humor, Blankvers, Pudding*) und durch das Einwirken englischer Politik (*Opposition, Parlament*) und Wirtschaft (*Budget, Banknote*).

Im 19. Jh. nahm dieser Einfluss zu. Die Gründe dafür sind die politische Vormachtstellung der Vereinigten Staaten nach dem 2. Weltkrieg, Internationalisierung auf wirtschaftlichem, kulturellem und wissenschaftlichem Gebiet, Übersetzungen von Fachtexten aus dem Englischen und Mitteilungen der Nachrichtenagenturen, der Englischunterricht in den Schulen usw. Wichtig sind auch die Massenmedien, die Werbung (*After Shave Lotion, Cleanser, filter tipped*) und die Fachsprachen.

Englische Wörter erscheinen auch im Bereich der Musik (*breakdance*), auf dem Gebiet der Mode und des Gesellschaftslebens (*Leggins, Piercing, Smoking, Klub, toasts, Roastbeef*), der Politik und der Wissenschaft (*Streik, Lokomotive, Partner*). Im 19. Jh. entwickelte sich auch die neue Fachsprache des Sports (*Sport, Match, Trainer, Hockey, Green, Advantage*). Einige englische Eindrücke wurden eingedeutscht (*Fußball — football, Strafstoß — penalty kick*).

Die technologische Progression bringt immer neue Wörter mit. In der Geschäftswelt hängt Anglisierung mit dem Zwang zur Globalisierung zusammen.

Die Anglizismen markieren besonders stark modische, technische, oder gesellschaftliche Trends (z. B. *Internet, Jobsharing, surfen, Last-Minute-Reise* usw.). Diese Wörter kommen häufig nach kürzerer Zeit außer Betracht.

Die Anglizismen und Amerikanismen spielen eine wichtige Rolle in der Jugendsprache. Die Jugendlichen wollen ihren Idolen, die oft aus den USA kommen, nachzueifern. Die Wörter wie z. B. *cool, flirten, Show, People, City, Lollipop, Hit, Disko, das popt* (das ist hervorragend) und viele andere benutzt die junge Generation täglich. Die Adjektiva aus dem Englischen sind manchmal umgedeutet: *clever, easy, happy, heavy, high*. In der Sprache der Jugendlichen ist die Fremdwortfrequenz höher, die Angloamerikanismen erscheinen hier als Modewörter.

Sind Wortpaare in zwei verschiedenen Sprachen. Sie sind orthografisch oder phonetisch ähnlich, aber haben unterschiedliche Bedeutungen. Ein bekanntes Beispiel ist das englische Wort *become*, das nicht bekommen wie im Deutschen bedeutet, sondern „werden“.

Falsche Freunde können auch zur Bedeutungsverschiebung von Wörtern führen. Z. B. das englische Wort Website erscheint im Deutschen nicht mit seiner Übersetzung (Netz-Ort), sondern mit seiner Falscher-Freund-Übersetzung als Webseite. Das englische site ähnelt sich phonetisch der deutschen Seite.

Weitere Beispiele:

- actual (tatsächlich) x aktuell (gegenwärtig vorhanden, wichtig)
- to control (steuern) x kontrollieren (überprüfen)
- to fasten (festmachen) x fasten (weniger essen)
- invalid (ungültig) x invalide (körperlich geschädigt)
- lecture (Vortrag) x Lektüre (Lesestoff)
- pregnant (schwanger) x prägnant (treffend)
- eagle (Adler) x Igel (Tier mit Stacheln)

Die Anglizismen scheinen anziehender und einfacher zu sein, deshalb setzen sie die deutschen Begriffe ein. Diese Tatsache bedeutet die Benachteiligung für die ältere deutsche Generation, die oft Englisch nicht sprechen kann. Wenn diese Leute die englische Sprache nicht können, merken sie sich schwer die englischen Ausdrücke.

An der anderen Seite gibt es ein paar deutsche Wörter, die in anderen Sprachen gebraucht werden. Aber im Vergleich mit englischen Wörtern im Deutschen ist es nur eine geringe Anzahl. Das Deutsche wird heute vom Englischen sehr beeinflusst und es hat nicht mehr so große Prestige wie früher. Trotzdem glaube ich, dass die deutsche Sprache immer ihre Originalität hat und eine der wichtigsten Sprachen der Welt ist.

Referenz:

1. Stedje, A. Deutsche Sprache gestern und heute: Einführung in Sprachgeschichte und Sprachkunde. 4. Auflage. München: Wilhelm Fink Verlag, 1999. 223 S. ISBN 3-8252-1499-0.
2. Wahrig-Burfeind, R. Wahrig Fremdwörterlexikon. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 455 S. ISBN 3-577-10054-0.
3. Gesellschaft für deutsche Sprache. Wörter, die Geschichte machten: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 224 S. ISBN 3-577-10459-7.

*Karasova Diana Alikivna,
Lugansk Taras Shevchenko National University
2-year student of the Faculty of Foreign Languages
E-mail: karasova93@mail.ua*

*Okunkova Lilia Oleksiivna,
Lugansk Taras Shevchenko National University,
Lecturer, Department of English Philology*

*Otroshchenko Valeriia Kostiantynivna,
Lugansk Taras Shevchenko National University
2-year student of the Faculty of Foreign Languages*

*Protopopova Kateryna Oleksandrivna,
Lugansk Taras Shevchenko National University
2-year student of the Faculty of Foreign Languages*

*Okunkova Yelyzaveta Oleksandrivna,
Pomeranian University (Slupsk, Poland)
2-year student of Geography faculty*

Ways of translating of onomastic xenonyms through cultural aspect

Language is a developing system and it reflexes the current tendencies of the particular society. Modern language has a great problem with the aspect in what way the new words are born, and especially with giving new names to geographical places. Every language suffers from lacking native equivalents for translation. That is why the simplest way is to use xenonyms.

Xenonyme is a name for a people or a language or a city etc. which is not used by the natives themselves. German, for example, is a xenonyme for people who call themselves Deutsche, Germans is a xenonyme for Deutsche, Cologne is a xenonyme for Köln, Austria for Österreich etc¹.

Zhyd (in the late Proto-Slavic * žid) — a Jew, a miser, skinflint]. Adapted (through Balkan Romance languages) from Italy. giudeo, where from the Latin. judaeus — «Jew»². This name itself is unpardonable in attitude to the nation as a whole. When other people use this xenonyme it reflects their negative relation to Jews and has cultural poor effect of speakers. The same explanation can be found in using the term Hohol.

¹ Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие/В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 76–121 с.

² Смысл слова «жид» однозначно разъяснил и запечатлел В. И. Даль Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Жид>

Hohol is etnofolizm, derogatory or offensive, sometimes playful nickname of Ukrainians. Actually this xenonym is used in vital languages by neighboring countries only, showing their low background.

Xenonyms are not considered in traditional linguistics as an independent segment of the vocabulary, assigned them a modest function of establishing a national (local) color and perceived linguists (for the most part of lexicographers) as something marginal, not included in the scope of the study of a specific language¹.

The aim of the article is to highlight some aspect of understanding the meaning of the words or phrases, which contain the morphemes not traditionally translated because of the cultural influence. Every country or even every local habitation makes more or less effect on the connotation sense of the lexical unit.

There are various methods of transmission of cultural and language shadow marked in the translation of the text, which receive different names, some of them are identical, others are renamed during retaining the essence of the operation, others are found only in certain classifications.

To investigate the problems that occur with translation of names is the field of onomastics. Onomastics is the study of proper names, especially the names of people (anthroponyms and places toponyms).

Onomastics or onomatology is the study of the origin, history, and use of proper names. Onomastics originates from the Greek νομαστικός (onomastikós), which translates to “of or belonging to naming”, from νομα (ónoma) meaning “name⁵” Toponymy or toponomastics, the study of place names, is one of the principal branches of onomastics². Anthroponomastics is the study of personal names. Onomastics can be helpful in data mining, with applications such as named-entity recognition, or recognition of the origin of names.

There are many ways of translation of onomastics names in the languages and in vital communication, which helps to understand the thinking of the speaker or writing origins.

Different types of translations of xenonyms can be singled out depending on the predominant communicative function of the source text or the form of speech involved in the translation process. Thus we can distinguish between literary and informative translation, on the one hand, and between written and oral translation (or interpretation), on the other hand³.

Many scientists linguists have devoted their work while working on this theme.

¹ Кабакчи, В.В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англоанглийский словарь русской культурной терминологии/В.В. Кабакчи – Спб.: Издательство «Союз», 2002. 576 с.

² Onomastics or onomatology/Режим доступа: <https://en.wiki2.org/wiki/Onomastics>

³ Навчальний посібник з курсу “Теорія та практика перекладу” “The World of Independending and Translating”. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008.

The first attempt to solve this problem has taken W. von Humboldt in his work «On the difference between the structure of human language and its influence on the spiritual development of mankind» (1830–1835).

Based on the teachings of W. Humboldt about the internal form of language Leo Weisgerber he built his theory of linguistic world (Weltbild der Sprache).

Also J. Mill, A. Gardiner, O. Jespersen, E. Kurilovich, P. Florensky, Y. Stepanova, A. Chernobrov and many others were working on this issue¹.

Some ways of translation of xenonyms can have quite specific peculiarities: they can modify the translational process, attach importance to achievement of equivalency on the highest level or vice versa they can allow deviation from maximum possible level of the meaning generality.

In most cases to reflect the origin meaning of the phrase or the word is better to use word-for-word translation.

Word-for-word translation consecutive verbal translation is used at the level of word-combinations and sentences, which have the same structure, word order, and the same lexical meanings of the constituents in the SL and the TL².

- The Kyivan Mohyla College — (Киево-Могилянська академія);
- Luhansk Taras Shevchenko National University — (Луганський національний університет імені Тараса Шевченка);
- Town Old Orchard — (місто Старий Фруктовый Сад);
- State New Orleans — (штат Новий Орлеан).

When there is a deep gap between the meaning and creating a new equivalent the best way is to use calquing.

In linguistics, a calque (/kælk/) or loan translation is a word or phrase borrowed from another language by literal, word-for-word or root-for-root translation.

Used as a verb, to calque means to borrow a word or phrase from another language while translating its components so as to create a new lexeme in the target language.

Calque is a loanword from a French noun, and derives from the verb calquer (to trace, to copy). The word “watershed” is a calque of the German “Wasserscheide”³.

The history knows many examples of expending xenonyms though cultural aspects which becomes so popular during many generations all over the world.

According to what is perhaps the most current theory of the origin of *Yankee*, it comes from Dutch *Janke* or *Janneke*, which are variants of *Jantje*, “Johnnie,” the diminutive of *Jan*, the Dutch equivalent of the English name *John*. In this theory, *Janke*

¹ Гумбольдт В. фон. «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» Избранные труды по языкознанию. – М.; 1989.

² Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие/В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 76–121 с.

³ Calque English Edition Режим доступа: <http://www.tititudorancea.org/z/calque.htm>

or *Janneke* would have originally been used in English as a nickname for Dutch settlers living along the Hudson River and then later extended to New Englanders. This theory finds some support in the application of the term *Yanky*, perhaps as a nickname, to a certain Dutch pirate active in the Caribbean in the 1680s¹.

Proving that a word is a calque sometimes requires more documentation than does an untranslated loanword because, in some cases, a similar phrase might have arisen in both languages independently. This is less likely to be the case when the grammar of the proposed calque is quite different from that of the borrowing language or when the calque contains less obvious imagery.

Using root-to-root, suffix-to-suffix, prefix-to-prefix translation is not enough for transferring the meaning without knowing and fleeing the values of the nation and its cultural traditions.

By means of calque is also limited in reproduction the natural importance of the utterance without awareness of ethnic features. To understand the sense of xenonymy is better to know the history of the nation and its cultural phenomena.

References:

1. Навчальний посібник з курсу "Теорія та практика перекладу" "The World of Independent and Translating". – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008.
2. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Гумбольдт В. фон. "О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества" Избранные труды по языкознанию. – М.; 1989.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. The American Heritage Dictionary/J. P. Pickett et al.. Boston: Houghton Mifflin, 2000. – 960 p.
6. Кабакчи, В. В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англоанглийский словарь русской культурной терминологии/В. В. Кабакчи -Спб.: Издательство «Союз», 2002. 576 с.
7. Влахов, С. Непереваемое в переводе/С. И. Влахов, С. П. Флорин/под ред. Вл. Россельса. М.: Межд. отн., 1980. – 340 с.
8. Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие /В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 76–121 с.
9. Смысл слова «жид» однозначно разъяснил и запечатлел В. И. Даль Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Жид>

¹ Webster's New World College Dictionary Copyright 2010 by Wiley Publishing, Inc., Cleveland, Ohio. Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com/yankee>

10. Webster's New World College Dictionary Copyright 2010 by Wiley Publishing, Inc., Cleveland, Ohio. Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com/yankee>
11. Onomastics or onomatology Режим доступа: <https://en.wiki2.org/wiki/Onomastics>
12. Calque English Edition Режим доступа: <http://www.titudorancea.org/z/calque.htm>

*Kononova Svetlana Yurievna,
Saint Petersburg State University
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: ks.sweden@gmail.com*

The adjective varm in the metaphorical expressions in Swedish

*Кононова Светлана Юрьевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
аспирант, филологический факультет
E-mail: ks.sweden@gmail.com*

Кононова С. Ю. Метафорическое употребление прилагательного varm в шведском языке

Современная наука развивается в соответствии с потребностями человека, общества и культуры в их совокупности. Необходимость в осуществлении коммуникации и обработке информации спровоцировала появление понятия «когнитивизм» и когнитивной науки в середине 20 го века в США. Когнитивная наука занимается человеческим сознанием и разумом, процессами мыслительной и познавательной деятельности в ходе восприятия мира и действительности, ментальными состояниями и факторами, влияющими на их изменения¹. Понятия когнитивной науки является центральным для когнитивной науки. Под ним понимается процесс намеренного научного познания и теоретического мышления, а также спектр повседневных процессов постижения мира: наблюдение, категоризация, мышление, воображение и речь². Субъекты обладают способностью классифицировать наблюдаемые в актах восприятия и познания мира явления, распределяя

¹ Краткий словарь когнитивных терминов/Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – С. 94.

² Краткая философская энциклопедия/ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: Прогресс, 1994. – С. 214.

их по разным группировкам и классам путём выявления общих характеристик, связанных с ролью объекта в культуре. Данное явление входит в сферу интересов смежного с когнитивистикой направления — когнитивной лингвистики. Язык является средством хранения, передачи, обработки и фиксации знания, в способность говорить, т. е. передавать накопленный опыт, получать информацию, строить умозаключения — относится к когнитивной способности человека¹.

В рамках когнитивной лингвистики существует теория о том, что структура понятийной системы человека строится на процессах познания человеком окружающей действительности через телесный опыт и, как следствие, оперирует его терминами². Согласно основным положениям теории когнитивной лингвистики, перцептивный и моторный опыт человека играют важную роль для изучения процессов мышления³. В связи с этим вопрос изучения лексики, связанной с физическим опытом человека, и особенно с аспектами ее интерпретирующего потенциала, характеризуется высокой актуальностью в современной науке. Лексические единицы с семантикой температуры являются большой частью этого обширного раздела лексики.

Температурные явления занимают важное место среди явлений объективной действительности. Лексика со значением температурных ощущений и изменений неоднократно исследовалась в рамках структурной семантики в работах В. В. Лещенко⁴, Н. Ф. Спиридоновой⁵, Л. Д. Тарасовой⁶, Т. Е. Токаревой⁷. С точки зрения основных положений когнитивной лингвистики исследование температуры проводилось в работах Г. Г. Галич⁸, Л. В. Лаенко⁹ и др.

¹ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – С. 10.

² Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000. – 204 с.

³ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

⁴ Лещенко В. В. Принципы организации и структурирования лексико-семантического поля чувственного восприятия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 243 с.

⁵ Спиридонова Н. Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 23 с.

⁶ Тарасова Л. Д. Семантическая структура и сочетаемость группы английских прилагательных, выражающих понятие температуры: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 217 с.

⁷ Токарева Т. Е. Лексико-семантическая группа прилагательных, обозначающих температуру, в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 28 с.

⁸ Галич Г. Г. Градуальные характеристики количественных прилагательных, глаголов и существительных немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981. – 206 с.

⁹ Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... д. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 465 с.

Однако, согласно нашим представлениям, особого внимания заслуживает рассмотрение случаев метафорического употребления лексических единиц с температурным значением. Идиоматика и метафоричность любого языка представляет собой одно из ценнейших лингвистических наследий, в котором отражается видение мира, национальная культура, картина мира и история говорящего на нём народа. Целью данной статьи является изучение метафорических сочетаний, образованных с помощью прилагательного *varm* *тёплый* в шведском языке.

Исследование лексико-семантических вариантов прилагательного *varm* в шведском языке в рамках настоящего исследования показало, что данная группа слов является эмпирической базой для интерпретации широкого спектра явлений через механизм метафорического переноса. Основной задачей исследования является определение фрагмента шведской языковой картины мира, репрезентированной системой метафорических номинаций с прилагательным *varm*, являющихся результатом осмысления разных сфер жизни через призму опыта температурных ощущений.

Дж. Лакофф и М. Джонсон сформулировали основные положения теории концептуальной метафоры как одного из направлений когнитивной лингвистики¹. В рамках этой теории был предложен определённый взгляд на принцип анализа метафоры как языковой репрезентации когнитивных механизмов. Миромоделирующая способность метафорических конструкций в формировании целостных фрагментов языковой картины мира была обозначена как основное свойство метафоры. Н. Д. Арутюнова высказывала мысль о том, что метафора присутствует «в различных видах текстов, начиная с поэтической речи и публицистики и кончая языками разных отраслей научного знания»². Источниками материала для данного исследования является материал лексических баз данных, созданных при кафедре шведского языка в Гётеборгском университете: GöteborgsPosten 2013³ и Bonniersromaner II⁴. Выборка языкового материала из указанных баз данных предполагает работу с текстами разных жанров, от классических романов до языка прессы, что в свою очередь обеспечивает достаточно полную картину использования исследуемого температурного прилагательного.

Семантика прилагательного *тёплый* в русском языке приближена к понятию «абсолютного нуля», то есть обозначает температуру, близкую или

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ./под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

² Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс//Теория метафоры. – М., 1990. – С. 6.

³ GöteborgsPosten 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://spraakbanken.gu.se/swe/resurs/grp2013> (дата обращения: 11.03.2016).

⁴ Bonniersromaner II. 1980–81 [Электронный ресурс]. – URL: <http://spraakbanken.gu.se/swe/resurs/romii> (дата обращения: 11.03.2016).

равную температуре человеческого тела. Такой температурный уровень считается комфортным и способствует возникновению положительных коннотаций. В ходе проведения семантического анализа шведского прилагательного *varm* было установлено, что температура, обозначаемая *varm*, несколько выше той, которая в русском языке передаётся с помощью прилагательного *тёплый*. *Varm* является одним из наиболее частотных температурных прилагательных в шведском языке и употребляется крайне широко. Вся зона согревающего тепла в шведском языке может быть заключена в семантике лексико-семантических вариантов *varm*. В связи с этим сфера употребления прилагательного *varm* покрывает достаточно большой раздел температурной шкалы и может обозначать как температуру воды в естественных природных условиях, так и температуру горячего чая.

Принимая во внимание возможность изучения температуры в научном и обыденном познании, а также их взаимодействие, значения лексико-семантических вариантов температурного прилагательного *varm* можно разделить на конкретные и абстрактные. Под конкретным значением подразумевается температура, которую мы воспринимаем физически или перцептивно. Абстрактное значение объединяет такие типы переносного значения как метонимия и метафора.

Конкретные температурные значения объединяют случаи употребления *varm* в таких концептосферах как: температура живого организма (*varma händer*); конкретная окружающая среда (*varm luft* *тёплый воздух*, *varmt klimat* *тёплый климат*, *varm lokal* *тёплое помещение*); конкретное действие (*känna sig varm i hela kroppen* *чувствовать жар во всём теле*); температура предметов и артефактов (*varm soppa* *горячий суп*, *varmt vatten* *тёплая (или горячая) вода*, *varma skor* *тёплая обувь*).

Случаи метафорического использования прилагательного *varm* характерны для концептосфер: чувства и эмоции (*varmt leende* *тёплая улыбка*, *varma känslor* *тёплые чувства*); абстрактная окружающая среда (*varmt mottagande* *тёплый приём*); абстрактное действие (*datorn gick varm* *компьютер перегрелся*); результат ментального восприятия объектов действительности (*varmt fotografi* *фотография, вызывающая тёплые, приятные эмоции*, *varmt brev* *тёплое, искреннее письмо*). Таким образом, семантика *varm* в метафорическом употреблении нередко является синонимичным значению «приятный человеку», то есть «вызывающий приятные ощущения и искренние реакции». Ещё одним важным компонентом значения *varm* в подобных сочетаниях является направленность на другого человека, участвующего в процессе коммуникации. Так, в шведском языке широко употребляются словосочетания *varmt mottagande* *тёплый приём*, *varmt sällskap* *тёплая компания*, *varm gemenskap* *тёплое общество*, *varm stämning* *тёплая дружеская атмосфера*, *varm relation* *тёплые отношения* и др. В семантике данных словосочетаний присутствует компонент взаимности, то есть присутствие нескольких субъектов дей-

ствия, в процессе коммуникации между которыми возникают искренние реакции и тёплые чувства.

Метафорическое значение *varm* в рамках концептосферы «чувства и эмоции» связано с передачей искренних эмоциональных коннотаций, чувств и качеств характера: *varm person* *отзывчивый, добрый, открытый человек*, *varm vän* *искренний, близкий друг*. Источником тепла в данной концептосфере является сердце человека. Возникновение положительной эмоциональной составляющей и передача тепла идёт от сердца: *ett varmt tack* *сердечное спасибо*, *varmt välkommen* *добро пожаловать*, *varma önskingar* *искренние пожелания*. Явление тепла может быть также связано с проявлением высокой степени участия или заинтересованности в той или иной ситуации: *varm anhängare* *ярый сторонник*, *tala sig varm för ngn/ngt* *тепло отзываться о ком-либо или чём-либо*; *varmt rekommendera* *искренне, сильно рекомендовать что-либо*.

Особый интерес представляют словосочетания, в которых и главное и определяющее слово получают метафорическую интерпретацию. В шведском языке примером такого словосочетания является *varmt hjärta* *горячее сердце* или *varmhjärtad person* *сердечный, отзывчивый человек*. В данном случае существительное *hjärta* *сердце* употребляется в метафорическом значении «чуткость, сердечность, доброта» и передаёт искренние эмоции, ассоциирующиеся с высоким температурным уровнем. Другим примером такой метафорической интерпретации является сочетание *med en varm hand* *охотно, с удовольствием*, букв. *с тёплой/горячей рукой* в контексте: "Där du med varm hand kan överlåta reparationer, fastighets- och trädgårdsskötsel till hyresvärderna"¹ *У нас вы охотно можете передать арендатору решение вопросов ремонта, хозяйства и садоводства*. Интересно, что в русском языке, в отличие от шведского, выражение *под горячую руку* характеризуется не тёплыми чувствами, а наличием интенсивности действия и передаёт быструю реакцию человека на ту или иную ситуацию, когда эмоции становятся выше разума, и он не успевает рационально оценить ход событий.

Сфера употребления *varm*, характеризующая человеческие чувства и реакции, частично совпадает с семантикой русского прилагательного *горячий* в метафорическом значении «интенсивный»: *varma applåder* *горячие аплодисменты*, *varm kärlek* *горячая любовь*, *varm vänskap* *горячая дружба*. Таким образом, метафорическое употребление шведского прилагательного *varm* и русского *тёплый* объединяется общей семантикой искренности. Однако с точки зрения интенсивности проявляемых эмоций, отношения и реакции, выраженные с помощью *varm*, значительно выше эмоциональной интенсивности, заложенной в семантике *тёплый*.

¹ Att hyra hos Lundbergs. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lundbergs.se/norrkoping/lagenheter/att-hyra-hos-lundbergs.aspx> (дата обращения: 16.03.2016).

Такое наблюдение можно назвать семантически выводимым из аспектов конкретного значения изучаемых прилагательных и понятия «абсолютного нуля». Как было рассмотрено ранее, температура *varm* в прямом значении несколько выше температуры *tёплый* и в ряде случаев является тождественной русскому *горячий*.

Особый интерес представляют сферы смежных температурных значений, то есть случаи употребления температурного прилагательного для обозначения температуры как в прямом, так и в метафорическом значении. Например, восприятие температуры может быть связано с перцептивными процессами или синестезией. В рамках лингвистики такие процессы характеризуются употреблением слова, значение которого связано с одним органом чувств, но используется для обозначения восприятия другим органом чувств (*varmt ljus тёплый свет*, *varm färg тёплый цвет*). Температурная метафора в шведском языке нередко употребляется для характеристики цветовых оттенков по шкале между *тёплыми varm* и *холодными цветами kalla färger*. Помимо этого метафорическое употребление *varm* может быть использовано в качестве характеристики приятного тембра голоса (*varm röst*) или музыкального инструмента (*varma pianotoner, varm musik*).

В ходе исследования было установлено, что употребления температурных метафоры с *varm* характерно для целого ряда концептосфер: чувства и эмоции, абстрактная окружающая среда, абстрактное действие, а также результат ментального восприятия объектов действительности. В целом семантика лексико-семантических вариантов прилагательного *varm* с абстрактным значением близка метафорическому значению прилагательного *тёплый* в русском языке. Однако, результаты исследования показали, что интенсивность проявляемых эмоций, заключенных в семантике *varm*, значительно выше эмоциональной интенсивности *тёплый*. Поэтому, с одной стороны, бинарной оппозицией *varm* является значение прилагательного *kall холодный*, а с другой стороны, температура *varm* может повышаться и семантически приближаться к значению *het*. В связи с этим проведение семантического анализа температурных метафор может быть расширено изучением спектра низких и высоких температур, выраженных в шведском языке прилагательными *kall* и *het*. Дополнительной сферой исследования может быть также проведение сопоставительного анализа температурных метафор в рамках одной языковой группы с целью выделения общих принципов употребления и семантических различий.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс//Теория метафоры. – М., 1990. С. 5–32.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

3. Галич Г. Г. Градуальные характеристики квантитативных прилагательных, глаголов и существительных немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981. – 206 с.
4. Краткая философская энциклопедия/ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: Прогресс, 1994.
5. Краткий словарь когнитивных терминов/Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... д. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 465 с.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ./под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Лещенко В. В. Принципы организации и структурирования лексико-семантического поля чувственного восприятия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 243 с.
10. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000. – 204 с.
11. Спиридонова Н. Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 23 с.
12. Тарасова Л. Д. Семантическая структура и сочетаемость группы английских прилагательных, выражающих понятие температуры: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 217 с.
13. Токарева Т. Е. Лексико-семантическая группа прилагательных, обозначающих температуру, в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 28 с.
14. Att hyra hos Lundbergs. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lundbergs.se/norrkoping/lagenheter/att-hyra-hos-lundbergs.aspx> (дата обращения: 11.03.2016).
15. Bonniersromaner II. 1980–81 [Электронный ресурс]. – URL: <http://spraakbanken.gu.se/swe/resurs/romii> (дата обращения: 16.03.2016).
16. GöteborgsPosten 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://spraakbanken.gu.se/swe/resurs/gp2013> (дата обращения: 16.03.2016).

*Matqosimova Mohira Erkinbek qizi,
Ferganer Staatliche Universität
Masterstudentin des 4.Semester der Fachrichtung
Linguistik (Deutsche Sprache)
E-mail: mohiragina@gmail.com*

Wenn aus Sprache Kunst wird – Konkrete Poesie

Wie auch in der Geschichte der konkreten Poesie erklärt wurde, gab es seit vielen Jahren viele Beispiele, aber der Begriff „konkrete Poesie“ konnte erst im letzten Jahrhundert Fuss fassen. Etwa um 1950 gewann dieser Begriff als literarische Strömung europaweit Anerkennung, so dass primäre und sekundäre Produkte entstanden. Konkrete Poesie ist so breit wie Äste und Zweige eines Baumes. Jeder Ast und jedes Blatt ruft eine andere Eigenart dieser Gattung in den Sinn. Es ist ungenügend, sie mit einigen Zeilen oberflächlich zu definieren. Daher soll man ihre Wesensart einzeln in den Griff nehmen und die Gedichte untersuchen. Nur von diesem Standpunkt aus kann man zur Tiefe der konkreten Poesie vordringen. Jeder Schriftsteller hat die konkrete Poesie nach seiner Schriftart definiert. Wenn wir es in Rechnung stellen, dass jeder Autor eine eigene Art hat, dann wird klar, welche eine breite Bedeutung die konkrete Poesie hat. Konkretismus ist eine Strömung in moderner Lyrik, die sprachliche Elemente nach optischer und akustischer Wertigkeit zur Komposition montiert; sie verzichtet darauf, empirische Wirklichkeit abzubilden und zu erfassen, befragt statt dessen das isolierte Einzelwort, nimmt es als Denkform und verwendet es auf seine konkreten Möglichkeiten hin; es entstehen Ideogramme, Konstellation, in denen Bedeutungsinhalt und Struktur identisch sind, die Realität auf strukturelle Funktion beruht¹. In obiger Definition sieht man die sprachlichen Elemente wie Werkzeuge, die den Text montieren, um den bildlichen Text zu schaffen. Außerdem betont man hier die Grundformen der konkreten Poesie wie z. B. Konstellationen und Ideogramme. Konkrete Poesie ist einen Bau errichten, indem man sprachliche Werkzeuge verarbeitet, die zuerst visuelle Kenntnisse spiegeln².

Pierre Garnier sieht in der oben zitierten Definition die Elemente einer Sprache, d. h. die Wörter und Buchstaben als Werkzeuge. Der Schriftsteller bildet die Gestalt seines Gedichts, indem er diese Elemente verwendet. Wichtig sind die Bedeutungen und Erfahrungen, durch die diese Gestalt sich in den Betrachttern spiegeln. Darüber hinaus kann man sagen, dass die konkrete Poesie eine Gattung ist, die phonetische,

¹ Best, O.F., Handbuch Literarischer Fachbegriffe, Definitionen und Beispiele, Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt Main, 1973, S. 270.

² Garnier, P., Das erste Platznehmen der internationalen Strömung, in: Uçurum Kitabı, Somut Şiir Özel Sayısı, Uçurum Yayıncılık, Ankara 1986, S. 7. [Zitat übersetzt aus den Türkischen].

visuelle und akustische Dimensionen der Sprache als literarisches Mittel verwendet. Gomringer weist auf die ästhetischen und universalen Seiten dieser Poesie hin, und betont auch, dass diese Gattung eine spezielle Gestalt hat, was sie universal macht: Die konkrete Poesie ist das ästhetische Kapitel der universalen Sprachgestaltung unserer Zeit. In ihrem Beitrag erläutert die Noigandres-Gruppe die konkrete Poesie und ihre Merkmale mit allen Einzelheiten, und führt eine solche Definition vor, in der sie die konkrete Poesie wie Garnier als literarisches Mittel sieht: Konkrete Dichtung: Totale Verantwortung vor der Sprache. Vollkommener Realismus. Gegen eine Dichtung des persönlichen und hedonistischen Ausdrucks. Um präzise Probleme zu stellen und sie mit den Mitteln verständlicher Sprache zu lösen. Eine allgemeine Wortkunst. Das dichterische Produkt = Gebrauchsgegenstand¹

In der oben zitierten Definition wird die Bedeutung der konkreten Poesie erklärt, was sie akzeptiert und was sie ablehnt. Man kann feststellen, dass diese Poesie, nach Noigandres Gruppe, die gefühlvolle und empfindsame Darstellung der klassischen Poesie ablehnt. Die Elemente der Sprache treten als ein konkretes Material, als Gegenstand auf, worauf die Künstler ihre künstlerischen Werke bauen. Steinbach und Reichartz definieren die konkrete Poesie wie folgt: Konkrete Poesie ist die Bezeichnung für die lyrischen Produkte einer größeren Gruppe von Autoren der fünfziger bis frühen siebziger Jahre, die der sprachexperimentelle Charakter ihrer Poesie miteinander verbindet. Ihnen gemeinsam ist der Versuch, aus den vorgegebenen literarischen Dichtungsformen, den Sprachhülsen und Schablonen gesellschaftlicher Sprachverwendung auszubrechen. Die im Alltag unbefragte Übereinstimmung zwischen Sprache und außersprachlicher Realität wird den Dichtern der konkreten Poesie problematisch¹. Steinbach und Reichartz machen darauf aufmerksam, dass die Elemente der Sprache von den Dichtern wie ein Werkzeug verarbeitet werden, dass die Sprache sowohl mit ihrer Normen die Dichter beschränken, als auch ein Mittel ist, um mit ihr zu spielen. Konkrete Poesie ist eine visuelle, experimentelle Poesie. Worte, Buchstaben und Satzzeichen sind frei vom Zusammenhang der Sprache, und ineinander bilden sie harmonische, graphische Bildgedichte, die auf das Visuelle hingebildet sind. Die audiale Präsentation dieser Texte hat kaum eine Bedeutung, man muss sie optisch wahrnehmen, denn die Bedeutung versteckt sich im Bau des Textes, der sich durch die Buchstaben, Silben oder Wörter bildet. Der Begriff „konkret“ steckt im harmonischen und graphischen Zusammenhang der Wörter. Die Texte stehen „konkret“ dem Leser gegenüber. Alles, was sich im gesellschaftlichen Leben ereignet, bildet das Thema der literarischen Werke. Die alten Lebensarten der Menschen, ihre Gedanken und Gefühle, ihre Sitte und noch vieles lernen wir aus ihren hinterlassenen literarischen Werken.

¹ Steinbach und Reichartz, zitiert aus: Krechel, R., Konkrete Poesie im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache, Julius Groos Verlag, Heidelberg 1991, S. 12.

Diese Werke, die zuerst mündlich und dann schriftlich überliefert sind, bilden die Kultur eines Volkes. Poesie hat als Spiegel dieser Kultur eine wichtige Bedeutung, da es in den alten Zeiten die kulturellen Eigenschaften durch Lieder und Gesänge gespiegelt wurden. Nach der Erfindung der Schrift wurden diese Lieder und Gesänge durch untereinander gestellte Verse zu der langen Lyrik wie Hymne, Volksballade, Ode, Sonette, Elegie usw. umgeformt. Bis zum 20. Jh., d. h. bis Brechts „modernes Gedicht“ und Dadaisten, die beide die bisherigen Regeln der Poesie in Frage gestellt haben, wurden die Gedichte unter strengen Regeln geschrieben. Sie waren metrisch gebunden. Metrum, Strophe, Rhythmus, Takt, Reim und Vers waren von Bedeutung, aber diese schwer zu erfüllenden Regeln haben die Schriftsteller verhindert, ihre künstlerischen Gefühle poetisch zu spiegeln und ihre Kreativität zu vermehren. Poesie ist ein sehr breiter und ausführlicher Begriff, deshalb kann man eine kurze und alles umfassende Definition von Poesie nicht bestimmen. Verschiedene Dichter und Wissenschaftler legen verschiedene Definitionen vor, aber in jeder Definition wird eine unterschiedliche Eigenschaft der Poesie in den Griff genommen. Das Duden-Wörterbuch definiert den Begriff ‚Poesie‘, „ Dichtung als Kunstgattung, Dichtkunst “¹. Das ist eine sehr allgemeine und unklare Definition, die den Unkundigen kein klares Bild ermöglichen. Im Mittelalter ist die Poesie teils als Lied, teils als kurzes episches Werk hervorgetreten. Die mittelalterlichen Ritter haben ihre Liebe den höfischen Frauen anhand poetischer Werke zur Sprache gebracht. Die wichtigsten Werke der mittelalterlichen Poesie sind Minnelieder genannten Gedichte, die metrisch gebunden sind. Die Laute war eines der bedeutensten Musikinstrumenten mit dem die Ritter ihre Liebeslieder selbst vorgesungen haben. Auch Volksballaden sind in diesem Zeitraum von Bedeutung. Auch wenn das mittelalterliche Gesellschafts-leben sich unter strengem Druck der Kirche befand, kam erstaunlicherweise in den Gedichten dieser Zeit Themen wie seelische und erotische Liebe, Hoffnung, Glück und Erregung vor. Dagegen breitet sich in den Barockgedichten, die vielmals als Sonette hervorgetreten sind, der Diskrepanz zwischen dem Todesgefühl und dem Leben aus. Hauptthemen dieses Zeitraums sind Hoffnungslosigkeit, Tod und Sterblichkeit des Menschengeschlechts. Dank der Tradition der Antike, die eine der wesentlichen Merkmale der Renaissance und des folgenden Barock ist, hat die Liebeslyrik eine bemerkenswerte Bedeutung gehabt. Im Mittelpunkt des realistischen Gedichts sehen wir das Staatswesen und den Gemeinschaftsgedanken. Das dominierende Thema des Gedichtes bilden nicht mehr Gottheit und das unfassbare Schicksal, sondern die reale Welt. Der Mensch wird in seinem alltäglichen Leben dargestellt. In den letzten Jahren des 19. Jhs sieht man die ersten Bestrebungen, um die äußere Struktur des Gedichts zu ändern. Arno Holz ist

¹ Duden, Deutsches Universalwörterbuch, Hrsg. und bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mirarb. d. Dudenred., Duden Verlag, Mannheim, Wien, Zürich 1983.

bestrebt, die Poesie der Prosa nahe zu bringen. Das 20. Jh. ist ein Zeitabschnitt, in der die Gedichttradition sehr große Veränderungen erlebt. Als Reaktion zum klassischen Gedicht sind neue Strömungen entstanden. Die größte Revolution in der Gedichttradition ist Brechts „modernes Gedicht“. Brecht hat das Gedicht von Reim, Metrum, Rechtschreibung und alle anderen klassischen Strukturen frei gemacht¹. Sein modernes Gedicht hat in der literarischen Welt ein großes Interesse gefunden. Viele Autoren haben das klassische Gedicht verlassen und fingen an, ohne strenge Regeln ganz frei zu schreiben. In diesem Zeitalter wurden wegen der wirtschaftlichen Entwicklung, der Industrie und der unaufhörlichen Kriegen meistens politische Gedichte geschrieben. Sie waren Sozialkritik enthaltende Gedichte. Freiheit, Emanzipation, gesellschaftliches Leben, Identitätsproblematik, Zerstörung und noch viele verschiedene Bereiche wurden im modernen Gedicht thematisiert. In diesem Zusammenhang sind verschiedene Varianten des modernen Gedichtes entstanden. Konkrete Poesie ist eine der interessantesten Dicht-kunstarten der Generation des letzten Jahrhunderts. Sowohl in Europa als auch in anderen Kontinenten gibt es viele Vertreter des konkreten Gedichts, das mit seinen eigenen Merkmalen alle Aufmerksamkeit gänzlich auf sich zieht. Weil es aus Schrift sich dem Thema anpassende Bilder geschaffen wird, wird die konkrete Poesie außerdem experimentelle, visuelle Poesie auch Schreibmaschinengedicht genannt².

Im Laufe der Literaturgeschichte wurden in verschiedenen Ländern in unterschiedlichen Formen entstandene Gedichte geschrieben. Besonders die Gedichte der hellenistischen, alten römischen Zeit und des Barock sind wegen ihrer graphischen und optischen Form den konkreten Texten ähnlich. Sie heißen Figurengedichte. Ausgehend von dem Wort „Figur“ könnte man leicht aufgreifen, dass diese Gedichtform ein Bild spiegeln würde, das aus den Buchstaben und Wörtern besteht. Text und Bild kommen miteinander vor. Diese Texte, zu denen auch die kreuzförmigen Bibeltexte zählen, kann man als die Vorbilder der konkreten Poesie aufzeigen³. Neben der klassischen Poesie, die in bestimmten Formen wie Ode, Sonett usw. bekannt ist, gab es seit der Antike die Figuren-Gedichte oder Textbilder, die heute unter dem Stichwort: Visuelle Poesie zusammengefasst werden. Die Figuren-gedichte stellen den Inhalt nicht allein durch Wörter, sondern zusätzlich durch die graphische, figürliche Anordnung der Wörter und Sätze dar. Bis heute ist der Sammelbegriff „Visuelle Poesie“ im Gebrauch. Ausgehend von diesem Zitat könnte man bemerken, wie Walther die

¹ Beutin, W. und andere, Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, Fünfte Auflage, J. B., Metzler Verlag, Stuttgart Weimar, 1994, S. 378–379.

² Gomringer, E., Definitionen zur Visuellen Poesie, in: Gomringer, E, Konkrete Poesie, Deutschsprachige Autoren-Anthologie, Phillipp Reclam jun. Stuttgart, 2001, S. 165 ff.

³ Menke, M., Symposium für Experimentelle Poesie. Grenzgänge zwischen Bild und Ton, [<http://www.lvk-info.org/nr10/lvk-10gomring.htm> (03.07.2004)]. o. S.

Gattungen wie Ode, Sonett und Figurengedichte unter einem größeren Titel „Visuelle Poesie“ gesammelt hat. Außerdem sind Figurengedichte ähnlich den anderen Grundformen der konkreten Poesie wie Anagramme, Palindrome, Piktogramme etc., da auch in diesen Formen ein Bild gespiegelt wird, was die Visualität erschafft. Bisher wurden die Ähnlichkeiten zwischen den Figurengedichten und den konkreten Texten zur Sprache gebracht und beurteilt. Glöckler stellte aber zwischen ihnen einen wichtigen intentionalen Unterschied fest:

Das Barockgedicht befaßt sich mit einem ernstzunehmenden Inhalt, im untersuchten Fall wurde es zum Gotteslob geschrieben. Das Konkrete Gedicht geht dagegen spielerisch mit dem Buchstabenmaterial um, Inhalt sind eher der Spielgedanke, die Austauschbarkeit der Einzelelemente und die Art der Sinnkonstituierung durch Autor und Rezipient. Wie mit diesem Zitat zu erklären ist, konzentriert das barocke Figurengedicht sich intentional auf das Gotteslob, während im konkreten Gedicht die sprachlichen Materialien wie Buchstaben und Wörter spielerisch in die Hand genommen werden, um den Leser zum Denken zu führen.

Das bekannteste Figurengedicht ist Döhls „Apfel-Gedicht“¹:

Indem Döhl das Wort „Apfel“ mehrmals dichtgeschrieben wiederholt, bildet er das Bild eines Apfels, worin sich das Wort ‚Wurm‘ versteckt hält. Beim ersten Blick kann man den Wurm vielleicht nicht erkennen, doch der vorsichtige Blick des Lesers kann es bemerken und sich darauf erfreuen.

Dem modernen Gedicht stimmten etwa alle Autoren der modernen Zeit zu. Denn die Autoren haben angefangen, ihre Gefühle leichter zu spiegeln, ohne sich an die Regeln des klassischen Gedichts zu halten. Anlass dazu ist das Gedicht im Hinblick auf seine visuelle und semantische Besonderheit, was damit eine große Bedeutung erlangt. Weiterhin ist auch nicht zu vergessen, dass in früheren Zeiten über die konkrete

¹ Döhl, R., Apfel, in: Gomringer, E., a. a. O., 2001, S. 38.

Poesie oder über die visuelle, graphische Poesie keine theoretischen Arbeiten verfasst wurden sind. Es gab nur die formale, bzw. visuelle Ähnlichkeit mit der konkreten Poesie. Im 20. Jh. haben die Entwicklungen der Wissenschaft und der Technologie mit sich auch interkulturelle Beziehungen gebracht. Bevor die Technik ihre Blütezeit, etwa im 19. Jh., erlebt hatte, konnten viele Völker wegen der geographischen Hindernisse einander kaum kennen lernen. Aber die rasche Entwicklung bei der Technik gibt den Menschen die Gelegenheit, die kommunikativen Beziehungen zu entwickeln und einander besser kennen zu lernen. In den Schulen und an den Universitäten wurde angefangen, den Schülern und den Studentinnen interkulturelle Erziehung zu vermitteln. Auch haben landeskundliche Inhalte der literarischen Texte in den Unterrichten mehr Platz eingenommen¹. Konkrete Texte sind dank ihren interkulturellen Dimensionen und auch dank ihren sprachlichen Eigenschaften die unverzichtbaren Materialien des Fremdsprachenunterrichts geworden.

Referenz:

1. Best, O. F., Handbuch Literarischer Fachbegriffe, Definitionen und Beispiele, Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt Main, 1973, S. 270.
2. Garnier, P., Das erste Platznehmen der internationalen Strömung, in: Uçurum Kitab, Somut Şiir Özel Sayısı, Uçurum Yayıncılık, Ankara 1986, S. 7.
3. Steinbach und Reichartz, zitiert aus: Krechel, R., Konkrete Poesie im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache, Julius Groos Verlag, Heidelberg 1991, S. 12.
4. Duden, Deutsches Universalwörterbuch, Hrsg. und bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mirarb. d. Dudenred., Duden Verlag, Mannheim, Wien, Zürich 1983.
5. Beutin, W. und andere, Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, Fünfte Auflage, J. B., Metzler Verlag, Stuttgart Weimar, 1994, S. 378–379.
6. Gomringer, E., Definitionen zur Visuellen Poesie, in: Gomringer, E, Konkrete Poesie, Deutschsprachige Autoren- Anthologie, Phillipp Reclam jun. Stuttgart, 2001, S. 165 ff.
7. Menke, M., Symposium für Experimentelle Poesie. Grenzgänge zwischen Bild und Ton, [<http://www.lvk-info.org/nr10/lvk-10gomring.htm> (03.07.2004)]. o. S. 8. Döhl, R., Apfel, in: Gomringer, E., a. a.O, 2001, S. 38.
8. Baalen, Van C., Fremdverstehen. Interkulturelle Kompetenz semantisch-pragmatisch betrachtet, in: [http://www.ned.univie.ac.at/CMS/Brochueren/Sprachenpolitik_und_Integration/Fremdverstehen, (12.04.2005)]

¹ Baalen, Van C., Fremdverstehen. Interkulturelle Kompetenz semantisch-pragmatisch betrachtet, in: [http://www.ned.univie.ac.at/CMS/Brochueren/Sprachenpolitik_und_Integration/Fremdverstehen, (12.04.2005)]

*Petrov Vasily Borisovich,
Professor Department socio-cultural technologies
of the Ural state forestry University
E-mail: 45master91@mail.ru*

*Petrova Elena Dmitrievna,
assistant Professor of psychology
of the Magnitogorsk state technical University*

Mikhail Bulgakov and the psychology of the creative process

*Петров Василий Борисович,
профессор кафедры социально-культурных технологий
Уральского лесотехнического университета
E-mail:45master91@mail.ru*

*Петрова Елена Дмитриевна,
доцент кафедры психологии Магнитогорского
государственного технического университета*

Михаил Булгаков и психология творческого процесса

Творческая лаборатория писателя почти всегда остается загадкой. И для исследователей, и для него самого. Однако нет такого художника, который не пытался бы осмыслить истоки и мотивы собственного творчества. И Михаил Булгаков — один из самых загадочных писателей XX века — не был исключением.

Об удивительном повороте судьбы, превратившем дипломированного медика в писателя, в булгаковской автобиографии 1924 года читаем: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 20-го года я бросил звание с отличием и писал»¹. Впрочем, в такой метаморфозе нет ничего удивительного. Еще Сократ заметил, что поэты создают свои произведения, «следуя некоторому природному инстинкту»². Подобным образом пришли в литературу А. Чехов и В. Вересаев, В. Аксенов и Г. Горин. Поразительно другое, Булгаков воспринимал художественное творчество и как мистическую возможность самореализации,

¹ Михаил Булгаков. Автобиография. Михаил Булгаков. Автобиография. Москва, октябрь 1924 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bulgakov.net.ru/llb-ar-author-129>

² Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. – С. 25.

и как способ художественного постижения противоречий действительности, и как средство повлиять на эту действительность. Можно лишь отчасти согласиться с Ф. Бассиным, который рассматривает творческую активность художника как неосознанное стремление к отреагированию фрустраций. Наиболее справедливой по отношению к Булгакову представляется точка зрения Л. Жабинской, которая считает, что «ведущие мотивы литературно-художественного творчества связаны с познавательной потребностью в художественном исследовании действительности и формированием ценностного отношения к миру»¹.

Крушение прежнего мира, ломка традиционных устоев и привычных представлений вызвали у писателя жгучее желание запечатлеть все это. Поэтому многое, о чем рассказывает художник в своих произведениях, автобиографично. Так, письмо Булгакова сестре Н. А. Булгаковой — Земской от 31 декабря 1917 года перекликается и по настроению, и по стилю с началом романа «Белая гвардия»: «Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые лица, приснилось, что играют на пианино... <...> Я видел, как толпы людей бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке...»². «Священник <...> приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу и прочитал: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь»³, — читаем в булгаковском романе. Апокалипсическое мироощущение Булгакова в первые послереволюционные годы выплеснулось на страницы его рассказов («Красная корона», «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на третье число»), которые можно рассматривать в качестве художественной инкубации⁴ замысла романа «Белая гвардия» и пьес «Дни Турбиных», «Бег».

Художник с клинической точностью передает безумие гражданской ушибицы, описывая симптомы психического заболевания героя рассказа «Красная корона»⁵. Герой анализирует причины своей «болезни», осознает, кто повинен в ней и вершит нравственный суд над самим собой за то, что не смог отказаться от участия в войне: «Тогда я, конечно, не мог ничего поделать, но теперь я смело бы

¹ Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. — СПб.: Питер, 2009. — С. 26.

² Булгаков М. А. — Булгаковой-Земской Н. А./РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр. 22.

³ Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. — М.— СПб.: Литература-Кристалл, 1997. — Т. 1. — С. 442.

⁴ Стадия креативного мышления Грэхема Уоллеса.

⁵ Наличие у рассказа подзаголовка «Historia morbid» («История болезни») свидетельствует о вовлеченности в творческий процесс знаний, полученных Булгаковым во время учебы на медицинском факультете.

сказал: — Господин генерал, вы зверь! Не смейте вешать людей!»¹. Определяющими чувствами в рассказе становятся «страх», «боль», «жалость» и «отчаяние». Эти ощущения проецирует в воображаемую реальность внутреннее «Я» героя, оказавшегося в состоянии психологического тупика: «Да, я безнадежен»². И если финал «Красной короны» безысходен («Не тает бремя»³), то герой «Бега», пройдя путь осознания непреложности нравственного закона, обретает покой («И тает мое бремя»⁴).

«Необыкновенные приключения доктора» во многом предвдвряют «Белую гвардию», где особенно очевидны автобиографические мотивы. Все события рассказа (фрагментарные дневниковые записи «мобилизованного врача») напоминают кошмарный сон, из которого герой не в состоянии вырваться. Обилие батальных зарисовок иллюстрирует пульсирующую в повествовании авторскую мысль «скорее бы все это кончилось»: «... если так будет продолжаться, меня, несомненно, убьют...»⁵, «Пятую власть выкинули, а я чуть жизни не лишился»⁶, «Ну и зарежут. Какая разница...»⁷, «Для меня тоже кончится скверно. Но с этой мыслью я уже помирился»⁸, «Безумие какое-то... Проклятие войнам отныне и навеки!»⁹.

По Булгакову, постигая истину, автор растворяет себя в десятках персонажей. Так, противоестественность революционного пути развития становится очевидной в повести «Роковые яйца», стиль которой представляет собой причудливое сочетание в мифологической форме пародийно-фарсового и мистико-драматического содержания. Появление и кипучая деятельность Рокка воспринимается в повести и в фарсово-буффонадном, и в мистико-сатирическом ключе. Ужасное и фарсовое травестийно переплетаются и вместо творения новой жизни едва не наступают апокалипсис, а в карнавал человеческих страстей вплетается почти библейское пророчество конца мира. Потому-то Александр Семенович и имеет «эсхатологическую фамилию», а деревня возле совхоза «Красный луч» именуется Концовкой.

¹ Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза/Сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 84.

² Там же. — С. 89.

³ Там же.

⁴ Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. — М. — СПб.: Литература-Кристалл, 1997. — Т. 3. — С. 408.

⁵ Там же. — Т. 1. — С. 152.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 157.

⁸ Там же. — С. 158.

⁹ Там же. — С. 161.

В первой половине 20-х годов Булгаковым было написано множество фельетонов, в которых художник стремится осмыслить послереволюционную действительности с ее разительными, фантастическими контрастами. Ценности, которые булгаковским героям казались незыблемыми в жестокой круговерти гражданской войны, в новых исторических условиях подверглись суровым испытаниям. Десятки рассказов и фельетонов Булгакова открыли новый, дьявольский мир холодных коммунальных квартир и загадочных учреждений с фантастическими названиями. При этом гротеск способствовал «художественному познанию действительности», высвечивал «такие ее черты, которые при обычном рассматривании остались бы незамеченными»¹.

Так, в повести «Дьяволиада» сюжет строится на внешне анекдотической ситуации, однако влечет трагическое последствия для главного героя, не способного понять безумный механистичный мир, в котором «бумажка» определяет человеческую судьбу. Коротков загнан в угол, и его сознание деформирует окружающую реальность. Метафоризуемый страх меняет очертания и краски, порождает и судорожные попытки обрести опору: «Страх пополз через черные окна в комнату, и Коротков, стараясь не глядеть на них, закрыл их шторами. Но от этого не полегчало. Двойное лицо, то обрастая бородой, то внезапно обриваясь, выплывало по временам из углов, сверкая зеленоватыми глазами»². Инфернальное начало повести отражает кризис рационалистических представлений автора о действительности. В рациональный, упорядоченный мир вторгается иррациональный взгляд на окружающее, позволяющий через призму фантастических образов увидеть сакральное, истинное. В Кальсонере, например, угадываются черты оборотня. Недаром в разговоре с Коротковым «глазки его вспыхнули желтоватыми искорками»³.

Постепенно в повести нарастает мотив «отчуждения», когда разлад героя с миром оборачивается внутренним разладом с самим собой, когда реальность воспринимается как бред, а фантазия кажется реальностью. Варфоломей Коротков — маленький человек, но и он в своем сознании выделяет собственное «Я» и противопоставляет его окружающему бездуховному миру. В этом экзистенциальном конфликте, порождающем чувства одиночества, тревоги и страха, герой стремится преодолеть замкнутое пространство дьяволиады.

В произведениях Булгакова, интуитивное погружение в истину создает особую психологическую атмосферу, в которой «автор представляет собой в глубочайшем смысле инструмент и в силу этого подчинен своему творению...»⁴.

¹ Манн Ю. В. О гротеске в литературе. – М., 1966. – С. 122.

² Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. – М.– СПб.: Литература–Кристалл, 1997. – Т. 1. – С. 252.

³ Там же. – С. 242.

⁴ Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры 20 века. – М., 1991. – С. 118.

Созданные им персонажи словно начинают жить «самостоятельной» жизнью. Так, в письме к В. Вересаеву от 27 июля 1931 года Булгаков пишет: «... А. Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов. <...> во время бессонниц приходят они ко мне и говорят за спиной: «Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами» <...>, выходит, что мой главный враг — я сам»¹.

Творческий процесс становится предметом художественного исследования в «Театральном романе «Записках покойника»». Булгаков очень тонко, психологически достоверно описывает интуитивное погружение своего героя в творческий процесс (инкубацию) и его внезапное озарение (инсайт): «Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. <...> мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. <...> С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля. <...> А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда? И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. <...> Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветивается. <...> Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют «Фауста». Вдруг «Фауст» смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу — напеваает. Пишу — напеваает. Да это, оказывается, прелестная игра! Не надо ходить ни на вечеринки, ни в театр ходить не нужно»².

В описываемых картинах легко угадываются не только контуры, но и образы «Дней Турбиных». По Булгакову настоящий художник должен видеть Истину, а потому фраза Максудова «что видишь, то и пиши»³ представляется не столь уж банальной. Как, впрочем, и булгаковская мысль о том, что, проза и драматургия связаны, «как левая и правая рука пианиста»⁴, ведь добиваясь полноты воплощения нравственно-философских идей, оттачивая эстетическую глубину и многомерность образов, Булгаков многократно разрабатывает те или иные характеры, повороты сюжета, прежде чем включить их в одно из своих «этапных» произведений — романов.

¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 5. – С. 461.

² Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература – Кристалл, 1997. – Т. 2. – С. 212, 213.

³ Там же. – С. 213.

⁴ Булгаков М. А. Заметки автобиографического характера /РГБ, ОР, ф. 218, карт. 1269, ед. хр. 6.

Список литературы:

1. Булгаков М. А. – Булгаковой-Земской Н. А./РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр. 22.
2. Булгаков М. А. Заметки автобиографического характера/РГБ, ОР, ф. 218, карт. 1269, ед. хр. 6.
3. Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература–Кристалл, 1997.
4. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 5. – 574 с.
5. Булгаков Михаил. Автобиография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bulgakov.net.ru/11b-ar-author-129/>
6. Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза/Сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. – М.: Худож. лит., 1989. – 189 с.
7. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. – 434 с.
8. Манн Ю. В. О гротеске в литературе. – М., 1966. – 183 с.
9. Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество//Самосознание европейской культуры 20 века. – М., 1991. – С. 103–119.

*Petrov Vasily Borisovich, Professor Department
socio-cultural technologies of the Ural state forestry University
E-mail: 45master91@mail.ru*

*Chernykh Oksana Pavlovna, associate Professor
the Department of philosophy at Magnitogorsk state
technical University*

Artistic-philosophical system Mikhail Bulgakov

*Петров Василий Борисович, профессор кафедры
социально-культурных технологий
Уральского государственного лесотехнического университета
E-mail: 45master91@mail.ru*

*Черных Оксана Павловна, доцент
кафедры философии Магнитогорского государственного
технического университета*

**Художественно-философская
система Михаила Булгакова**

Одной из закономерностей становления русской философской мысли является ее онтологическое родство с художественным творчеством. По замечанию

А. Ф. Лосева, «художественная литература является кладезем самобытной русской философии», поскольку именно в произведениях В. Соловьева и Д. Андреева, Л. Толстого и Ф. Достоевского, В. Розанова и А. Герцена «разрабатываются основные философские проблемы в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме»¹. Творческое наследие Михаила Булгакова являет собой социально-культурный феномен, воплотивший этические, эстетические и философские воззрения русской интеллигенции в один из драматических периодов российской истории.

Было бы несправедливым рассматривать философскую направленность булгаковского творчества только в связи с романом «Мастер и Маргарита». Уже в ранних произведениях Булгакова («Красная корона», «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на третье число») ставятся проблемы человека и мира, добра и зла, свободы и роковой предопределенности. Уже здесь зарождаются сквозные мотивы булгаковского творчества (вины и расплаты, вечного и сиюминутного, реального и мистического), формируется один из основных постулатов его аксиологии: ЖИЗНЬ — абсолютная ценность.

Так, «болезнь» главного героя «Красной короны», связанная с нарушением «нравственного закона» (И. Кант), становится результатом неизбежного столкновения идеального «Я» героя с реальностью и намечает нравственно-философский план сюжетных линий в будущих произведениях писателя («Бег»). Автобиографические мотивы в «Необыкновенных приключениях доктора» (фрагментарные дневниковые записи «мобилизованного врача») характеризуют состояние психологического тупика, потерянности в водовороте событий. Рассказ «В ночь на третье число» тоже можно рассматривать как своего рода набросок к будущему роману «Белая гвардия». Об этом свидетельствуют и стилевой рисунок повествования и типы некоторых персонажей, и отдельные повороты сюжета. Обрамляющий рассказ мотив звезда, становится для автора ценностным ориентиром, позволяющим соотнести вечное, символизирующее непреходящие ценности, и сиюминутное: в небе — высокие звезды, а на земле — бесчинствуют бандиты и петлюровская вольница. И если в первом эпизоде «пан куренной взмахнул маузером» и «расстрелял» звезду Венеру, повисшую над Слободкой², то через некоторое время доктор Бакалейников увидел «в небе чудо»: «Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила. Черная даль, долго терпевшая злодейство, пришла, наконец, на помощь обессилевшему и жалкому в бессилье

¹ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. — М., 1990. — С. 74.

² Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза/Сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 60.

человеку»¹. В финале рассказа — «чудом склеившаяся Венера над Слободкой опять играла, чуть красноватая, и лежала белая перевязь — путь серебристый, млечный»².

Едва ли можно согласиться с мнением, что «философия истории Булгакова, как и его мировоззрение в целом, была **пессимистичной**»³. Об этом свидетельствует финал целого ряда булгаковских произведений (эпизод с Петькой Щегловым и мотив звезд в «Белой гвардии»; возвращение Голубкова и Серафимы в «Беге»; чудесное спасение столицы в «Роковых яйцах»; обратное превращение Шарикова в «Собачем сердце» ... и даже обретение «вечного покоя» мастером в романе «Мастер и Маргарита»). Несмотря ни на что, Михаил Булгаков верил в софийное преображение России. И эта вера созвучна философским раздумьям В. Соловьева и П. Флоренского, С. Булгакова и Л. Карсавина, С. Трубецкого и В. Зеньковского. Очевидно поэтому в «закатном романе» появляется образ Маргариты, само имя которой в гностической традиции означает «мировую душу» — Софию, которую «призван освободить из плена сатанинского дракона и возвратить в область божественного света гностический спаситель»⁴.

«Белая гвардия», «Дни Турбиных» и «Бег» — своего рода трилогия, где в центре внимания автора находятся такие нравственные и историко-философские проблемы, как «личность и история», «человек и родина», «вина и расплата». При этом «Бег» является логическим финалом в разрешении поставленных проблем. Определяющей в пьесе становится проблема нравственного суда, причем поднимается она как в трагическом (Хлудов), так и в трагикомическом (Чарнота) и даже в фарсовом (Корзухин) аспектах. По Булгакову, РОДИНА — вот неизменная и высшая ценность для русского человека. Утрата родины — не что иное, как «небытие», и содержанием пятого — восьмого «снов» пьесы автор показывает тщетность попыток «бывших русских» сохранить живую душу на чужих перепутьях. «Потеряв родину и с нею естественную почву для дела, которое дает хотя бы видимость осмысления жизни» они «вынуждены ставить себе вопрос: для чего жить? <...> Где найти неизбежную опору, чтобы не упасть под тяжестью жизненной нужды»⁵. Развивая тему «жертва и палач», намеченную

¹ Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза/Сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 69–70.

² Там же. — С. 72.

³ Южанинова Е. Р. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М. А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 19. — 23 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elarf.uafu.ru/handle/10995/1193>

⁴ Круговой Г. Гностический роман М. Булгакова//Новый журнал. — Нью-Йорк, 1979. — № 134. — С. 69.

⁵ Франк С. Л. Смысл жизни//Смысл жизни: Антология. — М., 1994. — С. 496.

в «Красной короне», Булгаков акцентирует внимание на нравственных страданиях переступившего моральный закон. При этом жертва оборачивается палачом, а мучитель становится мучеником. Впоследствии та же линия продолжена в «Мастере и Маргарите».

Художественное осмысление Булгаковым этико-эстетических аспектов современного мира охватывает различные грани действительности и связано как с историософскими раздумьями писателя о настоящем и гипотетическом будущем России, так и с постановкой проблем быта и бытия, судьбы искусства в революционную эпоху. При этом пестрая, фейерически противоречивая реальность, лежащая в основе карнавального мироощущения автора, становится основой гротескного мифотворчества и фарсово-буффонадных тенденций. Так, булгаковские гротескные произведения 20-х — 30-х годов («Роковые яйца», «Собачье сердце», «Адам и Ева») составляют своего рода триптих, где за видимой подобной сюжетной канвой — катастрофа (или почти катастрофа), являющаяся следствием фантастического открытия (или операции) кабинетного ученого, который со своими взглядами никак не вписывается большевистскую реальность, — просматривается второй план: размышления автора о двух системах ценностей (классовой и общечеловеческой), о путях развития России и ответственности интеллигенции, о столкновении цивилизации и духовности. В качестве ценностных ориентиров, сформированных логикой художественной мысли автора, предстают ВЕЛИКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ в противовес революционному максимализму, МИР и СОСТРАДАНИЕ, которым в эпоху мировых катаклизмов нет альтернативы, СВОБОДА как единственно возможное состояние для ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Причем СВОБОДА не только в онтологическом аспекте как внутренняя свобода личности сделать выбор, но и как духовная свобода, основанная на вере в нравственные идеалы. Именно такой свободы жаждет великий Мольер в романе «Жизнь господина де Мольера», такой свободой исполнены пушкинские строки в пьесе «Александр Пушкин»; стремление к свободе толкает мастера на создание своего последнего романа («Мастер и Маргарита»).

Философская концепция «Мастера и Маргариты» опирается на русскую религиозно-философскую традицию (В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Лосский, С. Франк), хотя в ней причудливо преломились и немецкая классическая философия, и отголоски гностических доктрин. Так, в гностическом Евангелии от Филиппа читаем: «хорошие не хороши, и плохие — не плохи <...>. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира (олицетворяющие добро и зло — П. В.); — неразорванные, вечные»¹. М. Булга-

¹ Евангелие от Филиппа; X: 3–5//Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты,

ков не был знаком с этим Евангелием, однако сходные мысли он мог почерпнуть из «Очерков по истории гностических учений» Ю. Николаева¹ и из философии В. Соловьева, где наряду с Абсолютом присутствует тварный мир, в котором «... всякому углублению положительной стороны соответствует и <...> внутреннее усиление отрицательной. <...> в человеке оно <...> выражает <...> свою глубочайшую сущность, как нравственное зло»². Подобно многим литературным и философским предшественникам, Булгаков сталкивает добро и зло, причем полем битвы оказываются человеческие души, а судьями — посланцы Света (Иешуа) и Тьмы (Волаңд). Однако в булгаковском романе даже «зло имеет положительную ценность: в царстве злых существ оно используется для исцеления от зла»³.

Единство антиномичной пары «истина — ложь» является ключевым в романе и позволяет Булгакову несколько сместить традиционные философские акценты противопоставления добра и зла: в истинном, как и в ложном, есть и доброе и злое. Причем для писателя характерен «диалогический способ искания истины»⁴. В диалоге Хлудова с «красноречивым вестовым» намечается мотив духовного прозрения. С диалога начинается и роман «Мастер и Маргарита». По сути дела беседа на Патриарших прудах становится точкой отсчета цепи удивительных событий и парадоксальных ситуаций (Бездомный сочинил антиклерикальную поэму о Христе, где нарисовал его «совершенно живым»; дьявол приводит доказательство бытия Божия; атеист отправляется на поиски нечистой силы и т. п.).

Ключевым в романе становится диалог Иешуа и Пилата. «Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?..»⁵. Здесь намечаются контуры онтологической трактовки понятия «ИСТИНА», которая опирается на «ВЕРУ». Корреляция веры и знания, определение путей, позволяющих гармонически сосуществовать этим производным «двух бездн» мироздания, занимает М. Булгакова не меньше, чем современных ему философов. По Булгакову, ВЕРА без ИСТИНЫ слепа, а ИСТИНА без ВЕРЫ цинична. Поэтому не требуется никаких доказательств существования Христа. Поэтому мастеру так важно угадать истину. Поэтому рукописи не горят.

комментарии/Акад. обществ, наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. – М.: Мысль, 1989.

¹ Николаев Ю. Очерки по истории гностических учений. – СПб., 1913.

² Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – С. 129.

³ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С. 302.

⁴ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – С. 126.

⁵ Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература-Кристалл, 1997. – Т. 2. – С. 341.

Если понимать под религиозностью веру в конечную справедливость, то Булгаков, безусловно, «религиозен». Однако корни подобного мироощущения отнюдь не в религиозном догматизме, а в следовании нравственному максимализму романтической традиции. Булгаковские Воланд и Иешуа вопреки христианским канонам не являются антиподами, поскольку утверждают единые нравственно-философские принципы: каждому воздается «по вере его».

Список литературы:

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – 320 с.
2. Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. – М.– СПб.: Литература-Кристалл, 1997. – Т. 2. – 696 с.
3. Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза/Сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. – М.: Худож. лит., 1989. – 189 с.
4. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии/Акад. обществ, наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
5. Круговой Г. Гностический роман М. Булгакова//Новый журнал. – Нью-Йорк, 1979. – № 134. – С. 47–81.
6. Николаев Ю. Очерки по истории гностических учений. – СПб., 1913.
7. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. – М., 1990. – 320 с.
8. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – 432 с.
9. Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 576 с.
10. Франк С. А. Смысл жизни//Смысл жизни: Антология. – М., 1994. – С. 483–583.
11. Южанинова Е. Р. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М. А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 19. – 23 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/1193>

*Sazhina Maria Alexandrovna,
Aspirantin der Tambover Staatlichen
Derzhavin-Universität
E-mail: mariasashina91@gmail.com*

Die Besonderheiten der Kategorisierung des Naturraums in der modernen deutschen Sprache (aufgrund des Buches von Heinrich Hofmeister „Ökologie de Wälder“)

Abstrakt: In diesem Artikel werden die Besonderheiten der Kategorisierung des Naturraums in der modernen deutschen Sprache betrachtet. Im Artikel sind kognitive Gründe der Gestaltung der Kategorie „Wald“ und Repräsentationsbesonderheiten der wichtigsten Merkmale und Eigenschaften der Objekte des Naturraums von besonderer Bedeutung.

Stichwörter: Konzept, Kategorisierung, Kategorie, Naturraum, kognitive Linguistik.

Der Raum ist solche Form der Materie, die Beziehungen zwischen Objekten aufbaut und auch eine der fundamentalen Kategorien des Daseins. Die Vielseitigkeit und Bedeutung dieses Phänomens erklärt stehendes Interesse der Wissenschaftler zu seiner Erforschung im Rahmen nicht nur in den verschiedenen Bereichen des Wissenschaftswissens, sondern auch im interdisziplinären Aspekt.

Auf Grund des anthropozentrischen Paradigmas verschieben sich den Akzent der Untersuchungen von „Sprache im Menschen“ zur „Menschen in der Sprache“, und die natürliche Sprache deutet als psychische und soziale Erscheinung¹. Der Mensch, der keine spezielle Wissen über den Wald hat (nur naives, alltägliches Wissen) kann nur auf Grund der Wahrnehmung des Raums die Objekte im Wald (oder im Raum insgesamt) differenzieren. Dieses alltägliche Wissen ist eine Zusammenfassung der Anschauung, Wissen, Stereotypen und Traditionen in der Sozialgruppe, die diese Zusammenfassung gehört. Es ist oft unsystematisch und subjektiv. Aber das moderne alltägliche Wissen impliziert auch vielfältiges wissenschaftliches Wissen, wenn es bedeutend für Weltwahrnehmung und Alltags ist.

Sprachmodell des gesamten Naturraums basiert auf einen Oppositionssystem, deren kognitiven Basis das anthropozentrische Prinzip der Wahrnehmung und Strukturierung des Menschen des Naturraums betreffend seiner Lage im Raum ist: Der

¹ Арутюнова Н. Д. Антропологическая лингвистика: концепты, категории. – Иркутск: Институт языкознания РАН, 2003. – С. 20.

Fixpunkt bei der Kategorisierung des Raums ist der Mensch¹. Das betrifft den Wald auch. Der Wald als einer des größten Teils des Naturraums hat bestimmte Kriterien und Merkmale für die Feststellung der daliegenden Objekte. Alle Objekte in erforschenden Kategorie Wald haben in der Sprache bestimmte Namen und Bedeutungen, die in der bestimmten vertikalen und auch horizontalen Hierarchie thematisiert werden. Für Beschreibung der Waldstruktur durch die Sprache wollen wir Terminus *Stockwerk* benutzen, weil Lexik zum Thema durch hierarchischen Prinzip thematisiert wird. Auf dieser Basis kann man Lexik zum Thema „Wald“ im zu forschenden Buch strukturieren.

Lexikografische Analyse des Wortes Wald definiert sich als ursprünglich althochdeutscher Begriff zur Beschreibung eines speziellen Ökosystems mit einer für ihn spezifischen Flora (u. a. Bäume, Gebüsche und Moos) und Fläche.

Wegen seiner Semantik, die Substantive wie *Baum*, *Sträucher*, *Zwergsträucher*, *Erdpflanzen* repräsentiere solches Merkmal wie „**Höhe**“. Dieses Merkmal im Wald wird, nach unserer Meinung, in zu erforschenden Lehrbuch durch Vergleichsprinzip festgestellt. Das heißt solche Merkmale wie *groß*, *mittelgroß*, *klein* benutzt man im Vergleich mit anderen Objekten im Wald. Beispielsweise, **Baum** (wie aus dem Buch erkannt) ist eine Pflanze, die mindestens 2 Meter hoch ist, **Strauch** — 0.5–5 m, **Blumen** und **Pilze** ca.0.25 m. Natürlich, diese Größe ist nur biologisch markiert, aber ein Mensch bei Wahrnehmung des Waldes kann auf Grund eines Vergleichsprinzip unterscheiden, dass Baum ist größer als Strauch oder Blume.

Auch auf Seite 11 befindet sich eine Tabelle, in den gezeigt wird, wie strukturiert der Autor des Waldraums auf Grund des Merkmals „**Höhe**“. Man kann auch solches Merkmal als „Maß“ feststellen. Beispielsweise, die Worte *Wald* und *Gehölze* repräsentieren das Merkmal „Maß“:

Wald ist größere, dicht mit (hochstämmigen) Bäumen bestandene Fläche; Gehölze ist geschlossener, kleiner Bestand von Bäumen und Sträuchern, Wäldchen².

Als Markern dieses Merkmals auftreten Adjektive *klein* und *groß*, in deren Semantik das Merkmal Maß liegt (**klein** — *in Ausdehnung oder Umfang unter dem Durchschnitt oder einem Vergleichswert bleibend*; **groß** — *in Ausdehnung oder Umfang den Durchschnitt oder einen Vergleichswert übertreffend*). Außerdem den Objekten im Naturraum werden nicht nur im Vergleich mit Subjekten, sondern auch im Vergleich miteinander charakterisiert (*Gehölze* — *Wäldchen, kleiner Wald*).

In Semantik dieser Wörter gibt es das Merkmal „Maß“, die den Charakter der lexikalischen Einheiten feststellt. Üblicherweise, das Wort „*Gehölze*“ wird für

¹ Безукладова И. Ю. Категоризация индивидуального пространства как способ структурирования окружающего мира // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – Вып. VII. – С. 75–79.

² Duden Deutsches Universalwörterbuch // hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – S. 358.

ein Bestand mit Namen der bestimmten Baumart: (*Nadelgehölze, Birkengehölz, Fichtengehölz, Laubgehölz*) benutzt.

1.1. Wald ist *größere, dicht mit (hochstämmigen) Bäumen* bestandene Fläche. Nach dieser Bedeutung wird die Lexik in dieser Fallstudie strukturiert und differenziert. Wie aus der Bedeutung des Wortes „Wald“ folgt, spielt der Begriff „Baum“ eine der wichtigsten Rollen in der Kategorie **Wald** und in der lexikalischen Kategorisierung des Waldes relevant.

Die Wortgruppe **Baum** besteht aus lexikalischen Einheiten, die semantisch besondere Kriterien oder Merkmale haben, durch denen wir den beschreibenden Objekt als „Baum“ wahrnehmen und identifizieren können. Lexikalische Analyse wurde gezeigt, dass das Wort Baum folgende Bedeutung hat:

Baum ist *größtes und stärkstes Gewächs auf unserer Erde mit einem einzigen Stamm mit Zweigen, die Blätter oder Nadeln tragen, und mit einer Krone*. (vereinigt aus Duden, Langenscheidt, Wahrig Wörterbuch).

Diese vereinigte Bedeutung des Wortes zeigt, dass die Wortgruppe **Baumschicht**¹ (Kap. 2.2, S. 8) die Merkmale „Stamm“, „Blätter oder Nadel“, „Krone“, „Zweig“ hat.

Im zu erforschenden Buch haben wir Worte, die wegen ihrer Semantik einige von obengenannten Merkmalen haben, z. B. **Birke** — *Laubbaum mit weißer, abblätternder Rinde und hellgrünen, doppelt gesägten Blättern und als Kätzchen wachsenden Blütenständen* (Duden Online), **Erle** — *besonders an feuchten Stellen wachsender Baum oder Strauch mit rundlichen, am Rande leicht gelappten oder gesägten Blättern, Blüten in Kätzchen und rundlichen, verholzenden Fruchtzapfen* usw. Manchmal wird die Wortbedeutung durch andere Worte beschreibt, die schon zu beschreibende Gruppe gehört. Zum Beispiel im Duden-Wörterbuch das Wort „Espe“ durch das Wort Pappel beschreibt:

Pappel — *zweihäusiger, zu den Weidengewächsen gehörender Laubbaum mit weichem Holz, der einen hohen, schlanken Stamm hat, Kätzchen trägt und dessen Blätter herzförmig bis eiförmig sind; Espe* — *Pappel mit runden Blättern, die im Wind sehr leicht in Bewegung geraten; Zitterpappel; Fichte* — *zur Gattung der Pappeln gehörender Laubbaum, dessen Blätter durch die hochkantige Stellung des Blattstiels beim leisesten Luftzug ins Zittern geraten, Zitterpappel*².

Solche Beziehungen zwischen den obengenannten Wörtern zeigen, dass sie bestimmte ähnliche äußere Charakteristik haben, die, einerseits, Beschreibung der einen Objekt durch anderen ermöglicht und, andererseits, sie eine Reihe des Unterschiedes haben. Das spricht darüber, dass diese Worte sich in diesem Fall in eine „Stufe“ der lexikalischen Hierarchie befinden.

¹ Hofmeister H. Ökologie der Wälder/Heinrich Hofmeister; Gerd Nottbohm. – Stuttgart; Jena; New York: G. Fischer, 1995. – S. 8.

² Duden Deutsches Universalwörterbuch//hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, S. 435, 216, 381.

Im zu erforschenden Buch betrachtet Heinrich Hofmeister den Waldesraum als ein hierarchisch strukturierter Lebensraum. Dazu benutzt er das Wort „**Schichtung**“. Nach seiner Bedeutung, *Schichtung* ist Gestaltung, Aufbau, Anlage in Schichten¹ (Hofmeister 1995: 13) was beweist schon über eine bestimmte Struktur, und Bedeutung des Wortes **Schicht** (*in flächenhafter Ausdehnung in einer gewissen Höhe über, unter oder zwischen anderem liegende einheitlichen Masse*) zeigt, wie sich die Objekte bei Schichtungsstrukturierung aufgestellt werden. Das heißt, wegen dieser Bedeutung können wir Schichtung als einer Art von Hierarchie betrachten:

„Besonders ausgeprägt ist die **Schichtung** in lichten Mischwäldern. Unter eine obere, oft mehr als 30 m hohe **Baumschicht** sind häufig noch eine untere Baum- und eine **Strauchschicht** vorhanden. Darunter breitet sich die **Krautschicht** aus, die man nach der verschiedenen Wuchshöhe von Kräutern, Grasartigen und Farnen noch untergliedern kann. Die **Moosschicht** wird von Moosen, Flechten und Pilzen gebildet. Dem oberen Stockwerkaufbau entsprechend gibt es auch eine unterirdisch Schichtung (**Wurzelschicht**)“².

In diesem Absatz beschreibt der Autor den Wald als eine Schichtstruktur. Solche Worte wie *ober*, *unter* zeigen, wo in dieser Struktur bestimmte Schichtung liegt (obere Baumschicht, untere Baum- und eine Strauchschicht, oberen Stockwerkaufbau). Auch es gibt hier das Wort **ausbreiten**, das gibt die Ausdehnung einer Fläche in seitlicher Richtung an (üblicherweise in Richtung *rechts/links* oder *links/rechts*). Das spricht über nicht nur horizontale, sondern auch auf vertikale Raumstrukturierung.

Interessant ist die Lage verschiedenen Wälder im Raum. Der Autor schreibt, dass man biologisch die Waldstypen sich wegen der Lage im Naturraum unterscheiden kann. Das kommt auf Höhenanlage des Waldes an. Selbst das Wort *Höhenanlage* spricht über besondere Stelle des Objekts im Raum. So, Heinrich Hofmeister unterscheidet sich folgende Expositionen für Wald: *Planare Stufe* — *Flachland*; *Colline Stufe* — *Hügelland*; *Montane Stufe* — *Bergwaldstufe*; *Subalpine Stufe* — *Krummholzstufe*; *Alpine Stufe* — *Mattenstufe*³.

Schon von den Namen der Expositionen kann man bemerken hierarchische Struktur der Waldanlage. Darüber beweist das Wort **Stufe** (*(Geologie) nächstfolgende Untergliederung einer Abteilung*⁴).

¹ Duden Deutsches Universalwörterbuch//hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, S. 435, 216, 381.

² Hofmeister H. Ökologie der Wälder/Heinrich Hofmeister; Gerd Nottbohm. – Stuttgart; Jena; New York: G. Fischer, 1995. – S. 18.

³ Ebenda, S. 14.

⁴ Duden Deutsches Universalwörterbuch//hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, S. 582.

Im zu erforschenden Buch gibt es viele Wörter, die nicht nur eine Erscheinung, sondern auch die Lage dieser Erscheinung oder Objekte bezeichnen und beschreiben.

Beispielsweise solche Worte wie *Kronendach*, *Waldesinnere*, *Waldboden*, *Waldbodenpflanzen*, *Blattoberfläche*.

Das Wort **Kronendach** zeigt die Lage dieses Objekts im Waldesnaturraum, weil das Wort *Dach* in seiner Bedeutung das Merkmal „oberer Abschluss“¹ hat. Das Wort *Blattoberfläche* hat schon in seiner Semantik das Merkmal „ober“. Im Gegenteil markiert das Wort *Waldboden* die Fläche, die „das Unterste von etw“² ist. Das heißt, dass *Waldbodenpflanzen* ist einen Art von Pflanzen, den unterer als anderen wächst.

Im Kapitel 2.4.3. geht es um Arten des Bodens, auf dem einen Wald wachsen kann. Der Autor benutzt ein Bild für die Beschreibung dieser Arten mit Unterschrift, in denen die bestimmten Bodenschichten beschrieben werden, wie *Organische Auflage*, *Oberboden*, *Unterboden* und *Untergrund*. Interessant ist das Wort *Auflage*. In diesem Fall bedeutet dieses Wort „*Unterlage, Stütze, auf der etwas aufliegt*“³. Präposition *auf* markiert immer „*etwas, was oben liegt, der Lage, des Aufenthalts in einem Raum*“, deshalb wir den Schicht *Organische Auflage* als am obersten definieren können. In anderen Worten steht schon in der Semantik der Raumanlage.

Zusammenfassend kann man festlegen, dass die Lexik, die Objekte im Waldesraum markiert, hierarchisch Strukturiert wird und meistens horizontal wahrnimmt und differenziert wird.

Referenz:

1. Арутюнова Н. Д. Антропологическая лингвистика: концепты, категории. – Иркутск: Институт языкознания РАН, 2003. – 252 с.
2. Безукладова И. Ю. Категоризация индивидуального пространства как способ структурирования окружающего мира // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – Вып. VII. – С. 75–79.
3. Duden Deutsches Universalwörterbuch // hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
4. Hofmeister H. Ökologie der Wälder / Heinrich Hofmeister; Gerd Nottbohm. – Stuttgart; Jena; New York: G. Fischer, 1995. – 100 S.

¹ Duden Deutsches Universalwörterbuch // hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, S. 214.

² Ebenda, S. 112.

³ Ebenda, S. 73.

Tarasova Yelena Vladislavovna,
 Kharkov humanitarian university "People's Ukrainian Academy",
 associate professor of the English Chair, PhD (Linguistics),
 associate professor
 E-mail: otarasova1@mail.ru

Speech accommodation theory as a methodological framework for exploring interactive discourse

The purpose of this paper is to give an outline of the parameters of Speech Accommodation Theory (further abbreviated as SAT) as a profitable framework for elucidating the discursive mechanics underlying variability in discourse, interactive discourse in particular. The central concern of SAT is with the immediate ecology of face-to-face communication. Two emphases in this perspective are especially relevant: on *the situated character of social interaction* and on *the relations between participants* in a situation where listeners influence speakers and vice versa. In barest outline, SAT¹ is a social psychological model that explains and predicts inter-individual communication behaviors and their effects. In other words, depending on particular motivations for talk and interactional goals, speakers will select from a range of verbal (and non-verbal) strategies, having attended to or anticipated their recipient's productive performance. The strategies, usually referred to as those of **approximation**, include:

speech convergence, whereby individuals adapt to each other's speech as they perceive (or envisage) it over a potentially wide range of communicative features and levels;

speech divergence, the process by which speakers may accentuate believed linguistic differences between themselves and others;

speech maintenance, an attempted strategy of non-convergence/non-divergence which can itself signal significant interpersonal meanings.

An extension to the existing SAT paradigm was proposed by Coupland and Coupland² in their stimulating case study of intergenerational talk in which they complemented the SAT model with the novel attuning dimensions of *over-*, *under-*, and *contra-accommodation* — concepts which relate to participants (both speakers

¹ Giles H. Contexts of accommodation. Oxford: Blackwell, 2010. – 332 p; Littlejohn S.W., Foss K. A. Evaluating communication theory. Encyclopedia of Communication Theory. SAGE Publishers, Inc. 2009. – P. 218–244; Sreat, R. L. & Giles, H. Speech accommodation theory: A social cognitive approach to language and speech behavior. In M. E. Roloff & C. R. Berger (Eds), Social Cognition and Communication. Beverly Hills: Sage, 1982. – P.193–226.

² Coupland N., Coupland I. Ageing, ageism, and anti-ageism: moral stance in geriatric medical discourse//“Language and Communication in Old Age: multi-disciplinary perspective”. New-York, Garland. 1987. – P. 177–208.

and recipients) evaluation of each other's performance. These added advantageous pragmatic tools reinforced SAT's interactive addressee's focus and enhanced its explanatory power applicable now not only to the speaker's productive performance but also to the interlocutor's receptive competence.

In our view, a special validity of SAT consists in that illustrates the heuristic and pragmatic potential of a synergistic approach to speech communication based on the principles of functional units (subsystems) operating in materially embedded ecological settings. A core component of this approach is the concept of a self-organizing system conceived of as "an aggregate of interlocking parts" whose interaction is "triggered by difference"¹. Interaction of parts, though, is not enough, as there is always a larger system (macro-system) of which the given aggregate is only a part. In synergistic thinking, non-linear, open entities — "dissipative"² or "autopoietic"³ systems, are not isolated entities: systems are linked to other systems, they exist in an environment from which they draw essential nourishment and to which they return the extrusions of their internal life⁴.

An understanding of patterns of adaptation is therefore essential for understanding communication and its role in social processes and we are convinced that insights into how the adaptation process works can best be gained by a careful synthesis of concepts and principles from the contemporary theories integrating a synergistic system-in-environment perspective with a communicative focus.

Although adaptation is present in all interactions, one way to explore the nature and impact of adaptation is to examine communicative situations where adjustment and accommodation may be difficult to manage. *International business negotiation* (IBN) represents one such type of situation which has been chosen here as a specific example of field work to illustrate how the synergistic principles outlined above, work out in the concrete circumstances of communication. IBN is a unique interactive activity whose mechanisms are not yet fully explained. It is certain, however, that the aspect of accommodation is more important here than anywhere else because this kind of international activity inherently requires co-participation of communicators.

Naturally, communication is the life-blood of IBN vital in developing cooperation, forming alliances, and de-escalating conflict in the hope of fostering healthy business relations. In short, communication tops the list of factors crucial to IBN success. Negotiation is a bargaining process wherein two or more parties attempt to agree "what

¹ Taylor, J.R. The "rational" organization reconsidered: an exploration of some of the organizational implications of self-organizing/"Communication Theory", N 11/2, 2001. P. 103.

² Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man's new dialogue with nature. – Toronto, New York, NY: Bantam Books, 1987. – 349 p.

³ Taylor, J.R. The "rational" organization reconsidered: an exploration of some of the organizational implications of self-organizing/"Communication Theory", N 11/2, 2001. – P. 137–177.

⁴ Ibid.

each shall give and take or perform and receive in a transaction between them¹. As a give-and-take process in which each party can influence and accommodate, IBN provide a particularly interesting area in which to examine patterns of adaptation and adjustment.

Two basic assumptions serve as the springboard for synergistic thinking the about IBN. First, because negotiation is dynamic and interactive, processes and outcomes are mutually determined. Interdependence characterizes negotiation in that negotiators must obtain the opponent's cooperation to reach a suitable agreement. That is why adaptation becomes, perhaps, the most essential feature of IBN. Intercultural negotiators, especially, implicitly understand that insistence on their own negotiating styles may jeopardize agreement. To avoid that consequence, each will adapt somehow to his/her opponent. Second, negotiators must be aware of and attuned to a number of other exterior circumstances that shape business interaction, such as organizational considerations, societal (political and economic) constraints, or "how agreements are built (bottom up or top-bottom)"². IBN "contextualization" by surrounding environment has been conceptualized by Fayerweather and Kapoor in their original "centric-rings model"³. In this model each set of constraints to be considered as the negotiator selects strategies are represented by surrounding circles. The most immediate ring encompasses "the four Cs": criteria, compromise, conflicting interests, and common interests. The next ring represents pressures, preplanned strategies, available communication channels, operational goals, respective legal systems, and perceived roles. The set of other questions about this part of the negotiating environment for the negotiators to take into account before taking action at the negotiation table, would include such factors as home advantage, bureaucracy, political system and ideologies. Testing "contextuality" would also require a complex enough set of controls and variables, such as power distance, sensitivity to time, emotionalism, risk-taking, and environmental factors, such as economic character and governmental controls. The outer ring, consequently, represents the individual perspective.

Consistent with the synergistic assumptions of interdependence and mutual accommodation is also Weiss's⁴ **RBC** model that represents links among the three

¹ Putman, L. L, Wilson, S.R. Argumentation and bargaining strategies as discriminators of interrogative outcomes// "Managing Conflict: An Interdisciplinary Approach", Toronto, New York, NY: Bantam Books, 1989. – P.121–141. P. 129

² Drake, L. E. Negotiation styles in intercultural communication// "International Journal of Conflict Management", v.6, #1, 1995. P. 82

³ Fayerweather J., Kapoor A.N. An study about factors influencing cross-cultural negotiations in international business// "International Journal in Business Management and Entrepreneurship", vol. VI, 2015. – P. 64–83.

⁴ Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences In Work-related Values. Beverly Hills, CA: Sage. 1980. – 317 p.

basic components of IBN across relevant levels — interpersonal, inter-organizational, and intra-organizational. The **R** refers to “relationships”, symmetric or asymmetric connections between negotiators, members of negotiation teams, or organizations who negotiate through agents. Encompassed into relationship category are common interests, power, trust, and perceptions. **B** refers to “behaviors” — actions directed toward or affecting another party. Included in this category are information processing, judgment and decision making, planning, verbal styles, concession making, etc. **C** represents “conditions”, i. e. the circumstances surrounding, stimulating, restricting or modifying the negotiation: specific events, available communication channels, political and economic environments, legal systems, etc.

Scholars have only recently begun to assess the strength with which culture affects IBN, as compared with contextual, structural and other features of business negotiations environment. It has been well documented, however, that culture and national character comprise a range of values, preferences, and behaviors that differ across cultures¹.

In view of this fact and the importance of the IBN phenomenon in general, there is a need to more carefully examine the nature and magnitude of adjustments that occur across different cultures and other environmental conditions, as at present we still know little about how negotiators react strategically to others or about the relationship between accommodation and successful outcomes. One potentially valuable perspective within the broad synergistic paradigm, which so far has not been applied to international BN research, is SAT — a context/environment-sensitive theory of language use which can explicitly address the issue of negotiator adaptation.

One undeniable strength of the theory is that it accounts for the concrete strategies of adaptation. Some versions of SAT² identify them as approach, avoidance, reciprocity, and compensation. Others³ distinguish between speech convergence, divergence and maintenance regarded collectively as strategies of approximation. Still

¹ Gallois, C., Giles, H., Jones, E., Cargile, A., & Ota, H. Accommodating intercultural encounters: Elaborations and Extensions//“Intercultural Communication Theory” R. Wiseman (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.P., 1995. – P. 115–147; Gudykunst, W.B. Cultural variability in communication//“Communication Research”, N24, 1997. – P. 327–348; Hofstede, G. Culture’s Consequences: International Differences In Work-related Values. Beverly Hills, CA: Sage. 1980. – 317 p.

² Coupland N., Coupland I. Ageing, ageism, and anti-ageism: moral stance in geriatric medical discourse//“Language and Communication in Old Age: multi-disciplinary perspective”. New-York, Garland. 1987.– P. 177–208; Giles H. Contexts of accommodation. Oxford: Blackwell, 2010. – 332 p; Schwartz B.D. On explicit and negative data effecting and affecting competence and linguistic behavior//“Studies in Second Language; Acquisition” N 15.2, 1993. – P. 147–163.

³ Gallois, C., Giles, H., Jones, E., Cargile, A., & Ota, H. Accommodating intercultural encounters: Elaborations and Extensions//“Intercultural Communication Theory” R. Wiseman (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.P., 1995. – P. 115–147; Giles H. Contexts of accommodation. Oxford: Blackwell, 2010. – 332 p.

others¹ prioritize interpretability, discourse management, and interpersonal control. But one way or other, one thing seems certain: more substantial research is needed to examine the effects of such strategies. Also, the SAT perspective will, undoubtedly, help to illuminate such a critical issue as culture's effect on communication processes in negotiation as well as provide communication scholars the opportunity to regroup and set a course for further study in this fascinating interdisciplinary area.

*Chukenaeyeva Gulim,
Zhetysu State University after named
I. Zhansugurov, PhD student,
E-mail: Chukenaeva@mail.ru*

Theoretical foundations of ekolinguistic monitoring

*Чукенава Гулим Толеуовна,
I.Жансүгіров атындағы
Жетісу мемлекеттік университеті, докторант
E-mail: Chukenaeva@mail.ru*

Эколингвистикалық мониторинг жүргізудің теориялық негіздері

Адам баласы пайда болғаннан бері әр ұрпақ өздері ойлап тапқан және уақыт өте қалыптасқан материалдық және рухани мәдениеттегі жетістіктерін келесі буынға мұра ретінде қалдырып отырды. Бабалардан қалған мұндай ұлттық асыл құндылықтың бірі — тіл. В. Гумбольдт айтқандай: «Ұлттың өзіне тән, іштей дамитын рухы бар, сол рухтың ерекшелігін сыртқа шығарып, сақтап, ұрпақтан-ұрпаққа беруші күш — тіл»². Тіл — «әр халықтың тарихи-мәдени ұлы мұрасын өз бойында «ғаламның тілдік бейнесі» негізінде сақтаушы, жеткізуші және танытушы қазынасы»³. Бабаларымыз бізге аманат еткен ана тіліміздің қазіргі күйі қандай? Біз оны келер ұрпаққа нендей жағдайда тапсырамыз? Бұл сұрақтар бүгінде лингвистиканың тіл экологиясы бағытын ұстанушылардың зерттеуіне өзек бо-

¹ Coupland N., Coupland I. Ageing, ageism, and anti-ageism: moral stance in geriatric medical discourse//“Language and Communication in Old Age: multi-disciplinary perspective”. New-York, Garland. 1987. – P. 177–208; Coupland, N. and Giles, H. Communicative accommodation: recent developments// «Language and Communication», N 8 (3, 4), 1988. – P. 175–327.

² Гумбольд В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. –456 с. – 349 с.

³ Манкеева Ж. Тілдің адамтанымдық үрдісі.//«Қазақ әдебиеті» газеті, № 22 (3238), 2013. writers.kz

лып отыр. Тіл байлығын бұлайша зерттеу қағидасының дәстүрлі тіл білімінен ерекшелігіне сай академик Ә.Қайдар зерттеушіні бұл арада «тіл тамыршысы» бола білуі керек деп санайды. Ол міндет ең алдымен эколингвистикалық мониторинг жүргізудің теориялық негізін қарастыруды талап етеді. Э. Хаугеннің айқындауынша тіл экологиясының пәні — «кез келген тіл мен оны қоршаған ортасының өзара қатынасы»¹. Мұндағы тілдік орта деп отырғанмыз «қоғам мүшелерінің тілдік санасының қалыптасуына ықпал ететін, тілдік жүйенің жай-күйі мен сол тілді қолданудың қоғамдық-тілдік тәжірибесі, тілдің қоғамдағы болмысына, оның дамуы мен қызмет етуіне әсер ететін экономикалық, идеологиялық, мәдени, әлеуметтік-психологиялық, этнопсихологиялық факторлардың жиынтығы»². Тіл эколингвистиканың аясында қатысымды жүзеге асырушы қайнар көз, яғни белсенді қолданысқа түсу арқылы тілдік орта құру мүмкіндігіне ие ресурс ретінде қарастырылуға тиіс. Тілге жан бітіретін сол тілді тасымалдаушы, себебі ол тілді тек қарым-қатынаста пайдаланушы ғана емес, ол — тілдің бар мүмкіндігін, әлеуетін қаншалықты пайдалану қажеттігі жайлы шешім қабылдаушы. Тілдің құнарын сақтап, келесі ұрпаққа жеткізудің бірден бір жолы — оның әлеуетін толық әрі орындай, белсенді және қарқынды түрде пайдалану. Осы орайда тілдің қазіргі жағдайын анықтап, тіл саясатына өзгеріс енгізу, оған қатысты кезек күттірмейтін шешімдер қабылдау тікелей эколингвистикалық мониторингке негізделеді. «Мониторинг дегеніміз — қоршаған табиғи орта жағдайының антропогендік факторлардың әсер-ықпалы нәтижесінен өзгеруін болжау мен бағалаудың, бақылаудың кешенді жүйесі»³. Мониторинг: белгілі бір саладағы маңызды мәселелер бойынша жүйелі және үздіксіз ақпарат жинау әрекеті; белгілі бір жүйе, оның элементтері жайлы сараптама жасауға мүмкіндік беретін мәліметтерді жинау, өңдеу, сақтау және тарату жүйесі; нақтылау және түзету енгізу үшін жүзеге асырылатын процестің жағдайын, дамуын ғылыми негізде үздіксіз қадағалау жүйесі⁴.

Тілдік ортаға жүргізілетін мониторинг дегеніміз — арнайы ұйымдастырылатын, тұрақты түрде немесе ұзақ уақыт бойы қолданылатын экстралингвистикалық және лингвистикалық ақпараттар жинау және талдау, нақты таңдалған аймақтағы тілдің даму үрдісін, жағдайын бағалау және қосымша ақпараттық-сараптамалық зерттеу (тұрғындардан сауалнама алу және т. б.) жүйесі. Жоғарыда келтірілген тұжырымдарды негізге ала отырып біз мониторингті «мониторинг — талдау — стратегияға өзгеріс енгізу — мақсатқа қол жеткізу» жүйесінің бастапқы сатысы

¹ Haugen E. The Ecology of language. – Standford: Standford University Press, 1972. – P. 325. – P. 32.

² Уәли Нұргелді. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері. Филол. ғыл. докт. дисс. автореф. – Алматы, 2007. – 16б.

³ Мониторинг. /<https://kk.m.wikipedia.org/wiki>

⁴ Білім беру сапасының мониторинг жүйесі / erkin.ucoz.kz/Статья

ретінде қарастырамыз және оған екі түрлі міндет жүктейміз: а) аймақтағы тілдік үдерістерді сипаттайтын фактілерді жинақтау; ә) әлеуметтік-лингвистикалық және лингвистикалық мәліметтерді талдау және түсіндіру. Қазақ тілінің қазіргі жаһандану заманында әлем тілдерінің кеңістігінде, сондай-ақ еліміздегі жүзден аса өзге ұлттар тілімен іргелес тіршілік етуі барысында жүріп жатқан үдерістеріне мониторинг жүргізу тілдің болашақ даму бағдарын айқындауға жол ашады. Тілдік ортаны осылайша зерттеу аймақтағы қазақ тілінің және өзге тілдердің қоғамның әр алуан сатысында, өзара әрекет, өзара ықпал ету жағдайында қатынас құралы қызметін орындауына әділ баға беруге тиіс. Ол үшін зерттеу шараларын ретке келтірудің оңтайлы формасы алгоритм пайдаланылады.

«Алгоритм — бұл белгілі бір нысандарға қатысты жүзеге асырылатын әрекеттердің реттілігін анықтайтын және соңғы кезеңнен соң қойылған мақсатқа қол жеткізуге мүмкіндік беретін ережелердің қатаң жүйесі¹. Біздіңше, алгоритм — қажетті нәтижеге қол жеткізуді көздейтін, нақты тұжырымдалған нұсқаулықтар. Ал эолингвистикалық зерттеулер аясында алгоритм эолингвистикалық кластерді анықтау зерттелетін параметрлер үшін айнымалылар мәнін бекіту, эолингвистикалық тепе-теңдікті тұрақтандыруға арналған іс-шараларды белгілеу үшін өзекті мәселелерді айқындау арқылы аймақтағы жалпы әлеуметтік-мәдени жағдайды бағалауға бағытталған, зерттеу шараларының ретін ұйымдастыру ережесі болып табылады. Мұндай зерттеудің алгоритмі төменде ұсынылған логикалық құрылымдардың талаптарын қанағаттандыруы тиіс:

— дискреттілік — алгоритм белгілі бір реттілікке негізделген қарапайым қадамдарды орындай отырып, қойылған міндеттерді шешу үдерісін қамтуға, яғни жекелеген эолингвистикалық параметрлер бойынша мәліметтер алуға тиіс.

— анықтық: зерттеу барысына бөлінген уақыттың әр сәтінде жұмыстың келесі қадамы жүйенің жағдайына қарай анықталады;

— түсініктілік — алгоритм бастапқы мәліметтерді пайдаланып жүзеге асыруға болатын іс-әрекеттерді ғана қамтуы керек;

— аяқталғандық — бастапқы мәліметтер дұрыс болған жағдайда орындалған алгоритмнің соңғы қадамы соңғы нәтижеге қол жеткізумен аяқталуға тиіс;

— бұқаралылық — алгоритм бастапқы мәліметтердің кез келген жиынтығына қолданылатын, яғни эолингвистикалық параметрлер мәнінің үйлесіміне тәуелсіз түрде дұрыс нәтиже шығаруға мүмкіндік беруге тиіс;

— нәтижелілік — алгоритмнің анықталған нәтижемен аяқталуы.

Жоғарыда аталғандай аймаққа жүргізілетін эолингвистикалық мониторинг жекелеген параметрлер бойынша мәліметтер алу барысында жүзеге асады.

¹ Шамне Н., Шовгенин А. Теоретические основы построения алгоритма эолингвистического мониторинга // Вестник Волгоградского университета. Серия Языкознание. 2010. № 2 (12). – С. 154.

Эколингвистикалық параметрлерге мыналарды жатқызуға болады: а) модельделетін жүйені сипаттайтын шартты тұрақты көрсеткіш (сандық немесе сапалық), ол аталған жүйенің басқа жүйеден ерекшелігін көрсетеді; ә) аймақтың эколингвистикалық кеңістігін, оның құрылымын, жағдайын сипаттайтын өлшенетін шама¹. Аймақтың тілдік ортасына эколингвистикалық мониторинг жүргізуде айнымалының сандық және сапалық сияқты екі түрі қолданылады. Сандық айнымалылар санмен өрнектеледі және математикалық статистика аясында өңделеді. Ал сапалық айнымалылар нәтижені өңдеуде қиындық тудыруы мүмкін, себебі олардың сандық мәні болмайды. Сапалық айнымалылардың мәні мәтіндік сипаттау, бейне немесе басқа да оның мағынасын ашатын тәсіл болуы мүмкін. Мониторинг мәліметтері сипаттама, диаграмма және кесте түрінде беріледі. Мәселен, грамматикалық құрылымдар, жаргон, слэнг сөздердің қолданысы, фразеологизмдердің мәнін түсіну, тілдік жағдаятқа көзқарас т.б. бойынша мониторинг жүргізілуі мүмкін. Жүргізілген мониторинг нәтижесінде аймақтың эколингвистикалық жүйесін тұрақтандыруға бағытталған іс-шаралар айқындалып, ұйымдастырылады. Қазақстан — тілі, мәдениеті мен діні, салт-дәстүрі әр алуан жүз жиырмадан астам ұлттың басын қосып, бейбітшілік пен келісімді ту етіп отырған мемлекет. Қазақ тілі рухани және ұлттық бірліктің негізгі күші бола отырып, кез келген диаспора өкілін қатысымдық әрекетке жұмылдырады. Сонымен қатар, Қазақстанда әр ұлттың өз ана тілінде сөйлеуіне, шығармашылықпен айналысуына, тәрбие, оқу жұмыстарын жүргізуіне құқық берілген. Еліміздегі диаспоралар қатысымында кездесетін әртүрлі тілдердің үйлесімі оны тасымалдаушыда билингвизмді немесе көптілділікті қалыптастыруы мүмкін. Осыған байланысты аймақтағы өзара тілдік ықпалдастықта жүзеге асатын лингвистикалық, экстралингвистикалық үдерістердің эколингвистикалық мәнін түсіндіруде тілдің әлеуметтік-лингвистикалық кеңістігі жайлы мәселе туындайды. Тілдің әлеуметтік-лингвистикалық кеңістігі дегеніміз — аясында жеке тұлғалардың тіршілік әрекеті жүзеге асатын және басқа жеке тұлғалармен қатысымға түсетін әлеуметтік институттардың жиынтығы². Әлеуметтік институттардың қамтитын ауқымы кең, сондықтан оларды мониторингілеу нәтижесінде алынған мәліметтер негізінде аймақтағы эколингвистикалық тұрақтылықты қалыптастыруға бағытталған тиімді шараларды нақты белгілеу мүмкін емес. Осыдан тілдік кеңістікті белгілі бір әлеуметтік институт аясында жіктеп қарастыру немесе кластерге бөлу қажеттігі туындайды. Зерттеу жүргізілетін кластер мұндай шараларды жүзеге асыруға мүмкіндік беретін әлеуметтік жүйе аясында біріктірілген адамдар

¹ Шамне Н., Шовгенин А. Теоретические основы построения алгоритма эколингвистического мониторинга // Вестник Волгоградского университета. Серия Языкознание. 2010. № 2 (12). – С. 156.

² Шовгенин, А. Н. Социоллингвистическое пространство контакта русского и немецкого языков. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2007. – С. 77–83.

тобы болуға тиіс. Тілдік кеңістік еңбек ұжымдары немесе білім беру салалары (мектеп, колледж, ЖОО) бойынша жіктелуі мүмкін. Эколингвистикалық жүйеде айқындалған міндеттерге сәйкес адам әр алуан рөлде: тілдегі өзгерістердің қайнар көзі, өзгерістерді тасымалдаушы және өзгерістерді жоюға қабілетті, әлеуетті субъекті рөлінде қарастырылады. Эколингвистикалық мониторингті мұндай тәсілмен ұйымдастыру төмендегідей жұмыс түрлерін орындауды көздейді: тілдегі өзгерістерді (лексикалық, фонетикалық, грамматикалық деңгейдегі, тілдік қолданыстардағы өзгерістер) тіркеу; өзгерістердің өз күшінде болуы (тұрғындар санының өсуі/азаяуы, экономиканың өсуі/төмендеуі; технологиялық, саяси және экономикалық құрылымдар, сондай-ақ жеке тұлғаның қабылдауы, қажеттіліктері және т. б.); жаңадан туындаған өзгерістердің ықпалы (мысалы, білім деңгейінің өсуі/төмендеуі, әлеуметтік мінез-құлық); эколингвистикалық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру бойынша жүзеге асырылуы мүмкін шаралар (құқықтық реттеу, орын алған өзгерістердің қабылдану дәрежесіне әлеуметтік тұрғыда ықпал ету). Мұндай зерттеудің мақсаты тілдегі әлі де көз күшіндегі өзгерістер мен оның тілге ықпалының салдары арасындағы тәуелділіктен, сондай-ақ орын алып отырған өзгерістерге қайтарылған жауап сипатын анықтаудан нәтиже шығаратын тілдегі өзгерістердің саны мен сапасын анықтау болып табылады. Әлі де өз күшіндегі өзгерістерге тұрғындар санының өсуі/азаяуы, экономиканың өсуі/төмендеуі, технологиялық, саяси және экономкалық құрылымдар, жеке тұлғаның қажеттіліктері т. б. жатады. Демек, біз тілдің тұрақтылығына эколингвистикалық баға берудің негізін құрайтын бір-бірімен диалектикалық түрде өзара байланысты әлеуметтен тыс, әлеуметтік және әлеуметтік-лингвистикалық айналымы барды анықтаймыз. Алынған нәтижелерді талдау эколингвистикалық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру бойынша қажетті іс-шараларды (құқықтық реттеу, қоғамдық пікір тудыру арқылы орын алған өзгерістердің қабылдану дәрежесіне әлеуметтік ықпал ету) ұйымдастыруға мүмкіндік береді. Осы тұжырымдама аясында эколингвистикалық мониторинг жүргізу шараларын орындаудың алгоритмін ұсынамыз:

I. Анықталған айналымы бар үшін мәліметтер жинау және өңдеу: 1. әлеуметтен тыс айналымы бар; 2. әлеуметтік айналымы бар; 3. әлеуметтік-лингвистикалық айналымы бар.

II. Эколингвистикалық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру бойынша іс-шараларды айқындау және ұйымдастыру. Тілге эколингвистикалық мониторинг жүргізу бірінші кезең аясында жоғарыда аталған айналымы бар үшін мәліметтерді жинау және өңдеу арқылы жүзеге асырылады. Бұл алгоритмде дискреттілік талабы эколингвистикалық зерттеудің пәнаралық сипатынан туындайды, ол үшін әлеуметтен тыс, әлеуметтік және әлеуметтік-лингвистикалық айналымы бар қарапайым болып табылады, өйткені олардың құрылымы мониторинг жүргізілген сәтте шектес ғылымдар — статистика, политология, әлеуметтану,

лингвистика және т. б. арқылы анықталады. Алгоритмнің анықтығы, түсініктілігі, аяқталғандығы және нәтижелілігі айнымалылардың мәнін алу үшін нақты жағдайға қарай қолданылатын әдістермен қамтамасыз етіледі. Бұқаралылық талабы аталған алгоритмнің кез келген эволюциялық кластерді зерттеуге қолдануға болатындығымен қамтамасыз етіледі. Тілдік орта бойынша эволюциялық мәліметтердің өзегін қалыптастыруға мүмкіндік беретін тағы бір көрсеткіштер топтамасы: тілдік жүйе; экономикалық жүйе; саяси жүйе және институттар; тұрғындардың әлеуметтік қабаты; артықшылық және болжам; жинақталған білім мен тәжірибе; тілде ақпаратты сақтау және коммуникативтік технологиялар; әлеуметтік-лингвистикалық жағдай болуы мүмкін. Мұндай зерттеудің мақсаты тілдік ортадағы эволюциялық тепе-теңдік жағдайын бағалау үшін белгіленген айнымалыларды жеке-жеке сипаттаудан тұрады. Қарастырылған тұжырым аясында эволюциялық мониторингтің зерттеу шараларын орындаудың алгоритмін ұсынамыз:

I. Анықталған айнымалылар үшін мәліметтер жинақтау және өңдеу:

1. лингвистикалық айнымалы; 2. экономикалық айнымалы; 3. саяси және институционалды айнымалы; 4. әлеуметтік-демографиялық айнымалы; 5. әлеуметтік-психологиялық айнымалы; 6. мәдени-кумулятивті айнымалы; 7. әлеуметтік айнымалы.

II. Тілдің жағдайына ықпал ететін неғұрлым маңызды факторларды анықтау. Мұнда тілге эволюциялық мониторинг екі кезең аясында да жүргізіледі. Бірінші кезең аясында көрсетілген айнымалылар үшін мәліметтер жиналады және өңделеді. Екінші кезең аясында тілдің жағдайына ықпал ететін неғұрлым маңызды факторлар анықталады. Эволюциялық мониторинг мінез-құлықтық қағида бойынша да ұйымдастырылуы мүмкін: мәселені анықтау; мәселеге баға беру; қажетті іс-әрекеттерді (шараларды) айқындау; іс-әрекеттердің (шаралардың) құралдарын, қызметін таңдау және бағалау; нәтиженің сапасын бағалау. Мұнда алынған нәтижелерді тәжірибеде қолдануға, эволюциялық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіруге қатысты іс-шараларды анықтауға және құралдарды таңдауға, қабылданған шаралардың тиімділігін анықтауға бағытталған зерттеу шараларының кешені жүргізіледі. Бұл интеграцияланған және қолданылу аясы кең тәсіл, сондықтан аймақтық тіл саясатын қалыптастыруға негіз болуы мүмкін. Бұл тәсілді жүзеге асыру үшін төмендегі қадамдар ұсынылады:

I. Эволюциялық тепе-теңдік өзгерісін анықтау және эволюциялық айнымалылар мәнін алу үшін мәліметтер жинау және өңдеу.

II. Эволюциялық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру бойынша іс-шараларды тағайындау және оларды ұйымдастыру;

III. Эволюциялық мониторингті қайталау немесе аяқтау арқылы эволюциялық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру сапасын бағалау. Егер

мониторингті қайталау қажет болса I кезеңге қайта ораламыз. Бұл алгоритм аясында эколингвистикалық мониторинг I және III кезеңде жүзеге асырылады. Бірінші кезеңде тілдік ортаға зерттеу жүргізіледі, үшінші кезең алгоритм орындалуының аяқталғандығын білдіреді, қорытынды шығарылады. Ал II кезеңде эколингвистикалық тепе-теңдікті қайта қалпына келтіру шаралары орындалады.

Аймақтың тілдік кеңістігін ұсынылған эколингвистикалық мониторинг арқылы зерттеу қазіргі таңдағы тілдік ортада орын алып жатқан үрдістердің бағыттарын, оған ықпал етіп отырған эксталингвистикалық және лингвистикалық факторларды анықтауға және бірегей тілдік кеңістік қалыптастыруға бағытталған тәжірибелік шаралар жүйесін жасауға мүмкіндік береді.

Section 8. Philosophy

*Bondarenko Natalia Grigorievna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, the Head of Department of social humanities
of Law of the Institute of service, tourism and design (branch)
FGAOU VPO «North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk*

*Bunina Aksana Fedorovna,
Candidate of sociological Sciences, Associate Professor
of criminal law and procedure department of the Institute
of service, tourism and design (branch) FGAOU VPO
«North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk
E-mail: 425257@mail.ru*

*Vasilyeva Inna Anatolyevna,
Candidate of sociological Sciences, Associate Professor
of Department of social humanities of Law of the Institute
of service, tourism and design (branch) FGAOU VPO
«North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk*

*Titenko Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Juridical Sciences Associate Professor
of Department of social humanities of Law of the Institute
of service, tourism and design (branch) FGAOU VPO
«North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk*

Freedom and law in the context of socio-philosophical reflection

*Бондаренко Наталья Григорьевна,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой социально-гуманитарных наук
Института сервиса, туризма и дизайна
Северо-Кавказского Федерального университета
(филиал в г. Пятигорске)*

*Бунина Аксана Федоровна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса Института сервиса,
туризма и дизайна Северо-Кавказского
Федерального университета (филиал в г. Пятигорске)
E-mail: 425257@mail.ru*

*Васильева Инна Анатольевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных наук Института сервиса,
туризма и дизайна Северо-Кавказского Федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)*

*Титенко Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса Института сервиса,
туризма и дизайна Северо-Кавказского Федерального
университета (филиал в г. Пятигорске)*

Свобода и право в контексте социально-философской рефлексии

Актуальность данной проблемы обусловлена стремительно изменяющимся миром, который заставляет по иному взглянуть на концепции человека и общества, подвергнуть переосмыслению многие прежние взгляды, казавшиеся очевидными или хорошо доказанными истинами. Необходимость новой теории человека, проблемы его политико-правовой свободы и общества диктуется, прежде всего, потребностями социальной практики, стремительное преобразование которой приобретает все менее управляемый и прогнозируемый характер.

Рост цивилизации основывается на свободе, говорил Ф. Хайек, и если раньше предпосылкой политической теории выступало рабство, то теперь такой предпосылкой очевидным образом является свобода.

Политика и право направлены на непосредственное выполнение витально важных социальных функций, связывающих воедино общество, государство и индивида. В любом случае во внутрисистемной взаимосвязи преобладает силовая социальная детерминация.

Как отмечал Х. Плеснер в «Воле к власти», борьба за превосходство, стремление к господству свидетельствуют о подобного же рода первичном нарушении витального равновесия между организмом и его влечениями. Если искать осуществление в той же сфере, в какой выражается и стремление, то у человека

стремление и осуществление никак не соотносятся между собой¹. Это хорошо понимали классики: еще в «Феноменологии духа» Гегель писал, что рабство противно человеческой природе, но исторически необходимо. Именно с рабством связано «несчастное сознание», идеей которого пронизана вся «Феноменология духа». Прорыв к пониманию природы отчуждения стал возможен благодаря новой форме натурализации морали и права.

Результатом рабства становится отчуждение индивида, как от моральной, так и от нравственной формы общественного сознания. При этом совершенно неважно является ли индивид рабом или рабовладельцем. Это отчуждение никогда не может быть абсолютным или полным, ибо в противном случае рабовладельческое общество не смогло бы породить идею права и привести к существенному развитию правосознания. Политическое сознание — относительно самостоятельная форма властного сознания, проистекающего, в конечном счете, из реального деятельностного личностного отношения рабства и господства.

Гегелевская «феноменология» рассматривает самопорождение человека как процесс, как распремечивание, как самоотчуждение и его снятие. Гегель ухватывает сущность труда и человека как результат его собственного труда.

Рабство и господство присутствуют во всей истории в той или иной форме. Например, стоицизм — это свобода сознания, которая снимает отношения господства и подчинения. С моральной точки зрения, рабство и господство — это одно и то же. Стоическое сознание желает быть свободным как для императора (например, Марк Аврелий), так и для раба в собственном смысле слова (Эпикут). Однако эта свобода является абстрактной, ибо стоик изолирован от жизни, его свобода негативна и предполагает независимость от потребностей, аскетизм. Стоицизм — скрытое рабство по отношению к Государству, поскольку реально стоик не сопротивляется (и не может этого сделать) внешнему насилию, он свободен только внутри своего сознания.

Маркс интерпретировал мысли Гегеля о диалектике рабства и господства в плане деятельностной парадигмы рассмотрения сознания. Он довел свое рассмотрение до материалистического понимания истории, открывая новый абсолют — общественное бытие, по отношению к которому гегелевский «абсолютный» Дух (как субстанция и субъект) сам становится относительным, производным, «определяемым». Относительная самостоятельность сознания и самосознания, по Марксу, — это форма деятельности с вещами природы посредством орудий труда. Тем самым К. Маркс сузил гегелевское понимание рабства и господства. Можно интерпретировать гегелевскую диалектику господства и рабства более широко: как отношения в семье, обучение в системе образования, форму духовности в отношениях верующего и церкви и т. д.

¹ Плеснер Х. Ступени органического и человек. — М:РОСПЭН, 2004. С. 272.

В марксизме, в отличие от гегелевской концепции рабства и господства, абсолютизируется противоречие между рабством и господством. Правда, есть и момент схождения марксизма и гегельянства. Этот момент заключается в том, что принижается значение личности, ее прав и свобод. Свобода, по Гегелю, — это подчинение необходимости. А необходимость выступает в виде государства, осуществляющего абсолютную идею. Отдельный человек, индивидуальность, личность мало интересуют Гегеля. Он крайне пренебрежительно отзывается о причудах и капризах «субъективного духа». Примерно то же мы находим у Маркса, который видит только идеал свободной индивидуальности, но не реальность сегодняшнего дня, не задумывается о практических последствиях теоретической идеи диктатуры пролетариата.

В философии Канта неразрывно связаны закон и свобода. Как считает Адорно, Кант выдвигает гениальную формулу соотношения свободы и закономерности, которая остается актуальной и в наши дни: свобода каждого должна быть ограничена постольку, поскольку она не затрагивает свободу другого человека¹. Действительно, принцип морали и принцип права совпадают.

Демократия как единство свободы и равенства воплощает в себе сознание справедливости, должного.

Демократическое сознание ориентировано, прежде всего, на свободу, автономию, самостоятельность и активность индивидов. Но демократия может быть ориентирована и на равенство. В идеале они сливаются в «свободоравенстве». В реальности же противоречат друг другу. Если это противоречие своевременно не разрешается, оно перерастает в конфликт. Критикуя тоталитаризм, Бердяев заостряет этот момент в своей книге «Философия неравенства». Он пишет: «Между свободой и равенством существует не гармония, а непримиримый антагонизм. Вся политическая и социальная история XIX века есть драма этого столкновения свободы и равенства. И мечта о гармоничном сочетании свободы и равенства есть неосуществимая рационалистическая утопия. Никогда не может быть замирения между притязаниями личности и притязаниями общества, между волей к свободе и волей к равенству»².

Народ, лишенный искусства свободы, будет достигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией. Если он воспримет свободу как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая поведет страну и государство гибели, а потом сменится тиранией — иногда своей, внутренней; иногда иностранной, завоевательной.

¹ Адорно Т. В. Проблемы философии морали/Теодор В. Адорно; Пер. с нем. – М.: Республика, 2000. С. 140.

² Бердяев Н. А. Философия неравенства/Н. А. Бердяев. – М.: ИМА – Пресс, 1990. С. 148.

Право — это прежде всего форма и мера индивидуальной свободы. В самом определении правового сознания следует учитывать его относительную самостоятельность. Очевидно, следует различать понятия права и правосознания, «... правосознание, — пишет Л. С. Мамут, — представляет собой результат отражения (мысленного воспроизведения) права в сознании людей (общества, классов, индивидов), воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредствующих его социальных институтов (государства, законности, правопорядка и др.)»¹. Право «более объективно», чем правосознание. Об объективности права можно говорить лишь с известной долей условности, поскольку оно принадлежит сфере «идеологических», а не материальных отношений.

Право отличается от политики тем, что в нем нет принципиальной противоположности общественного индивидуальному. Но от нравственности его отличает недостаточный, формальный учет индивидуальности.

В определении права должно присутствовать понятие свободы — самое важное для уяснения смысла правовой нормы. Общественное признание автономного субъекта (свободной и ответственной личности) является самым первым началом автономии правового сознания.

Право неразрывно связано с политикой и наоборот. Как считал М. Вебер, политика может существовать только в случае ее легитимизации. К основаниям и факторам, обеспечивающим легитимность, он относил: экономическую эффективность, продуктивность и производительность поддерживаемой политическим порядком системы экономических отношений, ее способность удовлетворять насущные потребности людей; легальность, законность, соответствие ее действий собственным нормам и установлениям; традиции, тождество системы власти той культурной среде, в которой разворачивается ее действие; харизму — веру в особые качества, призвание носителей власти; идеологическое, этическое, психологическое обоснование. Легитимность власти нарушается, если она не способна подчиняться, следовать своим собственным установлениям, нормам, тем правилам игры, которые она сама же и вводит. Поэтому важнейшим аспектом власти служит ее легальность, выражающаяся в ее способности оперировать и руководствоваться законами.

В классовом обществе право выражает волю господствующего класса, как утверждает в марксизме. Но если право едино, то правосознание, по крайней мере, двойственно, ибо в нем отражается антагонизм классов, противоположность их представлений о справедливости.

В настоящее время обостряется проблема личностных прав как разновидности личных прав. Личные (гражданские) права и свободы призваны обеспечивать

¹ Общественное сознание и его формы/Предисловие и общ. ред. В. И. Толстых. — М.: Политиздат, 1986. С. 151.

свободу и автономию индивида как члена гражданского общества, приоритет индивидуальных, внутренних ориентиров развития каждой личности. Государство признает свободу личности в определенной сфере отношений, которая отдана на усмотрение индивида и не может быть объектом притязаний государства.

Итак, если в «доосевую эпоху» (К. Ясперс) человек опирался на мифологию и нравы, то в рациональную эпоху, а особенно в Новое время — на право как продукт «естественного договора», т. е. дело человеческого разума и сознания. Из сферы абсолютного сознание переходит в сферу относительного.

В русской общественно-политической мысли сталкивались крайности в понимании соотношения абсолютного и относительного применительно к праву и правосознанию. П. И. Новгородцев наиболее реалистически подходил к этому вопросу, считая, что право — это способ согласования интересов личности и государства. Он подчеркивал, «насколько важно правильное сочетание понятий абсолютного и относительного в идее прогрессивного развития... Абсолютизм высшей цели вполне уживается с релятивизмом практических средств»¹. Право реализует относительную самостоятельность индивида по отношению к обществу и государству, выражая их суверенность по отношению друг к другу.

Список литературы:

1. Адорно Т. В. Проблемы философии морали/Теодор В. Адорно; Пер. с нем. – М.: Республика, 2000.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства/Н. А. Бердяев. – М.: ИМА-Пресс, 1990.
3. Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания/П. И. Новгородцев. – СПб.: Лань, 2000.
4. Общественное сознание и его формы/Предисловие и общ. ред. В. И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986.
5. Плеснер Х. Ступени органического и человек. – М.: РОСПЭН, 2004.

*Garanina Olga Denisovna,
Moscow State Technical University
of Civil Aviation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
E-mail: odgar@mail.ru*

Social regulation of activity: from motive to action

¹ Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания /П. И. Новгородцев. – СПб.: Лань, 2000. С. 100.

*Гаранина Ольга Денисовна,
Московский государственный
технический университет гражданской авиации,
доктор философских наук, профессор,
E-mail: odgar@mail.ru*

Социальная регуляция деятельности: от мотива к поступку

Решая ту или иную задачу по выбору целей, средств деятельности, человек находится в проблемной ситуации, где он не располагает готовым ответом о способе действий, ни схемой этого действия и вынужден осуществлять поисковую деятельность. Будучи, в конечном счете, обусловлена объективными социальными факторами, поисковая деятельность во многом зависит от индивидуально-личностных характеристик человека, содержания его мотивационной системы. Раскрытие направлений связи социальных требований с мотивационной системой человека означает по существу раскрытие механизмов включения социальных требований в глубинную личностную регуляцию деятельности, позволяет определить функциональную регулятивную нагрузку каждого элемента социальной системы, выполняющего регулятивную функцию по отношению к человеку. Тесная связь внешней и внутренней детерминации деятельности была подчеркнута С.А. Рубинштейном. Классик российской психологии считал, что специфика человеческого существования заключается в «детерминированности через сознание», то есть внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект действия зависит от внутренних свойств субъекта¹. Принцип взаимосвязи внешней и внутренней детерминации, является методологической основой решения проблемы связи социальной регуляции деятельности человека и его мотивационной системы.

Существенной характеристикой мотивации является ее двойственная природа, проявляющаяся в том, что мотив связывает ситуацию, подлежащую регуляции, с общим социальным опытом человека, непосредственное социальное содержание оценивается в мотиве через социальное содержание, ставшее достоянием человека в процессе усвоения им социального опыта. В этом смысле мотивация выступает как важнейший специфически социальный механизм регуляции деятельности, в котором внешние условия преломляются через внутренние. Философский смысл анализа понятия «мотив» заключается в необходимости рассматривать его содержание в связи с социальной ситуацией, объективной по отношению к субъекту, с социальными отношениями, в которых функцио-

¹ Рубинштейн С.А. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – С. 354–355.

нирует личность. Мотивы всегда выступают как отражение в сознании человека реального общественного бытия и степень адекватности этого отражения влияет на характер последующих действий. Содержание мотивации определяет, будет ли деятельность человека соответствовать объективным потребностям, социальной необходимости, причем это соответствие будет тем больше, чем более объективно содержание мотивов, чем больше личное понимание ситуации, определяемое жизненным опытом субъекта, его интересами и потребностями, совпадает с объективным положением вещей. Иными словами, содержание мотивов придает всем действиям человека определенный смысл, связанный со своеобразным пониманием действительности. Методологическое значение этого положения заключается в возможности содержательного (семантического) анализа социального поведения через исследование мотивов деятельности, их внутреннего содержания. Путь к этому исследованию лежит через рассмотрение мотивов не только как совокупности факторов, являющихся побудителями деятельности, но главным образом как смысловых оснований деятельности. Регуляция деятельности в этом плане связана с изменением содержания мотивации, изменением личностных смыслов, следовательно, системообразующая функция социальных требований в мотивационной сфере человека может быть объяснена через влияние этих требований на содержание мотивации, на личностное понимание действительности.

Действенность мотивационного воздействия социальных требований во многом зависит от ценностных предпочтений человека, в которых выражается определенное отношение к обществу в целом и его идеалам, ценностям, нормам. Человек может отрицательно относиться к социальным требованиям, ценностям, не осознавать их значения — в этом случае они не входят в структуру мотивов поведения, не имеют позитивного личностного смысла. Негативизм по отношению к социальным ценностям может проявляться двояко: а) в открытом отрицании социальных идеалов, ценностей интересов, требований; б) пассивном принятии социальных ценностей, с которыми человек соотносит свое поведение, но которые не стали внутренними мотивами поведения. Человек с такими взглядами обычно только внешне соблюдает социальные нормы, они не играют для него существенной регулятивной роли, не являются имманентными основаниями целостности. Ценностные аспекты индивидуальной духовности здесь выступает как «внутренний барьер» между общественными ценностями и мотивационной системой.

В социально-психологических исследованиях было установлено, что в зависимости от участия в регуляции деятельности человека норм и ценностей, выделяются три уровня. Первый уровень — нормативный, характеризующийся отсутствием ценностей в качестве регуляторов, поведение полностью подчинено внутригрупповым нормам. Включенность человека в групповую деятельность

минимальна, преобладающие механизмы регуляции — подражание и негативизм, внушение, заражение. На втором уровне — ценностно-нормативном — ведущим механизмом является механизм социального межличностного сравнения. Индивид, принимая решение, с одной стороны, ориентируется на свой идеал, с другой — на групповую норму, причем принимаемое решение чаще всего ближе к воспринимаемой им норме. На третьем уровне — ценностном — внутригрупповые нормы играют весьма малую роль, каждый член группы имеет возможность взвесить все «за» и «против» того или иного курса действий, осознать его связь с личной системой ценностей. То есть на третьем уровне сформировавшаяся личность предстает автономной, регулирующей на наиболее высоком уровне социальности, который подчиняет себе все остальные.

Убедителен вывод, сделанный на основе такого уровневого анализа нормативной и ценностной регуляции: непосредственное социальное окружение и его нормы могут оказать свое воздействие либо только на еще не сформированную личность, либо на деформированную. Что же касается данных об огромном влиянии непосредственного социального окружения на поведение индивида (например, поведение в толпе) то, по мнению Ю. М. Жукова, они объясняются тем, что специфические условия, в которых действует индивид, ведут к снижению уровня внутренней регуляции¹. Существование нормы еще не означает непременно ее исполнения, то есть норма не обязательно влечет определенное действие.

Механизмы включения социальных требований в мотивационную систему человека конкретно раскрываются через анализ соотношения имеющихся у человека взглядов и отношений с потребностями личности, которые являются важнейшими побудительными силами человеческого поведения, играют доминирующую роль в мотивации.

По вопросу о соотношении потребностей и мотивов в настоящее время сложились две основные точки зрения: 1) потребности являются единственной побудительной силой поведения личности, всякий мотив есть потребность; 2) наряду с потребностями в мотивации принимают участие другие факторы, то есть поведение человека является полимотивационным. Последняя позиция в настоящее время привлекает большинство ученых, исследующих движущие силы поведения человека². Многочисленные исследования теоретического и прикладного характера резюмируют, что в процессе мотивации потребности тесно связаны с такими побудительными факторами, как цели, интересы, ценности.

¹ Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. — М., 1976. — С. 275–276.

² Гарина О. Д. Тайна человеческих поступков: социальные аспекты // Евразийский союз ученых: ежемесячный научный журнал. — М., 2015. — № 1 (18). — С. 86–88.

При анализе этого вопроса методологически важным является сделанный учеными вывод о том, что мотивация возникает только тогда, когда ситуация представляет собой проблему, так как именно в этом случае человек действует в полной мере как сознательный субъект, то есть активно оценивает и решает задачи, производит выбор и тем самым принимает на себя ответственность за свой поступок. Проблемная ситуация выступает как противоречие между знанием человека о своей потребности и незнанием путей, средств, методов, способов реализации этой потребности. Это противоречие вынуждает человека осуществлять поисковую деятельность, оценивая как саму потребность, так и способы ее реализации. В этом случае в мотив превращается та потребность, которая является основанием целесообразного решения этого противоречия. Иными словами, в качестве мотива выступает не непосредственно данная потребность, а потребность, подвергшаяся оценке с точки зрения реальной, наличной ситуации, социальных требований и личных устремлений.

Простейшим примером этих рассуждений может служить проблемная ситуация некоторых выпускников средней школы, возникающая в результате резкого изменения жизненной ситуации, связанного с окончанием школы. Здесь проблемная ситуация выступает как противоречие между потребностью выпускника в устройстве дальнейшей жизни и незнанием путей и способов реализации этой потребности. Проблеме образующая потребность оценивается с точки зрения личных целей, связанных с системой ценностей; реальной ситуации (социальных условий и личных возможностей), общественных требований и превращается в мотив деятельности. В свою очередь этот мотив может конкретизироваться в таких потребностях, как потребность в получении специального образования, потребность в трудовой деятельности, потребность в изменении места жительства и т. п. Одновременно каждая из указанных потребностей выступает как основа целой системы мотивов и потребностей: например, потребность в получении специального образования реализуется в таких мотивах, как стремление получить интересную профессию, в которой бы раскрылись способности человека; стремление изменить социальный статус; стремление быть не хуже других и пр. В конечном итоге выход из проблемной ситуации осуществляется через превращение в мотив той потребности, которая соответствует (оценивается как соответствующая) жизненным ценностям субъекта и становится на этой основе целью деятельности, иерархизирующей прочие потребности и мотивы.

Духовность человека, способствуя процессу возвышения потребностей, увеличивает тем самым их самостоятельную мотивирующую роль, поскольку определяет насущность высших потребностей как необходимых условий жизни, обеспечивает их соответствие жизненным целям субъекта. Очень важно, чтобы в своей деятельности человек руководствовался мотивами, соответствующими

социальным интересам, которые являлись бы основой социально полезной, активной деятельности, направленной на преобразование действительности и самого себя в прогрессивном направлении. Этого можно достичь, если содержание мотивации определяется потребностями, совпадающими с общественными и групповыми. Понимание, осознание общественных требований возможно только на основе знаний о них, восприятие же их как мотивов деятельности связано, как уже указывалось, с позитивной оценкой. Правильно понять окружающую действительность, оценить условия выполнения социальных требований, человек может как духовно зрелая личность, понимающая значение этих требований, их важность, и принять их как ценность.

Решая методологические проблемы теории и практики воспитания и обучения, всегда необходимо иметь в виду, что высшие социальные регуляторы человеческого поведения опосредствуются теми особенностями биопсихического развития, которые проявляются уже на ранних стадиях жизни человека. Вместе с тем, социально значимые качества человека формируются лишь по мере вовлечения его в мир человеческой культуры и гуманистических ценностей. Способность к таким переживаниям как наслаждение, страх, радость запрограммирована в природной организации человека и выступает мощным стимулом его поведения. Однако для оценки социального качества человека важнее, прежде всего то, что он ценит, за что любит или ненавидит, при совершении каких поступков испытывает удовлетворение. Игнорирование объективной взаимосвязи указанных детерминант человеческой жизнедеятельности является одной из основных причин противоречия между интеллектуальным развитием человека и его социально-нравственной зрелостью.

Список литературы:

1. Гаранина О. Д. Тайна человеческих поступков: социальные аспекты // Евразийский союз ученых: ежемесячный научный журнал. – М., 2015. – № 1 (18). – С. 86–88.
2. Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М., 1976. – С. 270–286.
3. Рубинштейн С. А. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976.

Section 9. Economics and management

*Kalmakova Dinara Tanatkyzy,
Al-Farabi Kazakh National University
postgraduate student, High School of Economics and Business
E-mail: dingo1993@mail.ru*

*Kazbekova Zhanat Beketovna,
Al-Farabi Kazakh National University
Ph.D., acting Associate Professor of the Department "Finance"
E-mail: dingo1993@mail.ru*

Assessment of tax potential: methods based on indicators of economic income

Abstract: Assessment of the tax potential is an essential tool of tax planning. In current economic conditions, which imply relatively low prices for major Kazakhstan's exports, fair evaluation of the tax potential is particularly important process. The degree of precision of tax potential's assessment directly affects the effectiveness of fiscal policy's implementation and lets maximally balance the state budget. A fair assessment of the tax potential contributes to the process of fiscal equalization, as regions which, for objective reasons, have a low level of tax potential, can rely on additional budget financing. In addition, an adequate assessment of the tax potential allows you to find reserves of growth of tax revenues in the event that the tax potential is not fully realized. The paper investigated the urgency and the need of the tax potential's assessment. Also it considered the nature of the tax potential, studied key methods of assessing tax potential, including extrapolation method and methods, based on indexes of economic income, their advantages and disadvantages.

Keywords: assessment of tax potential, methods, based on indicators of economic income, tax planning, tax base, tax forecasting.

Introduction

The significant role of government in assigning resources is obvious. Taxation and expenditure are essential tools for macroeconomic stabilization, progress, and development. In the long run, countries will have to rely on an effective tax system

to meet the needs of the public sector. However, most developing countries have not been able to raise sufficient revenues for essential public infrastructure and human development services¹.

An efficient tax system is essential for successful development. There is a massive volume of theoretical and empirical literature on taxation that confirms the increasing attention for this topic from both academics and policymakers. The problems for developing countries to raise revenues are twofold. First, they characteristically have confined taxable potential and a large proportion of economic activity in the informal sector. Second, their tax regimes may be riddled with multiple tax relief initiatives and/or tax expenditures, which then debilitate the tax base and tend to degrade the efficiency and effectiveness of tax collection efforts².

Effective implementation and growth of tax potential of Kazakhstan's economy are considered to be essential conditions for rapid socio-economic development of Kazakhstan's economy. For the full realization of tax potential it is necessary to assess the true possibilities of the budget, i. e. to determine its tax potential. The ability of public authorities to transform the tax base of any level in tax revenues actually allows them to fulfill their functions, including the impact on the economic and other processes in the society. The scientific study of the problem of tax potential and research of the methodological framework of its evaluation and prediction are also needed to determine the main directions of budget expenditures.

Main body

In the world practice the term "tax potential" generally refers to the ability of the tax base, located within a certain territory, to generate income in the form of tax revenues. In Kazakhstan the term "tax potential" refers to the maximum amount of taxes and other obligatory payments to the budget, calculated to determine the amount of income³.

In the development of the theory and practice of fiscal regulation in countries with developed market economies there was accumulated considerable experience in assessing the tax potential of regions and provinces. This article examines the key methods of assessment of tax potential, based on indicators of economic income and extrapolation method, used in Kazakhstan.

The techniques used to predict the indexes of a profitable part of budgets in the medium and short term (the most popular in practice) are based on two approaches:

¹ Tuan Minh Le, Blanca Moreno-Dodson, and Jeep Rojchaichaninthorn. World Bank//Expanding taxable capacity and reaching revenue potential: cross-country analysis//Policy Research Working Paper. – March 2008.

² Там же.

³ Приказ и. о. Министра национальной экономики Республики Казахстан от 24 ноября 2014 года «Об утверждении Методики прогнозирования поступлений бюджета».

— Extrapolation approach according to which the various elements of the forecast income are their retrospective time series. Predictive values of income in this case, depend on their previous values;

— Simulation, where the value of income is represented as a function of its constituent factors¹.

In Kazakhstan at present to quantify the tax potential it is used the index of collected revenues, i. e. in fact it is applied an extrapolation approach. On taxes and other obligatory payments, for which the basis for calculating is the tax base, the calculation of the tax potential is carried out by the following methods:

1) by applying tax rates to the corresponding tax bases by the following formula:

$$P_0 = NO_b * S$$

where P_0 — estimate of revenues for the current year under the existing legislation;

NO_b — the tax base;

S — rate established by the Tax Code of the Republic of Kazakhstan.

On taxes and other obligatory payments, for which it is difficult to determine the basis for the calculation due to the presence of multiple evaluation criteria of the tax base and rates, estimation of revenues is determined by the following methods:

1) by defining the ratio of actual revenues for a certain period during the year, according to the formula:

$$P_0 = P_{b(rep)} * U_{rep}$$

$$U_{rep} = \frac{P_{0(rep)}}{P_{rep}} * 100\%$$

where P_0 — Assessment of the current year index under the existing legislation;

$P_{b(rep)}$ — the actual income for a specific period of the current year;

U_{rep} — the proportion of the same period during the report year, %;

$P_{(rep)}$ — the actual income for the same period of the reporting year;

P_{rep} — actual income for the report year;

2) by considering the average monthly income for a certain period of the current year, according to the formula:

$$P_0 = \frac{P_{b(rep)}}{K_{b(rep)}} * 12$$

where P_0 — Assessment of the current year index under the existing legislation;

$P_{b(rep)}$ — the actual income for a specific period of the current year;

$K_{b(rep)}$ — the number of months in a certain period of the year;

12 — the number of months in a year;

¹ Миронов А.А. Подходы и методы оценки налогового потенциала региона // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 400–404.

3) by indexing the actual income of the report year for the rate of inflation, according to the formula:

$$P_0 = P_{(rep)} * (100\% + I_b)$$

where P_0 — Assessment of the current year index under the existing legislation;

$P_{(rep)}$ — actual income for the report year;

I_b — the rate of inflation for the current year, %¹.

It should be noted that the extrapolation approach does not take into account the ever-changing factors in the macroeconomic environment, changes in the tax and budget legislation, priority areas of socio-economic policy. Therefore widely used in the theory extrapolation methods do not allow to get in practice fairly accurate predictions of revenue elements².

Considering this drawback of extrapolation approach, Kazakhstan takes into account not only retrospective values of tax revenue but those factors that influence the size of the tax base and ultimately the tax potential level. Such factors include the predictable inflation rate, fixed assets' revaluation index, the predictable change in the base cost per square meter³. Thus, in Kazakhstan for the assessment of tax potential it is mainly used extrapolation approach with the elements of simulation, i. e., it is taken into account the factors of the current economic environment, which affect the level of the tax potential. To some extent it smooths the disadvantages of extrapolation approach associated with the failure to take into account the ever-changing economic environment factors.

The choice of the extrapolation method of estimating Kazakhstan's tax potential is determined by relatively stable taxation mechanism, which allows you to move the current trend in the dynamics of tax revenues for the future. But at the same time there is a correction of predicted figures for the main economic factors such as inflation rate, tax base growth.

In order to assess the tax potential it is advisable to use the index of per capita income, which is the basic indicator of the relative level of tax potential. Per capita income has long been widely used as a relative measure of tax potential in many countries, particularly in the USA. The index of average per capita income is the first among the most popular macroeconomic indicators. The most obvious source of revenue of the regional budget — income of this area's taxpayers — physical persons — is directly related to the index of average per capita income in the region⁴. State per-

¹ Приказ и. о. Министра национальной экономики Республики Казахстан от 21 января 2015 года № 34 «Об утверждении методики прогнозирования поступлений бюджета».

² Долгих И. Н. Налоговый потенциал территории: оценка и пути повышения // Вестник науки Сибири. – 2014. – № 1(11). – С. 133–141.

³ Богачева О. В. Налоговый потенциал и региональные счёта // Финансы. 2000. № 2–3.

⁴ Там же.

sonal income is conventionally determined as the individual income of the residents of a state. Money income is actual cash receipts, and contains gross wages and salaries, proprietors' income, pension and annuity payments, government transfers, alimony, cash rent, interest and dividends¹.

Its main advantage is its ease of identification and availability of data on per capita income, published annually by the Committee of Statistics of Kazakhstan's Ministry of National Economy. However, the simplicity of the indicator of per capita income is its main drawback. In Kazakhstan, where the "shadow" economy has a relatively high proportion (approximately 20% of GDP)², the average per capita income statistics do not always reflect the true state of affairs,

Also following methods of tax potential assessment may be used:

- 1) The actual tax to GDP (or GNP) collection ratio;
- 2) The method, based on the index of gross regional product (GRP);
- 3) The method, based on the index of total taxable resources of the region;
- 4) "Representative tax system" (RTS);

The actual tax to GDP (or GNP) collection ratio is generally interpreted as a degree of tax effort and used as the basis for cross-country tax comparison. The use of such ratio is sensible if one attempts to define trends or to compare tax revenue performance across countries with resembling economic framework and at the same grade of income. The advantage of using this approach is that it is elementary and covers a quick overview of the trends of the worldwide tax collections³.

However, when used to compare the effectiveness in revenue accumulation across countries in various income groups, the tax-GDP ratio could give a "completely distorted" picture due to different economic structures, institutional arrangements, and demographic trends. Substantially, this ratio does not represent the tax potential of a country and as a result it is impossible to estimate whether or not a country is out of line in comparison with its peers in its effort to increase domestic tax revenues⁴.

A number of tax economists have attempted to deal with this problem by applying an empirical approach to estimate the determinants of tax collection and identify the impact of such variables on each country's taxable potential. Tax potential is

¹ Advisory commission on intergovernmental relations. Measuring state fiscal capacity: alternative methods and their uses//Washington, D. C. 20575//September 1986.

² «В Казахстане созданы самые лучшие условия для ведения бизнеса» [Электронный ресурс] <http://erkindik.kz/v-kazahstane-sozdanyi-samyie-luchshie-usloviya-dlya-vedeniya-biznesa/> (13.11.2015).

³ Tuan Minh Le, Blanca Moreno-Dodson, and Jeep Rojchaichanthorn. World Bank//Expanding taxable capacity and reaching revenue potential: cross-country analysis//Policy Research Working Paper. – March 2008.

⁴ Там же.

the predicted share of GDP, accumulated by the government in the form of the state budget. The scale of taxable potential depends on the country's specific characteristics. Tax effort is the index of the ratio between the share of the actual collection to GDP and the predicted taxable potential. A tax effort of above 1 (high tax effort) indicates that the country utilizes well its tax base to raise revenues. On the other hand, a country with the tax effort below 1 (low tax effort) has a chance to increase its tax receipts¹.

The index of gross regional product more fully reflects the tax potential of the region. This index is calculated as the total value of goods, works and services produced with the use of economic resources of the region. The method of the gross regional product is quite simple in its calculations, but requires a large amount of information for each area. Besides the rate of the GRP should be increased for the amount of direct transfers from the state budget to businesses and individuals².

The GRP method is based on an assessment of regional authorities' ability to mobilize revenues. This ability in its turn is based on the willingness of taxpayers to pay the statutory amount of tax calculated on the basis of the average share of tax withdrawals in the final income in the region. In other words, we can calculate average tax burden on the gross value added produced in the region.

The potential of the region is actually mobilized in the form of its tax revenues, and this indicator expresses the proportion of GRP which was distributed through the budget of the territory in which it was created. Also it allows you to assess the degree of region's autonomy in the use of produced GRP³.

Thus, if income measures the ability to pay state and local taxes, GRP as a potential index would capture a great part of the income that may be taxed. The total value of "income produced" in GRP consists of the value added in production in the jurisdiction, but not the value of goods imported into the area⁴.

The major attraction of GRP is that it reflects comprehensively one principal means by which a jurisdiction may shift part of its tax burden to nonresidents, the "exporting" of some taxes. GRP counts all income received by nonresidents that governments may tax.

¹ Tuan Minh Le, Blanca Moreno-Dodson, and Jeep Rojchaichanthorn. World Bank//Expanding taxable capacity and reaching revenue potential: cross-country analysis//Policy Research Working Paper. – March 2008.

² Мигунова М. И. Основы налогового планирования и прогнозирования. – Красноярск. гос. торг. - экон. ин-т. – Красноярск. 2009. – 121 с.

³ Тюрина Ю. Г. Современные подходы к определению налогового потенциала региона// Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 248–251.

⁴ Advisory commission on intergovernmental relations. Measuring state fiscal capacity: alternative methods and their uses//Washington, D. C. 20575//September 1986.

The problem is that GRP resembles per capita income index in its incompleteness. GRP also neglects some specific components of resident income, which add to residents' ability to pay taxes and to the government's ability to collect them. These components are chiefly the labor earnings of residents who commute to work in other states and the interest, dividends, and federal cash transfers received by state residents¹.

Total taxable resources are the unduplicated sum of GRP and resident income, thus it is the totality of income produced in the jurisdiction (which is GRP) plus any elements of resident income that were not produced in the residents' jurisdiction, in particular, interest, dividends, transfers, and the labor earnings of those state residents who commute to jobs in other state².

Total taxable resources (TTR) is a measure of tax potential that is closely related to GRP. As GRP doesn't consider the influence of certain federal taxes and transfers on the fiscal potential of regions then several adjustments should be made to GRP to get an amount of total taxable resources. First certain federal taxes are deducted from gross regional product as these funds are inaccessible to local government as a source of revenue. Second, to get an index of total taxable resources each region's GRP has to be increased with the amount of direct federal transfers to companies and individuals, including federal pensions and unemployment benefits³.

The advantage of TTR index is in provision of more accurate reflection of a region's actual fiscal potential. Its disadvantages are like those of the use of gross regional product: its computation is actually more data intensive⁴.

"Representative tax system" (RTS) method consists in determining tax revenues, which can be obtained in the region in the presence of the average level of tax activity in the region and average tax rates⁵.

The representative tax system consists of five elements:

- 1) Definition of revenue coverage
- 2) Classification of revenues into sources
- 3) Determination of standard tax bases
- 4) Determination of average tax rates

¹ Advisory commission on intergovernmental relations. Measuring state fiscal capacity: alternative methods and their uses//Washington, D. C. 20575//September 1986.

² Jorge Martinez-Vazquez, L. F. Jameson Boex. Fiscal Capacity: An overview of concepts and measurement issues and their applicability in the Russian Federation//International Studies program. – Working paper 97–3. – Policy research center. – School of policy studies. – Georgia State university. – June 1997.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

5) Assessment of fiscal potential¹

Definition of revenue coverage

To get the most exact measurement of tax potential RTS should take into consideration all the taxes collected by local governments. Tax revenue sources considered for the purpose of RTS should include quasi-taxes such as vehicle taxes, license or registration fees, permits, user charges, fines².

Classification of revenues

The next stage in the act of computing fiscal potential in the RTS is to classify every revenue point based on its source. For this purpose all revenue items must be sorted into tax components. A tax component is a group of tax items which depend on the same source³.

Determination of standard tax bases

The next step in calculating fiscal potential is to define a standard tax base for each of the tax components. An important detail of this methodology is that information used to determine the standard tax base need to be taken from independent sources that cannot be affected by particular regions⁴.

Determination of average tax rates

As soon as tax bases are defined for all the tax components, we should determine the representative or average tax rate that applies to each of the tax components. So we do not rely on statutory tax rates. Instead, determination of the average tax rate involves computing a weighted average of the actual tax rates levied by all the regions. First for each tax component we sum up the revenue generated across all regions. The resulting ratio is defined as the average or representative tax rate for this component⁵.

Assessment of fiscal potential

The last stage in representative tax system is to estimate the fiscal potential. It implies applying the average tax base for each tax component to the respective standard tax base of the region. The aggregate amount that follows from these calculations introduces the complete amount of revenues that each region would have levied under average fiscal effort. This is the number considered to reflect the tax potential of the region⁶.

¹ Jorge Martinez-Vazquez, L.F. Jameson Boex. Fiscal Capacity: An overview of concepts and measurement issues and their applicability in the Russian Federation//International Studies program. - Working paper 97-3. - Policy research center. - School of policy studies. - Georgia State university. - June 1997.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Calculation of RTS includes the definition of all the articles of local budget's tax revenues, determination of the composition and size of the tax base indicators for each type of tax, and a representative, i. e. the average tax rate. Representative tax rate for the i -th tax (the PCI) is calculated as follows:

$$RT_i = \frac{N_i}{NB_i}$$

where N_i — the amount of the i -th tax received by the regional budget;

NB_i — an indicator of the tax base for the i -th tax.

One specific method of RTS is the method of regression analysis. The regression method is more objective because it makes actual tax revenues dependent on the tax base through the optimal estimates of random factors:

$$Y_j = \sum_{i=1}^m X_j i * B_i + E_j$$

where Y_j — the total amount of tax payments received by the regional budget;

X_j — the aggregate tax base of the region;

m — number of areas;

B — random factor;

E_j — random measurement error.

Correcting (random) factors may include the level of corruption, the level of the administration, consciousness of taxpayers and others¹.

All in all, the representative tax system is a rigorous and complete way to measure the fiscal potential of a region. It takes into account variations in tax rates among different tax components and non-tax revenue sources. As a result, fiscal potential measured by the RTS can be considered a more precise representation of a region's real fiscal policy².

Summary

The analysis of methods for assessing the tax potential, based on indicators of economic income showed that the content of these methods reflect the level of tax potential of Kazakhstan's regions only partially. The method, based on the average per capita income of the population is directly related to the degree of tax potential. However, in the conditions of relatively high share of shadow economy in Kazakhstan, the use of this method does not allow to objectively reflect the level of tax potential. With regard to the method based on the gross regional product, within the limits of

¹ Долгих И. Н. Налоговый потенциал территории: оценка и пути повышения // Вестник науки Сибири. – 2014. – № 1(11). – С. 133–141.

² Jorge Martinez-Vazquez, L.F. Jameson Boex. Fiscal Capacity: An overview of concepts and measurement issues and their applicability in the Russian Federation // International Studies program. – Working paper 97–3. – Policy research center. – School of policy studies. – Georgia State university. – June 1997.

this method in some cases there is a mismatch between tax potential and gross regional product. These shortcomings of methods based on indicators of economic income, explain the fact that the use of these methods in Kazakhstan is inappropriate and, as a consequence, they do not apply to the Republic of Kazakhstan.

At present, the method used in Kazakhstan, based on the account of the actual tax revenues, adjusted for changes in the key factors of the economic environment is considered to be the most optimal method of tax potential assessment.

*Kogotkova Irina,
Ph.D. in Economics, Professor, State University
of Management (Moscow)
E-mail: 9250105659@mail.ru*

*Guseva Maria,
Doctor of Economics, Professor, State University
of Management (Moscow)*

*Brikoshina Irina,
Ph.D. in Economics, associate professor,
State University of Management (Moscow)*

*Khalimon Ekaterina,
Ph.D. in Economics, associate professor,
State University of Management (Moscow)*

The analysis of problems of lean-management projects implementation in Russian companies

The problems of competitiveness improvement of Russian companies are connected with the introduction of the best international practices in enterprise planning technologies. Now to this end companies are actively looking for the ways of building effective systems of production. With the seeming abundance of business concepts in the world there are not so many management systems which provide real techniques of improving the efficiency and quality of production system management.

The recent changes in economic, social and technical conditions for the organization`s activity in the Russian Federation have formed a new range of requirements for effective processes management at various levels. There is a need in economic entities adaptation to their changing environment. One of the most effective technologies for adaptation is the lean project management which is aimed at promoting competitiveness. However, due to rare practical use of these strategies in

the Russian context, the lean project management as a tool and philosophy of market-based management remains without proper attention.

In many cases, heads of organizations came to the conclusion about the need of changing management processes for the project quality only after several years of their efforts to stabilize declining profits and declining sales, using measures such as staff dismissing, reducing inventory, reducing overhead costs and price wars. Only without finding any solutions within the existing portfolio, the management paid attention to other techniques such as TPS, TQM (ISO 10006), TCM, PM, Lean management.

In addition, under current market conditions the changes occur so rapidly that organizations have to monitor constantly the system to identify and eliminate all types of losses in production processes to enhance profitability. The authors of the article conducted a survey of Russian industrial companies and emphasized the main requirements for choosing methods of production management. According to the interviewed experts the methodology should contribute to:

— continuous improvement — as there is currently no organization that could be immune from the threat of technology obsolescence, demand saturation and socio-political changes;

— safety;

— losses reduction;

— productivity improvement;

— competitiveness through continuous improvement of business processes and value creation for customers;

— products or services quality improvement;

— flexibility of the production system, focused on the customer in constant changes of market conditions;

— increase of the level of customer service;

— increased motivation of staff;

— enhance the effectiveness of the implementation of Lean;

— production due to the greater stability;

— reduction of equipment downtime;

— reduction of production cycle duration;

— reduction of losses in materials transportation and employees movement;

— increased performance in the same production facilities;

— improvement of business profitability.

Assessing the problems of implementing Lean elements into the management of production systems, the interviewed experts expressed the following.

1. Market competition still allows us to survive without implementing Lean.

2. The owner is not interested in long-term economic effect, and not sufficiently educated to understand the benefits of Lean approach.

3. The owner would like to implement a progressive management system, but with minimal cost.

4. No leader can directly influence the top management in implementing progressive management systems.

5. The success of the business does not depend directly on the quality of products/services, but through lobbying company interests at the expense of administrative resource.

According to statistics studies conducted by the authors in 2011–2015, positive dynamics to the lean methodology was revealed in interests of Russian entrepreneurs.

So the largest professional social network (over 140 million members) LinkedIn has a special focus on Lean and related topics (balanced scorecard, TQM, Six Sigma, Theory of constraints, etc.) and includes thousands of participants.

Methodology	Groups	Participants
Lean	2 642	340 000
Six Sigma	1411	160 000
TOC	177	1307
TQM	82	942

The result of the successful implementation of lean practices in Russian organizations can be illustrated by the following statistics for the following companies.

The effectiveness of lean-management tools in Russian companies

The name of the company	The aspect of improvement
1	2
Oleg Deripaska's Fund "Vol'noye Delo"	Projects: lean production, lean thinking, new generation workers
Irkutskenergo	The Production system implementation in power production (NOT maintenance activity): cost reduction, staff training
"Bashnefte-geofizika" group of companies	Management of lean projects — Kaizen
The national productivity centre	Staff training method within industry TWI (Training Within Industry)
Confectionery factory "Metropolis» OOO	The implementation of the production system "Toyota" [3]; System 5S

1	2
“KAMAZ” OAO	Production system KAMAZ — own development, the formation of corporate culture Kaizen; Personal Kaizen-projects, as a way to improve managers’ lean competencies
Atomener- goproekt	Production system “Rosatom”. In construction companies of Rosatom on the basis of the standardization system 5S — standardization of workplace and workflow
The company “Basic element”	Production system as a tool to improve the quality of life in Russia in general; The formation of personnel reserve
“Mercury” group of com- panies	Step 1: Creation of an office for the production system (PS) implementation; Stage 2: Training working group; Step 3: Creating a reference area; Stage 4: Dissemination of experience in other areas.
GAZ Group	Constant Kaizen; Experience of implementing Manufacturing system GAZ in the Division “LKiLA”; Using basic tools of the production system GAZ, such as: — standardized work — pulling system — heijunka
Spetsstroy	The system of “Mapping” in construction projects; The construction on time and of required quality within a given budget with the help of «Hodograph»
Beeline	The project of Lean implementation in the joint service centre (JSC)
Dodo pizza	Lean manufacturing at the enterprises of public catering
MPF Oct`abrskiy Parker	Reduction of losses Reduction of reject Lean office Safety

The implementation of measures for losses reduction resulted in:

- reduced downtime up to 15%,
- logistics optimization up to 10%,
- reduced repair time of equipment up to 20–45%,
- efficiency increase of production processes at 15–33%,

- improvement of overall equipment effectiveness by 25%,
- improvement of quality and reduction of defects by 30%,
- increased productivity by 13%.

As for the problems in evaluating the effectiveness of using Lean practices — not all companies are willing to disclose information about savings after switching to these practices, therefore, it is yet quite difficult to evaluate the real efficiency.

For example, in Tatarstan Lean-technologies are supported by more than 160 enterprises and organizations of various economy branches and social sphere. Among the leaders are — OAO «KAMAZ», OAO «ELAZ», OAO «KMPO», OAO «Zelenodolsk plant n. a. A. M. Gorky», OAO «Kazan electrotechnical plant», OAO «Tatneft», OAO «POZIS» and others. The economic impact is currently estimated at 4.1 billion rubles.

Summarizing the above, Lean methods are not widely used in the Russian Federation because there are not any uniform regulations and standards (projects) to implement Lean. Sometimes, documents are present, but do not describe the production processes in complex, so they are not suitable for practice. All of the above problems can be solved using the method of lean project management in construction organizations. Lean project management is a purposeful activity of the organization on project management and development processes for continuous improvement of the production system, allowing to achieve high financial results due to changes in product quality, technology, quality improvement of methods of market research, industry, competitive position, communication activities aimed at the competitiveness improvement of the organization.

References:

1. The lean approach to project management (Original Research Article)/International Journal of Project Management, Volume 15, Issue 4, August 1997, Pages 205–209/Eric Gabriel.
2. Lean project management/International Journal of Project Management, Volume 11, Issue 1, February 1993, Pages 3–4/J. O. Riis.
3. The Darker Side of Lean: An Insider's Perspective on the Realities of the Toyota Production System/Academy of management perspectives, May 1, 2006 20:2 21–42; doi:10.5465 AMP.2006.20591003/Darius Mehri.

*Krasheninnikov Nikolay Valeryevich,
Finance University under the Government of Russian Federation (Moscow),
postgraduate student, Department of Banks and Bank Management,
Fellow of the Chartered Institute for Securities and Investments (London)
E-mail: ni.krasheninnikov@gmail.com*

The model for stress-testing of the credit portfolio on loans to individuals

Continuing credit risk's research¹, we designed a model for stress testing of the credit portfolio on loans to individuals. While constructing the model, in analogy with CredRiskUr model, as the target (dependent) variable it was selected the share of problem (overdue) loans rate in the total portfolio of loans to individuals in the banking system of Russia².

Investigated database characteristics allowed in the process of econometric analysis to design 2 independent models that are SredRiskFiz1 and SredRiskFiz2, each of which includes 2 regressed factors. Include all four factors in one model is methodologically impossible due to the presence of high multicollinearity factors. As a result, it is proposed a parallel or separate (it can be chosen by the user depending on the type of data used for stress testing) designed models (1) and (2) using within a binary (two-component) system of models:

$$\begin{cases} \text{CredRiskFiz1} = 0,001939 \times \text{Inf} - 0,214873 \times \text{RasVVP} & (1) \\ \text{CredRiskFiz2} = 0,002175 \times \text{StFiz} - 0,000209 \times \text{UbkP} & (2) \end{cases}$$

where CredRiskFiz is the share of problem (overdue) loans issued to natural persons of the Russian banking system; Inf is the consumer price index, a quarter to the corresponding quarter of the previous year,%; RasVVP is the share of expenditures on final consumption in GDP; StFiz is the average rate on loans to natural persons in rubles up to 1 year,%; UbkP is the index «Of bank lending conditions of the population» («The total changes of the index UBC of the population») calculated by the methodology of the Bank of Russia.

Models have a high level of statistical significance and predictive capability (coefficient's squares of the determination in both regression models exceed 97%, which allows to make high precision predictions).

¹ Krasheninnikov, N. V. The Russian banking system main risks stress testing [Electronic resource]// Russian Economics Online-Journal. – 2016. – Access Mode: URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/408/40849ea910a3830a75f9ea3f5e4cd085.pdf>.

² Krasheninnikov, N. V. Bank lending and the early stages identification of crises//Management in the credit institution № 3 (71)/2013. P. 79–90.

The economic interpretation of the received models allows to carry out independent stress testing by both the macroeconomic situation (model No.1, the regressed factors are not directly dependent on the banking system), and the policy of commercial banks (model No.2). In this case application of a binary (two-component) model implies that adding and interpreting the results of CredRiskFiz stress test can be only by using one of the models simultaneously.

The obtained binary system of regression model involves the use of one of the factors regressors, which was included into the model CredRiskUr — RasVVP. It should be noted that this regressor acts differently for the credit risk of the loan portfolio of natural persons and the loan portfolio of companies:

— at the level of companies' problem loans the increasing of the percentage of the GDP distribution on final consumption effects negatively (obviously, through the influence of a corresponding decline in the share of GDP, aimed at accumulation i. e., investment);

— on the level of problem loans increasing the share of GDP distribution on final consumption effects negatively, increasing people's real incomes and, therefore, its solvency and creditworthiness.

It is necessary to establish the fact that there is the same situation as in the situation with credit corporate sector portfolio lending risks, the objective factors (macroeconomic factors, which are more dependent on government decisions and external economic conditions) have much more power to influence than factors that, though indirectly, but still depend on the internal processes of the banking system (rate and credit conditions).

Based on designed CredRiskFiz model, we will perform stress testing of the retail loan portfolio of the banking system of Russia credit risks. The results are represented in tabular form (Table 1).

According to results of our stress test of the banking system of Russia using the binary CredRiskFiz model we get the evaluation of increasing the share in the retail loan portfolio of problem loans, taking into account eight different macroeconomic scenarios. The worst scenario is to achieve a share of problem (overdue) loans to the level of 0.16 (16%) with 27% inflation rate and sharp fall in the share of GDP, directed on final consumption to the level of 42%.

The designed model has a sufficiently high predictive power and simplicity, to be used both at the level of the Bank of Russia, and at the separate level of commercial banks¹.

¹ Krashennikov, N. V. Bank risks stress testing in crisis [Electronic resource]//Economy and Management: the II International Scientific Conference Proceedings. Scientific Cooperation Center. – 2016. – Access Mode: URL: https://interactive-plus.ru/discussion_platform.php?requestid=17921.

Thus, criticism to modern approaches of stress testing of the banking system¹, that we carried out, testing approach on the example of the two major risks of the banking system (credit and liquidity), that we proposed, allow us to formulate the main directions of further development of macroeconomic modeling methods for stress testing²:

— The need to consider the real forces of »noise” of indicators, including the level of shadow banking, capital outflows, the use of “technical” bank operations (for example, loans on deposit for companies, unofficial lending to affiliated companies, the risk of transmission to the bank’s business affiliates, etc.), the appearance of new banking products and technologies that change interconnection of economic indicators;

— Methodological coordination of stress testing at the macroeconomic level and the level of commercial banks, including the use of comparative economic indicators, the further development of methods of translation of macroeconomic “shocks” to the level of certain banks;

— Increasing in the practical value and applicability of the proposed models of stress testing due to their simplicity and efficiency of forecasting;

— Macroeconomic researches’ information base expansion³;

— Transition from probability models to direct calculations of the risk level and its influence in the stress testing by the “bottom-up” method, including the integration of rating systems of banks in the processes of stress testing (calculation of credit risk and liquidity risk on level of individual customers of the bank).

Designed within the framework of the proposed approach the liquidity risk RiskLikv model, the credit risk of the corporate loan portfolio SredRiskUr model, retail credit risk CredRiskFiz model, allow us to solve part of the above-mentioned problems, in particular the task of linking the macroeconomic environment and the basic parameters of the Russian banking system. Further development directions and applications of macroeconomic models RiskLikv, CredRiskUr, CredRiskFiz:

— Expansion of the information base for including new significant factors-regressors in the model with the preservation of its construction principles of its construction (simplicity of calculation and interpretation, different directions of information and the absence of multicollinearity). In particular, the perspective is the research on the contribution of sectoral component to the model, as well as the development of translation opportunities (distribution) of the macroeconomic level liquidity risk to the level of certain banks;

¹ Krashennnikov, N. V. Methodological approaches and international experience of commercial banks stress-testing // Finance and credit № 24 (648)/2015. P. 14–21.

² Krashennnikov, N. V. Why stress testing remains an immature practice // Management in the credit institution № 3 (75)/2014. P. 57–65.

³ Krashennnikov, N. V. Stress testing of banks’ financial soundness: methodological approaches // Management in the credit organization № 4 (72)/2013. P. 8–19.

— Verification of the models' predictions according to actual data and updating of models' coefficients;

— Empirical definition of RiskLikv norm for the banking system of Russia (previously, for rapid calculations, it is possible to take the average level over the past 7.5 years, analyzed in this research. It is 0.15 or 15%);

— The inclusion of RiskLikv, CredRiskUr, CredRiskFiz¹ models to the practice of stress-testing of the Central Bank of the Russian Federation and commercial banks as an alternative to the current model;

— The use of models for determining the forecasting of the total amount of additional liquidity (injections of CBRF) required to maintaining the level of liquidity in the banking system at the normative (target) level;

— Forecasting and estimation of the amount of losses from the increasing the share of problem loans at the macroeconomic forecasting and strategic government planning, taking into account the basic macroeconomic indicators: the index of credit conditions of Bank of Russia, the inflation rate, the average lending rate, the volume of the immobilization of funds from the banking system in the form of reserves, the structure of GDP usage and the consolidated state budget deficit.

On the basis of comparative analysis of models of financial stability², designed by other authors (the most similar recent research are presented in the works), it can be distinguished the features and advantages of the models obtained from our research:

— Optimal (sufficient) amount of factors (stress regressors). Thus, in our research we used 277 indexes (more than other authors) but in the model only included 2–3 of them, forming the most effective models for the criteria set out above in this and in the previous chapters of our work;

— The division of credit risk indicators on segments of natural persons and legal entities, as our research showed that the influence of some of the important macroeconomic indicators on the given segments have the opposite direction (for liquidity risk model also provides for the separation of the two indicators on segments of natural persons and legal entities), thus, there were excluded appropriate methodological errors of other authors;

— Simultaneous including in the model of quantitative (statistics, built on the basis of the financial statements) and qualitative factors (indexes UBC), as well as

¹ Krashennnikov, N. V. The Russian banking system main risks stress testing [Electronic resource]// Russian Economics Online-Journal. – 2016. – Access Mode: URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/408/40849ea910a3830a75f9ea3f5e4cd085.pdf>

² Krashennnikov, N. V. Stress testing methods in the main types of risks evaluation [Electronic resource]//Economy and Management: the II International Scientific Conference Proceedings. – 2016. – Access Mode: URL: https://interactive-plus.ru/discussion_platform.php?requestid=17950.

objective (independent from banks and the banking system) and depending on the banks' decisions (groups of banks) factors.

Solving the problem of translation of macroeconomic shocks received on the results of stress testing at the macro level, at the micro level (the level of some commercial banks), will be presented in the next chapter of this work.

References:

1. Krasheninnikov, N. V. Bank lending and the early stages identification of crises//Management in the credit institution № 3 (71)/2013. P. 79–90.
2. Krasheninnikov, N. V. Stress testing of banks' financial soundness: methodological approaches//Management in the credit organization № 4 (72)/2013. P. 8–19.
3. Krasheninnikov, N. V. Why stress testing remains an immature practice//Management in the credit institution № 3 (75)/2014. P. 57–65.
4. Krasheninnikov, N. V. Methodological approaches and international experience of commercial banks stress-testing//Finance and credit № 24 (648)/2015. P. 14–21.
5. Krasheninnikov, N. V. Stress testing: an application to the analysis of the financial stability of Russian and foreign banks//Finance and credit № 31 (655)/2015. P. 15–22.
6. Krasheninnikov, N. V. What is the Russian and foreign banks stress-testing experience?//Management in the credit institution № 3 (79)/2015. P. 6–16.
7. Krasheninnikov, N. V. Bank risks stress testing in crisis [Electronic resource]//Economy and Management: the II International Scientific Conference Proceedings. Scientific Cooperation Center. – 2016. – Access Mode: URL: https://interactive-plus.ru/discussion_platform.php?requestid=17921
8. Krasheninnikov, N. V. Stress testing methods in the main types of risks evaluation [Electronic resource]//Economy and Management: the II International Scientific Conference Proceedings. – 2016. – Access Mode: URL: https://interactive-plus.ru/discussion_platform.php?requestid=17950
9. Krasheninnikov, N. V. The Russian banking system main risks stress testing [Electronic resource]//Russian Economics online-journal. – № 1, 2016. – Access Mode: URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/408/40849ea910a3830a75f9ea3f5e4cd085.pdf>

*Maslova Alexandra Evgenievna,
Timyasheva Ekaterina Tikhonovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
students, Department of Trade policy*

*Nikishin Alexander Fedorovich,
Plekhanov Russian University of Economics,
associate professor, Department of Trade policy
E-mail: ktdn@yandex.ru*

The organization of purchasing work in distribution networks

Choosing proper purchase channels of the goods is a challenging task for commercial enterprises. Correctly gathered assortment is the key to success to wholesalers and retailers, their attraction for consumers, amount of revenue made and, of course, profit. Commercial enterprises mainly engage in procurement activities in two ways: Goods purchase from wholesalers and directly from manufacturers. The first way of procurement activities is common for small trading enterprises that do not have capacity to purchase goods by large lots. Big trade organizations (retail chains) often avoid intermediaries and prefer to purchase goods directly from manufacturers. Both ways have their positive and negative fronts and backs.

The purchase process plays an important role in providing operation options for a retailer. There are many things influential not only on sale pricing policy¹, sale services (carefulness of personnel, ergonomics of trading premises), but also the process of assortment compilation, and that is closely tied with the purchase activities.

Purchase of goods from wholesalers provides small retailers with options to gather an assortment of a store and secure sales activity. However the presence of intermediaries acting in the purchase system leads to increasing purchase costs of goods and, therefore, to increasing retail prices. With their activities the wholesalers strive not only to cover expenses (for logistics, storage, promotion), but also to generate profit. Quite often the number of intermediaries between a manufacturer and a retailer can reach five-six parties, and that leads to increasing the cost of goods on the market².

Only large retailers can purchase goods directly from manufacturers, and they are retail chains. Purchasing large lots of goods directly from industrial enterprises

¹ Kuznetsova A. A., Nikishin A. F., Mayorova E. A. Managing price policy of trade organizations in the Internet. В сборнике: The Ninth International Conference on Economic Sciences Proceedings of the Conference. Vienna, 2015. С. 130–132.

² Leonova Ju. G. Peculiarities of performance assessment of a trade organization in a competitive market // European Journal of Economics and Management Sciences. 2016. № 1. С. 72–74.

secures good discounts for the retail chains. But this kind of price promotion from manufacturers does not lead to significant reduction of retail prices. Retail chains focus mainly on market prices when defining their retail ones.

It is more and more difficult to enter the market as a supplier to the retail chains every year. With a proven suppliers behind the retail chains are very demandable to newcomers. The retail chains often organize tenders to select new suppliers. Such a new supplier has meet all criteria required by this or that retail chain: to secure a necessary delivery volume for a period, to provide a necessary assortment, to deliver goods at low prices. They sign a contract with the selected this way suppliers. The contract terms depend on reliability of the supplier and a type of goods delivered. Privileged positions are possessed by those being monopolies on the market. Offering exclusive goods, the suppliers can dictate their conditions to the retail chains.

Today the majority of suppliers can not enter retail chains stores without paying of retro-bonuses. The sum of money which a supplier has to pay to a retail chain for placement of his goods on shelves of stores stands for the retro-bonus. The retro-bonus can be collected in a form of a fixed amount of money or in a form of a percent from the sale price of the goods placed. The retro-bonus system prevents minor manufacturers to enter the market.

Many retail chains used to make sales online so it plays a certain role in purchase activities. Goods sales over the Internet gives a seller an option to deliver the goods in shorter gap from a buyer's choice to the very sale done. The range of goods on sale over the Internet differs from that traditional one¹, so the purchase activities should be adjusted respectively.

In the conclusion we have to point that the purchase activities of retailers is a complicated process closely tied with economic and political events around the globe.

References:

1. Kuznetsova A. A., Nikishin A. F., Mayorova E. A. Managing price policy of trade organizations in the Internet. В сборнике: The Ninth International Conference on Economic Sciences Proceedings of the Conference. Vienna, 2015. С. 130–132.
2. Leonova Ju. G. Peculiarities of performance assessment of a trade organization in a competitive market//European Journal of Economics and Management Sciences. 2016. № 1. С. 72–74.
3. Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Potential of the Internet network in formation of the assortment of the trade organizations//European science review. 2016. № 1–2.

¹ Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Potential of the Internet network in formation of the assortment of the trade organizations//European science review. 2016. № 1–2.

*Mukhina Maria Mikhailovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
student, Department of Trade policy
E-mail: ktdn@yandex.ru*

The problem of illegal use of a trademark for maintaining the business image of trade organization

In the contemporary world the image has great importance. Trade organizations pay great attention to well-known trademark brands forming its assortment¹. Moreover, at the present time great importance is also given to reviews about products on the Internet, which is explored by Mayorova E. A.², Nikishin A. F.³. and others. The work of Kuznetsova examines relationships between the image of trade organization and its price policy⁴.

Counterfeit is a fake product that is copied on the similarity of existing brand. Counterfeit products are divided into several types. The forgery of logotype is widely spread all over the world. In the case of the changed name of product buyers fall for the tricks because of associations with familiar brand. At the same time it is difficult to prove infractions of moral rights of the organization because fake logotype don't match with the original. Buyers who purchase original products in retail stores are confident in its quality and authenticity. Fake logotypes are often found on the markets in small towns where people do not have the opportunity to travel to large cities for purchasing the original. Many trade organizations offer the opportunity of using the delivery service at a postal terminal or by mail that reduces the risk of purchasing counterfeit products from scammers. In this case it is necessary not only to pay the price of goods but also the delivery. Payment of the delivery increases the bill of the buyer that may negatively influence on the decision of buyers, but all the people who want to buy original brand do not regret the time and money on the quality of product that will serve for many years. This type of counterfeit has the weakest impact on the incomes of trade organizations that realize original product because fake logotype is easy to recognize.

¹ Mukhina M. M., Nikishin A. F., Pankina T. V. The role of image in the e-commerce//European science review. 2015. № 11–12. P. 220–221.

² Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Potential of the Internet network in formation of the assortment of the trade organizations//European science review. 2016. № 1–2.

³ Maslova A. E., Timyasheva E. T., Nikishin A. F. Factors that form an attractive image of trade organizations//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 7–8. C. 146–147.

⁴ Kuznetsova A. A., Nikishin A. F., Mayorova E. A. Managing price policy of trade organizations in the Internet. В сборнике: The Ninth International Conference on Economic Sciences Proceedings of the Conference. Vienna, 2015. C. 130–132.

The second type of counterfeiting involves not only logotype but also the appearance of product. This product positions itself as original for its properties, appearance and quality, so it sets the extremely high price. Currently you can find a great number of fakes that are close to the original.

In online shops fake products cost approximately a half less of the price of the original in the brand store. This counterfeit has the strong impact on the income of trade organizations because buyers do not always want to purchase original product for the high price. The existence of fake products that are overall copied from the original and do not differ from others, make buyers doubt about their decision of purchasing original brand.

Buyers who do not have the ability of buying branded products at high prices, often resort to counterfeits¹. In turn, buyers who can afford purchasing branded goods, do not want to buy goods that are similar to widespread fakes that you can face everywhere. It has negative effect on trade organizations because they do not have time to update the assortment and sell all goods from the last collections when the same fake copies appear on the market.

“Piracy” is the next type of counterfeiting. In this case books, music and movies seep into the Internet that deprives the desire of customers to purchase these goods in stores. Instead of buying the printed book you can download it on the e-book on diverse Internet resources absolutely for free. Music and movies are possible to download on specialized sites instead of buying CDs. This leads to the fact that amount of people who buy books, music CDs and movies gets smaller. It is difficult for book stores to surprise visitors with novelty and diverse assortment. People rather purchase specialized literature that is in the deficit on the Internet and gift books. Another kind of counterfeiting includes the use of previously patented technical solutions. Counterfeiting of mobiles devices that are produced by Chinese manufacturers is widespread. Counterfeit phones are very understated which is attractive to customers. The price is often “underestimated” by various discounts and promotions on different models but this is only the evidence of forgery or used model. Buyers who understand all the subtleties that relate to original phones can easily define counterfeiting. Not all the people have knowledge in this area that is why customers succumb to the tricks of fraudsters and buy the copy. In this case of counterfeiting trade organizations can suffer due to the fact that the mobile devices are not easy to distinguish from fake and customers will be dissatisfied with its quality, technical mistakes made by unscrupulous manufacturers. Trade organization can not only miss out the possible income from sales of phones of this brand but also loose the image, as the consumers will feel cheated, having bought

¹ Leonova Ju. G. Peculiarities of performance assessment of a trade organization in a competitive market//European Journal of Economics and Management Sciences. 2016. № 1. С. 72–74.

the “original”, in their opinion, model. And in this case the buyer perceives the product assortment as implementing counterfeit products that decreases its competitiveness and negatively affects the image. Trade organization run the risk of not realizing their product with the appropriate fake and give others the opportunity of getting the strong reputation.

The modern tendency of trade development is sales of products under its own trademarks. The use of private brands allows trade organizations to avoid dependence on suppliers, promoting the products under their own brands and changing suppliers despite of producers. This leads to the fact that the problem of illegal use of trademarks begins to cause damage to such trading organizations. In conclusion it should be noted that the problem of realization of counterfeit products is acute in all spheres including the trade.

References:

1. Mukhina M. M., Nikishin A. F., Pankina T. V. The role of image in the e-commerce//European science review. 2015. № 11–12. P. 220–221.
2. Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Potential of the Internet network in formation of the assortment of the trade organizations//European science review. 2016. № 1–2.
3. Maslova A. E., Timyasheva E. T., Nikishin A. F. Factors that form an attractive image of trade organizations//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 7–8. C. 146–147.
4. Kuznetsova A. A., Nikishin A. F., Mayorova E. A. Managing price policy of trade organizations in the Internet. В сборнике: The Ninth International Conference on Economic Sciences Proceedings of the Conference. Vienna, 2015. C. 130–132.
5. Leonova Ju. G. Peculiarities of performance assessment of a trade organization in a competitive market//European Journal of Economics and Management Sciences. 2016. № 1. C. 72–74.

*Cheberyako Oksana Viktorovna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Associate Professor of Department of finances*

*Ryabokon Oksana Aleksandrovna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, post graduate student
E-mail: oksana_r@i.ua*

Foundations of the fiscal decentralization in Ukraine

The processes of reforms in Ukraine are global and irreversible. They are aimed at the fundamental changes in all spheres of life. A large number of social and economic

problems directly affect people's daily lives, and therefore must be addressed first and foremost in their places of residence, with their direct participation.

The current stage of development of economic science is characterized by the increased attention to regional problems. The number of publications of the candidate and doctoral dissertations on this subject increased, it is growing the subject of research that identifies and justifies the mechanisms of the sustainable socio-economic development.

The prerequisite for the expansion of fiscal space in the authority of local government was the establishment in the favorable macroeconomic and institutional environment the clearly defined and coordinated for all levels of government purposes of the economic policy. It becomes important the creation of the fiscal space for the increasing of those public spending that promote the factors of long-term economic growth (quality of human resources, science, technology, innovations).

The aspects of effective implementation of the provisions of fiscal decentralization in public finances are investigated in the works of such foreign scientists as B. Oates, R. Musgrave, J. Buchanan, Ch. Tibu and P. Samuelson.

Among the local researchers this theme was investigated by the following: O. Vasylyk, M. Derkach, V. Zaichykova, T. Kvasha, O. Kyrylenko, V. Kravchenko, I. Lunina, Z. Matsuk, S. Sluhai, V. Fedosov and others. However, in their publications these scientists mostly consider some practical aspects of the implementation of the fiscal decentralization in the context of solving a wide range of issues concerning the ordering of the budgetary process items.

For the effective functioning of the local budget, it is necessary to provide a stable and clear distribution of functions and responsibilities, including the determining of the share of expenditures of local budgets in the consolidated budget.

At the same time in the conditions of the budget legislation changes aimed at formation of the sufficient financial security of local self-government, there is a need for the theoretical justification of the fiscal decentralization provisions for their practical implementation in Ukraine¹.

At the current stage of budget reforms, the top priority is to accelerate the development of regions by using the instruments of budgetary policy considering the fact that local budgets of Ukraine are significantly differentiated by the level of the efficiency of the management of the budget resources and the self-sufficiency of labor, natural and financial resources².

¹ Kuzkin E. The Theoretical Aspects of the Fiscal Decentralization/E. Kuzkin//Scientific Works NDFI. – 2014 – Vol. 4. – P. 3–12.

² Efimenko T. Prospects of Reforming the Local Budgets Fiscal Space/T. Efimenko//Scientific Works NDFI. – 2012. – № 3 (60). – P. 20–32.

Current researches of the fiscal decentralization are focused on the analysis of its features and disadvantages in order to determine the conditions of the effective socio-economic development of the individual regions and the country as a whole. Thus, according to the local researchers fiscal decentralization is determined by the level of democracy and competence of the public authorities, as well as the level of confidence in the local government bodies, the perception by public authorities the needs of society in general and individual citizens particularly according to their expectations¹.

One of the key problems of the theory and practice of public finance is to determine the degree of decentralization while performing by different levels of government their responsibilities. According to preliminary estimates, all the functions of the state as a social institution (allocation, distribution, stabilization) should be distributed between these levels taking into account the possibility of achieving the Pareto-efficiency, which depends on the following factors:

- a) the availability of technical means and information resources for the solution of this or that problem;
- b) the possibility of providing the economy of scale;
- c) the probability of the internationalization of positive external effects;
- d) the ability to formulate of the problem adequately.

If during the theoretical division of functions issues are resolved quite easily, it is much more complicated the problem of optimal allocation of resources spent for these purposes².

T. Kvasha systematized the existing models of the relationship between the fiscal decentralization and the economic growth and suggested the approach to building models of the impact of the fiscal decentralization on economic development of the regions of Ukraine. She analyzed and systematized the existing models of the impact of the fiscal decentralization on economic development. It was determined that in order to build such models using the production function of Cobb-Douglas in which the dependent variable is mostly the growth rate of gross domestic product per capita, the binding independent variables are the functions of capital and decentralization. In addition, T. Kvasha proposed the list of factors for building the suitable model for the regions of Ukraine.

S. Matsuk examines the formation of the decentralized system of the budget management in Ukraine through the development of fiscal federalism. This is because the federalism or at least the delegation of authority of the central government to local

¹ Buletsa N. Fiscal Decentralization and Socio-economic Development of Regions [electronic resource]/N. Buletsa//The Effective Economy. – 2015. – № 12. – Access: http://www.economy.nayka.com.ua/pdf/12_2015/55.pdf

² Kuzkin E. The Theoretical Aspects of the Fiscal Decentralization/E. Kuzkin//Scientific Works NDFI. – 2014 – Vol. 4. – P. 3–12.

governments is becoming more relevant in different parts of the world and has the following advantages¹:

- the decentralization process allows you to delegate the fiscal powers and responsibilities to provide the social benefits to the local level;
- the local authorities have more information concerning the local needs than central government so they are taking more effective decisions;
- the fiscal decentralization envisages the emergence of competition between regions that provokes the optimal allocation of resources;
- the fiscal federalism under certain conditions creates the situation in which the level of the government power mutually exclude each other intervention in the functioning of market economy.

During the effective division of authorities, none of the levels of the government has no monopoly in the regulation of the economy.

M. Derkach systematized and analyzed the existing models of the decentralization of the fiscal state functions. He made the classification of fiscal decentralization models based on the allocation of such classification features²:

- 1) the volume and content of the powers of local authorities: competitive and cooperative;
- 2) the degree of concentration of income in the central government: with high and low degree;
- 3) the evolutionary and territorial characteristics of the budget system: traditional (American, Canadian, German, Soviet, Chinese), alternative (legal autonomy with the financial dependence and asymmetric) and integrational;
- 4) the approach to the regulation of intergovernmental relations: with a high degree of autonomy of local authorities, with a high proportion of local authorities to fund social spending, with considerable autonomy of budgets of different levels in combination with the developed system of their cooperation, with significant financial dependence of regions from the central budget;
- 5) the way of organization of the budget system: centralized, decentralized, combined;
- 6) the approach to allocation of the assistance to the local authorities: conservatory, quasi-reformatory, radical.

Ukraine has declared the course on the decentralization of the budget system. Which is fixed in the Constitution of Ukraine and was ratified upon signing the Eu-

¹ Matsuk Z. The Fiscal Federalism as a Decentralized Model of the Budget Management in Ukraine/Z. Matsuk//Finance, Accounting and Auditing. – 2014. – № 1 (23). – P. 81–94.

² Derkach M. Models of the Fiscal Decentralization of the World [electronic resource]/M. Derkach// Bulletin of Dnipropetrovsk University. – Access: <http://www.vestnikdnu.com.ua/archive/201263/3-10.html>.

ropean Charter on Local Self-Government. However, in practice we can observe the tendency to centralize the management of the budget. This is reflected not even in proportions between the State and local budgets, but in the substantial discrepancy of the resource potential of the local budgets to the volume of their expenditures.

Significant deficiencies of the fiscal decentralization are seen in the following¹:

- reducing the level of control over the formation and effective allocation of the budget funds;
- limiting the government authorities in equalization of revenue and expenditure parts of budget of local authorities, regulation of social and economic disparities of regional development;
- reducing the priorities for government authorities in the provision the infrastructure investments;
- growth of the interregional differentiation of net fiscal benefits;
- reducing the effectiveness of the implementation of budget policy at the local level.

The additional limitation of fiscal decentralization in Ukraine is the high level of inter-regional differences in the budget provision and this objectively requires a significant centralization of tax revenues for future redistribution.

Effective decentralization policy allows to optimally balancing the needs of administrative units with their financial capabilities. Improperly constructed decentralization policy minimizes the incentives of local authorities to grow economically and in the presence of deficit of financial resources creates corruption².

The processes of the fiscal decentralization should not be limited to the redistribution of financial resources between regions. First of all, they should stimulate local authorities to financial autonomy and to increase the financial and economic capacity.

References:

1. Buletsa N. Fiscal Decentralization and Socio-economic Development of Regions [electronic resource]/N. Buletsa//The Effective Economy. – 2015. – № 12. – Access: http://www.economy.nayka.com.ua/pdf/12_2015/55.pdf
2. Derkach M. Models of the Fiscal Decentralization of the World [electronic resource]/M. Derkach//Bulletin of Dnipropetrovsk University. – Access: <http://www.vestnikdnu.com.ua/archive/201263/3-10.html>
3. Efimenko T. Prospects of Reforming the Local Budgets Fiscal Space/T. Efimenko//Scientific Works NDFI. – 2012. – № 3 (60). – P. 20–32.

¹ Uskov I. The Decentralization as the Basis of Becoming the Financially Independent Local Government/I. Uskov//BusinessInform. – 2012. – № 3. – S. 107–111.

² Kvasha T. Fiscal Decentralization: Models of its Impact on the Economic Development/T. Kvasha//Technology Audit and Reserves of Production. – 2015. – № 5/5 (25). – P. 70–74.

4. Kvasha T. Fiscal Decentralization: Models of its Impact on the Economic Development/T. Kvasha//Technology Audit and Reserves of Production. – 2015. – № 5/5 (25). – P. 70–74.
5. Kuzkin E. The Theoretical Aspects of the Fiscal Decentralization/E. Kuzkin//Scientific Works NDFI. – 2014 – Vol. 4. – P. 3–12.
6. Matsuk Z. The Fiscal Federalism as a Decentralized Model of the Budget Management in Ukraine/Z. Matsuk//Finance, Accounting and Auditing. – 2014. – № 1 (23). – P. 81–94.
7. Uskov I. The Decentralization as the Basis of Becoming the Financially Independent Local Government/I. Uskov//BusinessInform. – 2012. – № 3. – S. 107–111.

Section 10. Science of law

*Abdullajonova Gulirano,
University of world economy and diplomacy,
Undergraduate student, Faculty of International Law
Email: gulkaabd@gmail.com*

Importance of social psychology for the legal science

Any community of people, no matter how big it is, is characterized by its own psychology, which can be called the psychology of society, group or collective. The science that studies the psychology of society is called social psychology. We know that social psychology studies the behavior of the person in the group, as well as the features of the behavior and thinking of certain groups, including the people of certain nationalities or people living in one country. This area is especially important in the study of the psychology of society in the context of interaction with the law.

What is the importance of social psychology in regard of the legal science? You do not even need to mention the fact that the state and the law exist to serve the public, they are necessary for the normal functioning of society, to meet the needs of the societies, to create certain conditions for its members. Therefore, before carrying out law-making and law enforcement, it is necessary to examine the society for which it is entitled. The importance of the study of social psychology from the perspective of jurisprudence, is also in the fact that each society has inherent features of legal psychology and legal consciousness. These terms are synonymous, but not identical. The first has broader meaning and includes all the elements of the human psyche and all its effects, even the ones, which are not conscious. If look deeper at this subject, it is easy to understand that psychological phenomena such as the needs, values, interests, and will — are essential parts of the process of formation of law and its application. Before realized in concrete behavior of individuals, the rule of law must be understood by the subjects of law. And in this difficult process of perception of provisions of the law, the formation of attitude toward them and selection of a particular direction of behavior, appropriate or contrary to the relevant rules of law, the important role is played by human psychology, its value orientation and attitudes.

In our opinion, social psychology has the following significance for the legal system:

1. Having detected which socio-psychological characteristics inherent in a given society, it is possible to understand the aspirations, needs and wills of the society. In particular, it is possible to detect which state and legal system is necessary or appropriate to this society.

2. Knowing the psychological traits that are peculiar to this or that people helps to implement public administration more easily and effectively, and adopt laws which are appropriate to these people.

3. The study of this problem will allow to determine how to make the social groups know and respect the law; what laws need to be taken to conform to the psychological characteristics of the people and meet their needs.

4. In addition, the socio-psychological knowledge matters in the sphere of justice system. In particular, the very practice of the Court. Here, for example, are important moments like the guarantee to establish the truth, witness protection, the objectivity of the proceedings and the adoption of a fair court decision. It is known that in particular nations people are very impressive and the judges and other participants in the process may have the impression of a person acting (the prosecutor, defense attorney, defendant, victim, witnesses), so it is important to minimize any kind of subjective influence on the decision taken by the court. Since in this case the national psychological characteristics of people in the country, such as the possible impressionability, sensitivity or vice versa coolly exposure to pressure, etc. really matter. Having examined these facts, it is possible to exceed the maximum objectivity of justice.

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation V.M. Syryh comes with a similar opinion, claiming that in order to efficiently solve the problems of social action of law, enhance its effectiveness in addressing the economic, political and other problems of modern society, lawyers should conduct special studies of the mechanism of interaction of legal, social and psychological patterns, as well as the specifics of the latest manifestations in the legal consciousness of the population. Particular attention should be given to the creation of science-based management systems of law which will impact on the human consciousness, people's emotions and feelings, and help to overcome negative attitude towards the legal norms which direct citizens to legally neutral or illegal behavior¹.

The problem of the psychology of society in this context, is considered in detail by famous French social psychologist G. Le Bon (1841–1931), in his work “Psychology

¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. Т. 1. М.: «Юстицинформ», 2000. 528 с.

of the peoples “: “... In the absence of anatomical characteristics, it has been proposed to base the classification of certain peoples on various elements, such as language, belief, and political organisation; but this mode of classification will scarcely bear examination. The elements of classification which anatomy, languages, environment, or political organisation are incapable of furnishing are supplied by psychology, which shows what lies behind the institutions, arts, beliefs, and political upheavals of each people”¹. According to Le Bon, and it is impossible to disagree with him on that point, each race has the as robust mental features as physical. “The moral and intellectual characteristics, whose association forms the soul of a people, represent the synthesis of its entire past, the inheritance of all its ancestors, the motives of its conduct ... This aggregate of psychological elements observable in all the individuals of a race constitutes what may rightly be called the national character”².

So, all sorts of changes and upheavals in the country are caused by the fact that the nation is committed to the type of state legal system which is required by his soul. Therefore, exploring the “soul of the nation”, or the psychology of the people, it is possible to exercise effective control to avoid various state-legal revolutions, social upheavals. In our modern these questions are becoming extremely important.

On this point, Views of of “national spirit”, “the people’s mentality” Soviet and Russian sociologist and culture expert G. Gachev says: “I believe that each national integrity: the people, the country, the culture — has a particular worldview, the unique scale of values”³. He believes that, how the given person speaks, how lives, the conceptions he appreciates and what he loves, what food prefers and how he thinks — everything is dictated by his culture, “national view” of his nation. And a way of penetration into this lies through “an arsenal of archetypes and the principles, a scale of values that form national mentality of these people, its culture, he sees in studying of the national world at the different levels: from consideration of the life, housekeeping; studying of language, in particular daily habits of word usage (often used phrases take special place in a national image of the world of the people); to religion, literature: the writer, as if, “generalizes” a view of the people of the world, myths and legends — reflection of how the people perceive environment, etc. He gives particular examples on this topic in context of the worldviews of different nations. Ideas of Gachev can be used as a system to study the nature of certain nations.

The ideas of the great French philosopher Charles Montesquieu are very much relevant and deserve special attention in this respect. He writes on this subject in the context of the law in his work “The Spirit of Laws”. Speaking about the creation of

¹ Gustav Le Bon. “The psychology of peoples” New York, The Macmillan 1898.

² Ibid.

³ Национальные образы мира», Георгий Гачев, М.: Советский писатель 1988.

laws, Montesquieu primarily draws attention to the nature and properties of the nation which must comply with the law, established for the people. "Law in general is human reason, in as much as it governs all the inhabitants of the earth: the political and civil laws of each nation ought to be only the particular cases in which human reason is applied"¹.

Montesquieu opinions, that the laws must correspond to the nature and principles of the established government; physical properties of the country and its climate — cold, hot or mild; soil quality; lifestyle of its people; the degree of freedom allowed by the state apparatus; commerce, manners and customs. The combination of all these relationships he calls "the spirit of the law".

Based on the above, comes the belief that the laws and legal systems that suit one nation, can rarely be advisable to serve the interests of other people. The legislator must take into account all the objective circumstances in the country, psychology and outlook of the people who live in it. Although, today we can not but take into account the opinion and influence of the international community, the foreign policy situation, relations with other countries, etc. as well.

Montesquieu wrote: "... People always knows, loves and defends its manners more than its laws"² Thus, it is advisable to reasonably approximate the laws to the customs and values of the people, so that the people will perceive and understand the laws set by the state. At the same time, it is appropriate to such to make such an interweaving: it is possible for the government to elevate love and respect to the laws to the level of nation's values and traditions with the help of policy, promotion and other means.

In our opinion, all the civil wars, upheavals, even economic stagnation taking place in some countries nowadays are the result of insufficient knowledge of the psychology of the people of these countries, and its incompatibility with the present state policies and legal reality in the country.

Studying and taking into account the psychology of the nation is necessary in the spheres of choosing the state legal system, legal and social policy, adoption of legal acts and all other areas of public administration. Attempts to apply the same political and legal ideals of to all the nations of the world, without taking into account their specificity, may lead to serious consequences. So, studying social psychology of the nation and implementing this knowledge in the spheres of state administration, law-making and law enforcing is a must in our modern world.

¹ Charles de Montesquieu "The spirit of laws". Translated by Thomas Nugent, revised by J. V. Prichard. Based on edition published in 1914 by G. Bell & Sons, Ltd., London. Html from the web-site constitution.org

² Ibid (X, 11).

*Malinovsky Oleg Nikolaevich,
Kuban State University,
associate professor of civil procedure
and international law department
E-mail: malinovsky1851@mail.ru*

To the question of generally recognized principles and norms of international law and international treaties action in the legal system of Russia

*Малиновский Олег Николаевич,
Кубанский государственный университет,
доцент кафедры гражданского процесса
и международного права
E-mail: malinovsky1851@mail.ru*

К вопросу о действии общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе России

В Декларации тысячелетия, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 8 сентября 2000 г., констатируется усиливающаяся взаимосвязанность и взаимозависимость государств и подчёркивается, что одной из главных задач международного сообщества в XXI веке является повышение уважения к принципу верховенства права в международных и внутренних делах¹. Очевиден тот факт, что проблемы, с которыми человечество в условиях набирающего силу процесса глобализации вступило в XXI век, можно успешно решить лишь консолидированными усилиями всего мирового сообщества в целом при опоре на имеющиеся достижения межгосударственной интеграции.

Одним из главных инструментов решения глобальных проблем, стоящих перед сообществом государств, является международное право. Исходя из объективной необходимости дальнейшего развития интеграционных процессов и повышения степени управляемости ими, с учётом новых угроз XXI века, в укреплении единого международного правопорядка, базирующегося на положениях Устава ООН, а также иных международных актов, заинтересовано подавляющее большинство государств, в связи с чем роль международного права в решении как международных, так и внутригосударственных проблем должна неуклонно возрастать. Соответственно будет углубляться и его взаимодействие с правом, создаваемым в государствах. Как

¹ Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Сост. – Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учебное пособие. М., 2002. Т. 2. С. 506.

подчёркивал И. И. Лукашук, «глобализация ведёт к интернационализации жизни государств и тем самым к интернационализации их правовых систем»¹.

Являясь одним из высших достижений мировой цивилизации, а также средством обеспечения приоритета общечеловеческих ценностей и претворения в жизнь концепций устойчивого развития и всеобъемлющей системы международной безопасности, международное право сегодня оказывает особенно сильное воздействие на правовые системы тех стран, которые встали на путь построения правовой государственности, так как правовая система демократического правового государства должна быть гармонизирована с международным правом, выходящая, исходя из задачи обеспечения единства международной и внутренней законности, в качестве необходимой подсистемы продолжающей формироваться глобальной нормативной системы, в рамках которой высшую ступень в иерархии норм должны занимать общепризнанные принципы и нормы международного права, а в иерархии ценностей — права человека.

К числу таких стран относится и Россия, признающая примат международного права в регулировании международных отношений и выступающая, как подчёркивается в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г., «за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм»², что обеспечивается в том числе и установлением в рамках национальной правовой системы приоритета значительной части норм международного права, включенных в правовую систему, по отношению к законам и нижестоящим источникам права. Данный подход соответствует требованиям Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., устанавливающей, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора»³, а также требованиям, вытекающим из иных международных актов. В то же время такой подход полностью соответствует внутренним потребностям развития правовой системы России, ибо правовое государство можно построить, только опираясь на прогрессивные нормы международного права, и в первую очередь, на обладающие повышенной социальной ценностью нормы о правах человека, цели которых полностью соответствуют главным целям Конституции РФ. В юридической литературе подчёркивается, что «достижение гармонизации с международным правом — одно из главных направлений совершенствования национальной правовой системы»⁴.

¹ Лукашук И. И. За международным правом будущее // Международное публичное и частное право. 2006. № 4 (31). С. 4.

² Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37.

⁴ Дмитриева Г. К., Лукашук И. И. Международный договор и проблемы сближения национальных правовых систем // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова. М., 2006. С. 239.

Положения, создающие базисные условия для реализации норм международного права в правовой системе РФ, содержатся в ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 55 и некоторых других статьях Конституции РФ. В их ряду центральное место принадлежит положениям ч. 4 ст. 15.

Говоря о ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, инкорпорировавшей общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ в национальную правовую систему, необходимо отметить, что положения ч. 4 ст. 15, являющиеся одной из основ конституционного строя, вывели Конституцию РФ в вопросе взаимодействия международного права и права, создаваемого в государстве, в число передовых и подняли правовую систему РФ на качественно новый уровень. Данная конституционная норма по охвату норм сформулирована широко, что сделало правовую систему максимально открытой международному праву.

Высоко оценивая значение ч. 4 ст. 15, обратим внимание и на ее особенность: она совместила два понятия — источник международного права (договор) и вид норм международного права (общепризнанные принципы и нормы). Данную конструкцию нельзя назвать простой, но в то же время такой подход имеет место в зарубежной практике (ст. 28 Конституции Греции 1975 г.).

Анализ правовых актов и положений доктрины позволяет констатировать, что международные договоры и обычаи, включенные ч. 4 ст. 15 в национальную правовую систему, являются официальными формами выражения четырех категорий норм международного права. Рассмотрим их подробнее.

1. Общепризнанные принципы международного права, которые имеют как договорную, так и обычно-правовую форму. Являясь универсальными основополагающими императивными нормами (*jus cogens*), отклонение от которых недопустимо, в иерархии международно-правовых норм они занимают высшую ступень. Будучи ядром общего международного права, общепризнанные принципы обладают наивысшей степенью нормативности. Порождаемые ими правоотношения являются всеобщими, «между всеми» (*erga omnes*). В рамках правовой системы РФ особое значение имеют принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. В частности, говоря о принципе всеобщего уважения прав человека, следует отметить, что вопросы, касающиеся прав человека, не относятся к числу исключительно внутренних дел государств, а сами отношения в сфере прав человека представляют собой совмещенный предмет регулирования. Это является отражением того факта, что «права человека обладают универсальной юридической силой, и поэтому по вопросам прав человека утверждается идея универсальной юрисдикции»¹. Исходя из того, что неотъемлемой и важнейшей составной частью

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 677.

принципа всеобщего уважения прав человека является положение о признании достоинства человеческой личности, все права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах, должны толковаться как основанные на данном положении.

2. Общеизвестные договорные нормы международного права, закрепленные, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

3. Общеизвестные обычные нормы международного права, содержащиеся, в частности, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

4. Договорные нормы, не являющиеся общеизвестными. Договоры, в которых содержатся эти нормы, подразделяются на три группы: договоры универсального уровня, региональные договоры, партикулярные договоры. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» выделяет межгосударственные договоры РФ, межправительственные договоры РФ, договоры РФ межведомственного характера. При этом приоритетом применения по отношению к законам РФ могут обладать только договоры, согласие на обязательность которых было выражено в форме федерального закона, что однозначно вытекает из сопоставления ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 1 ст. 15 названного Закона. Межгосударственные, межправительственные договоры РФ и договоры РФ межведомственного характера, согласие на обязательность которых было выражено не в указанной форме, имеют приоритет в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим договор, а также в отношении актов нижестоящих органов. Обязательным условием действия международных договоров в правовой системе РФ является их официальное опубликование.

Отмечая, что на сегодняшний день легитимного определения понятия «правовая система» не существует, автор присоединяется к доминирующему в науке мнению ученых, которые считают, что данное понятие не тождественно понятию «система права». Оно шире и включает в себя как минимум три базовых компонента: позитивное право, юридическую практику, в том числе и правотворчество как процесс формирования позитивных источников права, правосознание.

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ, положения которой получили развитие в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г., Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г., не только установила общую санкцию на применение норм международного права в национальной правовой системе, но и дала импульс закреплению положений о них в отраслевых кодексах и иных

нормативно-правовых актах. При этом необходимо отметить, что отраслевое законодательство в некоторых случаях интегрирует нормы международного права в том или ином объёме в свой состав (ч. 3 ст. 1 УПК РФ, ч. 2 ст. 1 ГПК РФ).

В целом можно констатировать, что в рамках национальной правовой системы действие общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ обеспечивается путем: 1) применения на основе ч. 4 ст. 15 и иных норм Конституции РФ, указанных выше законов, соответствующих норм отраслевых кодексов (ст. 7 ГК РФ, ст. 10 Трудового кодекса РФ, ст. 3 УИК РФ, ст. 1 и 11 ГПК РФ, ст. 1 УПК РФ и др.), а также иных правовых актов; 2) отражения во внутригосударственном законодательстве посредством разработки и принятия новых законов, внесения дополнений и изменений в действующие; 3) использования в целях толкования внутригосударственных нормативных правовых актов.

Задача повышения эффективности действия норм международного права в правовой системе России сопряжена с комплексом взаимосвязанных вопросов, требующих своего решения на теоретическом, правотворческом и правоприменительном уровнях.

В частности, в ряду вопросов теоретического характера, которые, по мнению автора, нуждаются в дальнейшем доктринальном анализе и развитии, необходимо выделить следующие: 1) об особом значении для отраслевых юридических наук, правотворческой и правоприменительной деятельности концепции международного «мягкого права» (soft law); 2) об особом статусе общепризнанных принципов и норм международного права о правах человека и их способности проявлять себя в отраслях российского права в качестве норм-принципов; 3) об особенностях международно-правового обычая, который может являться формой выражения общепризнанных норм, и его определенных отличиях от внутригосударственного правового обычая; 4) о необходимости дальнейшего развития в отечественной правовой доктрине концепции международной правосубъектности физических лиц и положения о том, что права и свободы, закреплённые в нормах международного права, являются неотъемлемой составной частью общего, специального и индивидуального статуса личности; 5) о делении международно-правовых источников, являющихся в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ интегральной составной частью национальной правовой системы, на первичные и вторичные с включением в группу первичных общепризнанных принципов и норм международного права, а также межгосударственных и межправительственных договоров РФ, согласие на обязательность которых было выражено в форме федерального закона; в группу вторичных — межгосударственных и межправительственных договоров РФ, согласие на обязательность которых было выражено в иной форме, а также договоров РФ межведомственного

характера. При ратификации договоров РФ межведомственного характера они подлежат включению в группу первичных источников. Делению на первичные и вторичные должны быть подвергнуты и все иные формальные источники права, действующие в правовой системе России.

Mataj Rezarta Judge

Tirana District Court

Phd candidate University of Tirana, Faculty of Law

E-mail: rezimataj@gmail.com

Excluded entities from administrative responsibility in Albania

Abstract: If we compare the development of the concept of civil responsibility of the state, we can say that it is a phenomenon of the 19th and 20th century, beginning in the USA, to be later followed in France, England, etc. In the Middle Ages, there was the doctrine of the lack of responsibility on the part of the state and its bodies for the unlawful actions they carried out against the citizens because the principle of “king’s divine rights” prevailed and he, the face of God on Earth, was errorless and could not be sued and adjudicated by courts.

In Albania, this phenomenon has developed only in the 20th century and there is no consolidated concept of the term extra-contractual responsibility of state authorities and public administration. But still there are some subjects that do not have any administrative responsibility even why are considered as state entities (organs) like: judiciary, the Head of State (President), the members of parliament who have wear them with immunity and give them the freedom to be up the other public entities. The complaints of citizens for their acts often have caused to state a financial damage that is the time to be direct compensated by these subjects.

Key words: state liability, public administration bodies, injured person, Albania Civil Code, remedies.

Introduction

According to Assoc. Prof. Sokol Sadushi (the most known administrative law academic in Albania) this institute is defined as: “*obligation of public administration bodies to indemnify the damage incurred by them against the interests of private persons while exercising their public functions*”¹.

¹ Assoc. Prof. Sadushi S., “General principles of public administration”, “Luarasi” Non-public Higher Education Institution, Tirana, 2013. P. 14.

The scope of extra-contractual responsibility will include the scope of responsibility held by its entities in relation to third parties, with or without economic consequences for them. If we refer to the opposite of the concept, we can claim that any kind of responsibility is regulated, not deriving from previous relationships of the citizen, the domestic or foreign legal person with the public administration. It does not usually include responsibilities stemming from contractual relations where at least one of the parties is a public body. In other words, the scope of extra-contractual responsibility does not entail the obligations of the parties under an administrative contract.

The concept of administrative contract is explained in CAP (Code of Administrative Procedures) (1999)¹ and the new CAP (2015)² with almost the same content, i. e. as an agreement, which creates, changes, or terminates a relationship, with at least one of these parties required to be a state body. The types of contracts were more clearly described in the CAP of 1999³. This listing of contracts does not exist in the new CAP⁴, the types of contracts cannot be comprehensive and contracts described before can be included: a) public works undertakings; b) procurement of public works; c) procurement of public services; ç) licensing of games of chance; d) continuous supply contracts; dh) contracting of private entities' services in case of natural disasters, and other a/typical contracts.

It is worth understanding that in the case of administrative contracts, the legislator in such relations, which are of a particular civil character, and that are set forth and specified by CAP, also makes reference to the way they are regulated by the Civil Code or other civil legislation about the institute. This means that the institute of extra-contractual responsibility, delicts (*tort or delict*) which is a typical institute of the civil law, the administrative law merely sets a necessary framework to accept it in the family of administrative law, but in terms of content and details, makes room for implication to bodies, parties, executors of the right, etc., which will be referred to where further regulated.

For example, the administrative contract requires that one of the parties be a public body. It is worth highlighting that the legislator itself admits that there is an unavoidable combination of the provisions of the Civil Code on obligations and contracts set forth by Article 419 and onwards of the Civil Code⁵, or in case of contract invalidity

¹ Article 7 “Administrative contracts are the agreements where at least one of the parties is a public body and they aim to create, modify or terminate a legal relation of public law.”

² Article 3 § 4 “Administrative contract” is an agreement by means of which a legal relation of public law is created, modified or terminated and at least one of the parties is a public body.”

³ Article 151 § 2.

⁴ Chapter II “On administrative contracts”, Articles 119 to 125.

⁵ Article 124 – Application of other legal provisions “For issues of the administrative contract expressly unregulated by this Code, the relevant provisions of the Civil Code of the Republic of Albania or special legal provisions are applied”.

the provisions of the Civil Code will be considered about the invalidity of legal actions, Article 92 onwards¹. Therefore, regarding the concept of extra-contractual concept of public administration bodies, the reference of the elements of this institute, as long as the legislation of administrative law has not regulated it, i. e. CAP, law 8510/1999 etc. will be the reference in the provisions of the Civil Code, Articles 608 to 702². This is in line with the provision in Article 1 of law no. 8510/1999: “*Extra-contractual responsibility of state administration bodies is regulated by the provisions of this law and the Civil Code of the Republic of Albania.*”

With reference to Article 608 of the Civil Code, which describes the notion of extra-contractual damage, and the provisions set forth by Article 15 of CAP, it is provided for that the scope of extra-contractual responsibility of AP is where the body of public administration or its employees, unlawfully and by guilt, incurs a person or property damage to a party or third parties related with it.

Persons exempt from administrative responsibility

1. President of the Republic of Albania

The President in the Republic of Albania is the highest individual constitutional body. He is granted such powers as highest authority of Armed Forces, decision-taking body in the judicial power, legislative power, etc.

In his oath before the Parliament of Albania he takes responsibility for the implementation of laws, rights and freedoms of the citizens, etc. The president swears about the implementation of laws, the Constitution, the rights and freedoms of the citizens³. Nevertheless, after he takes his oath and starts his duty, he is criminally liable for his actions which constitute a criminal offense, but not a civil responsibility for his actions or failures to act. This is expressly set forth in Article 90:” 1. *The President of the Republic is not responsible for actions carried out in the exercise of his duty.* 2. *The President of the Republic may be dismissed for serious violations of the Constitution and for the commission of a serious crime. In these cases, a proposal for the dismissal of the President may be made by not less than one-fourth of the members of Parliament and shall be supported by not less than two thirds of all its members.*”

¹ Article 122 –Invalidity of the administrative contract “The invalidity of the administrative contract is regulated by the provisions of the Civil Code, which provide for the invalidity of the legal action...”

² Title V “Obligations deriving from damage” and title V “Indemnification of the damage” by Articles 608 to 652.

³ Article 88 of the Constitution: “3. The President begins his duties after he takes the oath before Parliament, but not before the mandate of the President who is leaving has been completed. The President takes this oath: “I swear that I will obey the Constitution and laws of the country, I will respect the rights and freedoms of citizens, I will protect the independence of the Republic, and I will serve the general interest and the progress of the Albanian People.” The President may add: “So help me God!”

When we speak about lack of responsibility of the President about acts during the exercise of his duty, we say that the president is not civilly liable for the decrees he issues, because Article 93 of the Constitution specifies that: “*The President of the Republic, in pursuance of his powers, issues decrees*” including: decrees for the issuance of laws¹, for the approval and dismissal of a government’s minister², for the approval and dismissal of the government³, for the imposition of a state of war in the country⁴.

Furthermore, the president does not bear civil liability for the decrees or actions he conducts under Article 93 of the Constitution⁵ when:

- a) he addresses messages to Parliament;
- b) he exercises the right of pardon according to law;
- c) he grants Albanian citizenship and permits it to be relinquished according to law;
- ç) he grants decorations and titles of honor according to law;
- d) he grants the highest military ranks according to law;
- dh. upon the proposal of the Prime Minister, he appoints and withdraws plenipotentiary representatives of the Republic of Albania to other states and international organizations;
- e. he accepts letters of credential and the withdrawal of diplomatic representatives of other states and international organizations accredited to the Republic of Albania;
- ë. he enters into international agreements according to law;
- f. upon the proposal of the Prime Minister, he appoints the director of the intelligence service of the state;
- g. he nominates the Chairman of the Academy of Sciences and the rectors of universities pursuant to law;
- gj. he sets the date of the elections for Parliament, for the bodies of local power and for the conduct of referenda;
- h. he requests opinions and information in writing from the directors of state institutions for issues that relate to their duties.

¹ Article 85 of the Constitution.

² Article 98 of the Constitution.

³ Article 105 of the Constitution.

⁴ Article 172 of the Constitution.

⁵ This does not exclude elements of criminal offence by the President in the exercise of his duty such as international agreements signed by him which result in the transfer of territory of the Republic of Albania (Article 210 of the Criminal Code), give up armed forces, whose General Commander he is (Article 209 of the Criminal Code), provoke war (Article 211 of the Criminal Code), sign agreements for armed intervention (Article 212 of the Criminal Code) etc.

2. Members of the Albanian Parliament

Article 73 of the Constitution, as amended¹, provides that: “1. A Member of Parliament does not bear responsibility for opinions expressed in Parliament and votes cast. This provision is not applicable in the case of defamation.

2. A Member of Parliament may not be criminally prosecuted without the authorization of Parliament. Authorization is also required when he is to be arrested.

3. A Member of Parliament may be detained or arrested without authorization when he is apprehended during or immediately after the commission of a serious crime. In these cases, the General Prosecutor...”. This provision is in line with what the Member of Parliament states in his oath before Parliament (colleagues, public, etc.): “I will honestly perform my duty as an MP of the people in Parliament. I will represent the people with dignity and I will obey the Constitution and laws.”² This provision shows that the MP bears criminal liability for any of his actions, including defamation or opinions given in the parliamentary sessions, but he does not bear any civil, disciplinary liability, etc., or any other kind of liability for the opinions expressed in Parliament and the votes cast by him. This constitutional status has been clarified in the decision Parliament of Albania against IlirBeqja no. 44/2011 of the Constitutional Court: “Under the principle of the independence of the parliamentary mandate or the free mandate, which is guaranteed by Article 70/1 of the Constitution, the MP enjoys a constitutional status as an important part of Parliament with his rights. ... omissis ... He also enjoys other rights such as: protection against criminal prosecution (criminal immunity), lack or responsibility for his declarations and vote cast (indemnity), the right to be awarded compensation for his duty as a Member of Parliament (plus other benefits). These are all part of his constitutional status and he enjoys them since the moment of his membership in Parliament³. Only by a comprehensive view of his rights and duties, can we properly understand the complexity of the representation role, set forth in Article 2/2 of our Constitution.”

In the same decision, the Constitutional Court has ruled that the immunity of civil responsibility of the MP starts at the moment the candidate is declared MP by the Central Elections Commission. The Constitutional Court deems that: “Parliament conducts its activities until the first session of the New Parliament (Article 65/3). The Court deems that, upon a literal and comprehensive interpretation of these provisions, the following conclusion is reached: i) the MP is considered such from the moment of the declaration of the final results and continues to be an MP until the constitution of the subsequent Parliament, that is to say, its first session; ii) The MP starts the exercise of his duty

¹ As amended by law no. 9904, dated 21.4.2008, proclaimed by decree no. 5700, dated 6.5.2008 of the President of the Republic of Albania and published in the Official Journal no. 61.

² Article 4 of Parliament’s Regulation.

³ See Law no. 8550, dated 18.11.1999 “on the status of the Member of Parliament”.

at the moment of the oath, upon which the enjoyment of a number of rights and duties of his parliamentary mandate starts; iii) The new Parliament starts its mandate in the first meeting, following the declaration of final results of elections and continues until the first meeting of the new Parliament.”

The question arises whether the members of the Council of Ministers¹, including ministers, vice ministers, or the Prime Minister, bear civil extra-contractual liability for their actions of failures to act in the capacity of executive power bodies, or they enjoy immunity under Article 103§ 3 of the Constitution, which stipulates that “*members of the Council of Ministers enjoy the immunity of the MP*”. I express my opinion that the members of the Council of Ministers who are/aren’t also MPs, enjoy the immunity awarded by Article 73 of the Constitution when exercising their powers, just like the MP, i. e. they express opinions in public, cast their vote in the decision-making process, etc. The Council of Ministers, under Article 95§ 2 of the Constitution, exercises any state function that is not awarded to the bodies of other state or local power. Thus, from the three powers of the state², the Council of Ministers exercises the executive power, whereas Parliament exercises the legislative power under Articles 81 to 85 of the Constitution³. The judicial power is exercised by courts at their three instances, in accordance with Article 135⁴ of the Constitution. Article 44 of the Constitution stipulates that state bodies are liable when provided for and are obliged to indemnify or/and rehabilitate any person who is injured by the acts, actions, or their unlawful failures to act. More specifically, administrative state bodies are legally liable for their activities as provided for by Law no. 8485, dated 12.5.1999 “Code of Administrative Procedures”⁵ as amended, and Law no. 8510/1999 “On extra-contractual responsibility of state administration bodies.”

3. Judges in the Republic of Albania

If we refer to the term used in the Constitution about state body, in the narrow sense we understand state administration bodies, and from a wider sense we under-

¹ According to Article 95 of the Constitution “1. The Council of Ministers is composed of the Prime Minister, deputy Prime Minister and ministers”; 2. The Council of Ministers exercises any state function which is not granted to the bodies of other state or local power.

² Article 7 of the Constitution “The system of government in the Republic of Albania is based on the separation and balancing of legislative, executive and judicial powers.”

³ Chapter “The legislative process”

⁴ Article 135 “1. The judicial power is exercised by the Supreme Court, as well as by the courts of appeal and courts of first instance, which are established by law.”

⁵ Article 14 The principle of liability “ Public administration bodies and their employees are liable for the damage they incur to third parties by:1.Taking unlawful decisions;2.Unlawfully refusing to take decisions; 3.Providing inaccurate written information about private persons, and any other cause or case provided for in the law”.

stand not only public administration bodies (Article 3)¹, but all other bodies of the legislative and judicial power, local government authorities, other constitutional authorities, which, as a whole, constitute the bodies with which the state exercises its governance, or management (Article 7).²

In its decision no. 2/1968, the Italian Constitutional Court ruled that Article 28 of the Constitution³ (analogous with Article 44 of our Constitution) is undoubtedly applicable to judges who exercise normal state activities: *“The autonomy and independence of the judiciary cannot go beyond the state one, as the case legibussoluta (not bound by law, no liability) and beyond the organization of the state.”*⁴

Judges of First Instance Courts and Courts of Appeal. State bodies of the judiciary include the Supreme Court, Court of Appeal and First Instance Courts (Article 135 of the Constitution). The Constitutional Court is also a constitutional state body despite the fact that it is not part of the judiciary.

As of entry into force of the Criminal Code on 01.06.1995⁵ until the entry into force of decision no. 11 dated 02.04.2008 of the Constitutional Court, judges were criminally liable for the proclamation of a verdict which was blatantly unjust. (Article 315)⁶. The Constitutional Court, which decided to repeal this Article as being unconstitutional, provided the following reasoning: *“The court deems that the possibility of criminal prosecution against a judge for issuing a final verdict, while the verdict can be re-examined by a higher court, creates inappropriate pressure on the latter, which may result in the violation of the provision of justice.”* In that decision, the Constitutional Court does not refer to any civil responsibilities of the judge, except for the disciplinary responsibility in case a verdict is not grounded on evidence and law.

Law no. 9877/2008 “On the organization of the judiciary in the Republic of Albania” as amended, regulates the activity of First Instance Courts and the Court of Appeal in Albania, whereas the organization of the Supreme Court is regulated by another special law. This law specifies that judges of the first two instances can bear the following responsibilities:

¹ Center of Official Publications, “Code of Administrative Procedures” Tirana 2013, pg.

² Albjuris, “Constitution of Albania with interpretations of the Constitutional Court”, Tirana, 2008, pg. 13.

³ “The functionaries and employees of the State and public entities are directly responsible, according to criminal, civil and administrative laws, for acts committed in violation of rights. In such cases, the civil responsibility extends to the State and the public entities.”

⁴ Mataj R. “Civil responsibility of the judge. A comparative view in the countries of the region”, Albania, Scientific Conference, “Aleksandër Moisiu” University, Durrës, P. 20. www.uamd.edu.al.

⁵ Center of Official Publications “Updated Criminal Code.-Tirana, 2013, pg. 107.

⁶ Center of Official Publications, “Code of Administrative Procedures” Tirana, 2013, pg. 5.

- Criminal responsibility for the criminal offence committed during the exercise of his duty. (Article 29);
- Disciplinary responsibility for violation of the law and the commission of acts which discredit the position and figure of the judge (Article 31);
- Civil responsibility of expulsion only in cases provided for by the law (Article 30)¹.

As a result, we can state that judges in Albania enjoy immunity against any civil suit about the exercise of their profession because no existing law provides for cases when a civil suit can be filed against a judge.

However, the single case when the judge indirectly bears civil responsibility has been specified in Article 467/a § 1 of the Civil Procedure Code “*When the decision is revoked due to non-compliance with the duties set by the higher court, without a specific decision taken in accordance with Article 467² of this Code, the Court of Appeal, upon the request of parties, can transfer the fee of all costs incurred to the relevant adjudicating body.*”

Judges of the Constitutional Court and the Supreme Court do not bear any kind of responsibility (civil, criminal, disciplinary) for their opinions or vote cast for the cases under examination, but they are criminally liable for criminal offences committed during the exercise of their duty pursuant to Article 16 § 1 of law no. 8577/2000 “On the organization and functioning of the Constitutional Court in the Republic of Albania”.

The same situation is observed in other laws: law no. 8588/2008 “On the organization and functioning of the Supreme Court of the Republic of Albania ” as amended; law no. 9110/2003 “On the organization and functioning of serious crimes courts”; law no. 49/2012 “On the organization and functioning of administrative courts and the adjudication of administrative disputes”.

The Dictionary of Albanian Language³ provides the following legal definition of immunity: “*the right of a foreign representative not be subjected to certain laws of a country; the right of a Member of Parliament or another senior official not to be criminally prosecuted or arrested without the approval of the relevant authority; impunity; inviolability*”.

¹ Article 30 “The judge is not liable in a civil suit, which relates to the exercise of his professional duties, with the exception of cases provided for in the law.”

² “The First Instance Court during the retrial is obliged to follow the decision of the Court of Appeal regarding any procedural decisions decided in that. The court, by means of and intermediate decision, may rule not to carry out specific actions, when, due to new circumstances emerging in the retrial, are deemed to be unnecessary. (Article 467 § 2, 3).

³ Albanian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, “Dictionary of Albanian Language” Tirana, 2006, pg. 403.

In the “Euralius” September 2011 report on “Immunity of judges in Albania”¹ immunity in the common law is broader than in the continental law. It implies a restriction of a legal requirement, punishment or prosecution and it is divided into: absolute immunity, i. e. total lack of liability to a law, inviolability, and relative immunity, i. e. temporary or conditional lack of responsibility to criminal prosecution. In the civil law, applicable in the European continent, immunity implies lack of liability, establishment of legal barriers against prosecution of a crime.

The picture presented above takes us to the conclusion that both in Albania and Europe, the judge bears no other responsibility except for the disciplinary one, in cases when: he takes a judicial decision wrongly, obvious and unforgivable negligence, when he takes a decision on the basis of an repealed law, when the judicial process is delayed deliberately, etc.

In conclusion, we can state that in the Republic of Albania, in accordance with the recent changes of administrative law norms, public administration and other bodies bear extra-contractual responsibility for their actions, failures to act, or other acts. This specific law in interpretation of the Constitution, the principles of the New Code of Administrative Procedures can also be applicable to the extra-contractual responsibility of public administration bodies or other public bodies.

But there are some other subjects such as: judges, president of Republic, members of parliament that do not have any administrative responsibility even if their activities cause damages to the citizens. This phenomenon may and need to change in the future in order to make this subjects more responsible for their professional acts and also facilitate the budget on compensating for their fault, the remedies of the thirds.

References:

1. Constitution of Albania, 1998.
2. Code of Administrative Procedures, 1999.
3. Criminal Code, 1995.
4. Civil Code, 1995.
5. Law no. 152/2013 “On the civil servant” as amended.
6. Law no. 9131, dated 08 September 2003 “On ethics in the public administration”.
7. Law no. 44/2015, dated 28 May 2015 “On the Code of Administrative Procedures”.
8. Law no. 8510, dated 15 July 1999 “On extra-contractual responsibility of public administration bodies”.
9. Law no. 8550, dated 18.11.1999 “On the status of the Member of Parliament”.
10. Assoc. Prof. Sadushi S., “Lectures on General Principles of the Public Administration”, “Luarasi” non-public higher education institution, Tirana, 2013.

¹ Albanian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, “Dictionary of Albanian Language” Tirana, 2006, Pg. 4.

11. Mataj R., "Civil responsibility of the judge, a comparative study in the countries of the region" Scientific conference, website of "Aleksandër Moisiu" University, Albania Durrës (2015),
12. Stavileci E. "Dictionary of administrative terms" Kosovo Arts and Sciences Academy, Prishtinë (2010).
13. Thomai J., Samara M., Haxhillazi P., Shehu H., Th.Feka V. Memisha, A. Goga "Dictionary of Albanian Language", Albanian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, Albania Tirana, (2006).

*Mehmeti Arta,
European University of Tirana
Phd Candidate in Law, the Faculty of Law
E-mail: arta-mehmeti@hotmail.com*

Topic „International criminal liability“

Abstract: International law or as otherwise called the right of peoples is a set of rules on the rights and obligations that exist between states and peoples.

The observance of certain rules and regulations by the states is old and such obligation existence dates back from the first existent states.

Adhering to the rules of international law by the states is closely associated with sovereignty. While in earlier times, sovereignty is supposed to be absolute and as a result of such approach is thought that the sovereign states can not be attributed any responsibility for actions carried (Gruda, 2007: 136), as time goes this worldview is rejected, and generally is accepted that the state can practice and enjoy its sovereignty, only to the extent not to cause harm to others.

While in the past, international legal responsibility of states is extended only to determining the cause of the damage and eventually to his compensation, in contemporary times, this attitude has changed utterly, and now this responsibility extends much farther.

Now there are ways and international mechanisms, which oblige states to behave in a certain way.

International criminal responsibility

On the establishment of international responsibility of States, a very important role have had the rules of international humanitarian law and numerous conventions have been adopted in order to humanize the action during the wars, through which was intended the introduction of human elements even during fighting with weapons and the protection of human dignity and human lives¹ and thus the defeat

¹ Marika & Zaganjori, the International Criminal Court as a significant positive development in the context of international criminal responsibility, "Legal Life", vol.1: 74.

of the principle that the purpose of war is to achieve victory and the use of any vehicle is allowed.

Since the beginning of the existence of the states, they have begun to co exist certain rules for the operation of states in relation to others. Initially, the state's actions in the international arena have been based on customary law, going on to link the various bilateral and multilateral agreements by which states are obliged to behave in a certain way, reaching to the codification of international juridical certain rules and ensuring observance and implementation of repressive measures and sanctions.

Taking a look at the evolution of international law and the development of international relations we can see how slowly the process of awareness of the states has moved and the acceptance of the reality that just like within countries there is a specific legal arrangement, as well as in international law it is necessary to exists such an arrangement, in order of the proper functioning of the world order and after the receipt of this reality, it comes to accepting reality that who must be held responsible on behalf of the states.

The history of international criminal law and international criminal responsibility

International Criminal Law as an independent discipline is more of the new times. In the past, the concept of international criminal law has not been allocated by the national criminal law.

There are authors who strands of international criminal law associate with XVI Century, while others think that the first strands are presented in the XVII Century, while others think that the first strands are presented century. XVII, respectively since Hugo Grocius postulate «Aut dedere aut punire» submit or punish.

The origin of international criminal justice is mentioned in the deep past, namely in 1474 when in Brajzah was held the judgment against the Duke of Burgundy, but the idea of establishing an international criminal court depicted the President of the International Red Cross, the swiss Gustave Moynier, who horrified by the atrocities inflicted during a Franco-German war of 1870–1871, proposed the creation of a criminal tribunal which will judge the perpetrators of such crimes¹. In the second half of the past century ie. in 1862 the German author Carl Ludwig von Bar uses the term “international criminal law”².

Looking at terms of development of criminal law, we can see that the expansion of repressive rule of the state outside the state borders appears in the XIX century, during the major codification of criminal law, which coincides with the period of intensive relations between the countries, banned earlier with static structure of feudal society

¹ Jovic, Institut za Pravo finansije: 2

² Kambovski, 1998: 19.

and underdeveloped economic relations and other relations. It is known that since the Roman law existed dual regime norms “civil jus” that was worth for the Romans and “Jus Gentium” that was worth to foreigners, which began spreading especially with the expansion of the Roman Empire. The rules for the extension of the repressive powers of the state have been determined by the character of social relations, so the territorial principle at the time of feudalism has been directly associated with the connection of leaders with land ownership.

The principle of territoriality has been dominant during medieval criminal law. So this principle in English law is accepted and deeply rooted, later even in the countries that have applied the common law system, and it is closely linked to the characteristics of the Anglo-Saxon criminal procedure. After the French Revolution bourgeois in 1789 comes to an absolute principle of territoriality under the influence of philosopher Montesquieu, Rousseau, and Becar Voltaire. As a result of such approaches, during the codification of the XIX century it was initially under the influence of thesis for absolute sovereignty which resulted in acceptance of the territorial principle, and then in the later codifications began to penetrate the other principles. Despite such access, in the Bavarian Criminal Code of v.1813, under the influence of nationalist ideas foresaw the principle of active personality but only as additional principle of the territorial principle¹. International Criminal Law marks its development especially with the introduction of the ideas and tendencies of the states and the international community in the context of opportunities to humanize the war.

With the conventions were set rules for the protection of the civilian population for dealing with the captives, how to treat the sick and wounded, also were banned barbaric ways or means of combat. The fact that this discipline is consolidated later, has also affected the country’s refusal to recognize this right, because to do so have implicit renunciation of internal sovereignty.

Also very important factor in this aspect are the subjects of international criminal law. In the process of establishing international criminal responsibility, they have had a key role norms and international legal documents for Humanity of combat actions. In the past, war was seen as a means for resolution of disputes between states, but over time the views of such began to weaken mainly from the view of the bitter reality during the combat actions and the long-term harmful consequences it leaves in any aspect. However, despite this reality it was difficult wars to be removed immediately from the practical actions of the countries, so alternative ways were found to at least those be humanized, which would contribute greatly during combat operations, and at least protect the human rights and fundamental freedoms, with actions that will contribute and also reduce the number of negative consequences of war.

¹ Kambovski, 1998: 23–24.

After completion of the IPR there were tendencies that people who committed acts contrary to the rules of the war and who severely violated customary law of war to be brought to justice and be judged, but such attempts failed due to the refusal of states to hand over the perpetrators. With the Treaty of Versailles following World War I by the Allied powers, it was decided that those persons who during the development of IPR seriously violated laws and customs of war, be put before the criminal liability and be punished.

The principal of crimes in IPR Wilhelm II couldn't even be drawn before the court because he fled to the Netherlands, which later refused to extradite on the grounds that the offenses for which Wilhelm was wanted did not constitute an offense under the legislation of the Netherlands, hile in Germany the Leipzig Supreme Court sentenced only 6 people with minimum sentences, which were never executed. However, despite the failure of this initiative, it marked a key turning point in awareness of the public opinion about the importance and the need to review the mechanisms by which it would become possible that such persons are criminally liable and punished. That became a reality after the end of World War II with the creation of the Nurenberg and Tokyo Tribunal, in which Nazi criminals and Japanese who committed war crimes during the WWII were adjudicated.

Even with the approval of many legal documents such as conventions, protocols, bilateral and multilateral agreements, as well as the regulation of this issue by criminal national law, in the contemporary world, the issue of criminal responsibility and punishment of persons who commit acts that violate the fundamental human rights or which damaged certain goods or the consequences of which cross national boundaries, has taken the right place in international law. In regard to this is the establishment of the International Criminal Court, which as a permanent judicial institution to adjudicate international crimes, also contributes to the stability and continuity of international criminal law. The development of international criminal law has been closely linked to international humanitarian law, the rates of which have played a crucial role in the establishment and strengthening of the criminal responsibility of States as well as individual entities within states. Connectivity development close to international criminal law with international humanitarian law lies in the fact that the purpose of international humanitarian law is to mitigate the consequences of the war, by restricting the means and methods, while conducting combat operations, and forcing the warring parties to save the lives of people who have come out fighting due to injuries, or captive occupancy, or who have withdrawn from participation in hostile action, and the purpose of international criminal law is precisely the responsibility of persons who during military actions violate the rules of international humanitarian law, and to create conditions for such people to answer for their actions and be punished. Given that the international criminal law is developing, it constantly expands its

scope with new uncharged criminal acts. While earlier only war crimes and actions committed during the military actions as crimes against humanity, genocide, apartheid considered international crimes, now the circle is enlarged with other uncharged. As a result of the rapid development of technique and technology as well as accelerated urbanization, industrialization, issues and actions that previously may have been difficult even to think, they are now a reality. Such findings despite the fact that greatly facilitated the lives of human beings, they also carry with them the negative sides. Through the use of this technique and technology in a negative connotation, it can be carried out criminal actions which causes damage to a large number of people in the large geographical space. Such actions by many international legal documents are provided as international crimes, such as computer crime, environmental crime, terrorism, economic crime trafficking of drugs, human trafficking, etc. In the itinerary of such international criminal law, it is no longer contentious issues of criminal responsibility and punishment of those who commit international crimes whether in times of war or in peacetime, but only a matter of time when and how the perpetrators would be punished.

Responsibility of States

International criminal responsibility is multidimensional and that in itself includes many different types and subjects who undergo this kind of responsibility. International criminal liability have states as main subjects of international law, then are ranked institutions, organizations and state bodies as well as natural persons. Initially, there was a kind of responsibility of States, which responsibility derives from various international sources. When we look at the evolution of international law, we can observe it as such has changed shape several times throughout history. In the past, independent and sovereign states are considered those countries, who have had this independence both within and outside their territory, in an outlook that such sovereign countries were free to take any action and consequently not undergone any kind of international responsibility. However, over time an outlook point is exceeded and took place the concept of limited sovereignty of states, as a result of the fact that states in the practice of their rights should take into account to not harm third parties, whether they are natural or legal persons.

In international law long ago have been consolidated rules on state liability in general, and it has already been general practice for states to respect the rules of international law as well as keep responsibility for their actions. This is the reason that states as legal entities have inalienable interact with other countries in which process can arise disputes and conflicts. For the settlement of such disputes and conflicts there are many ways and it depends on the willingness of the state or states in which case the settlement will apply. The process of awareness about the responsibility of states for their actions has moved very slowly, even more slowly has been moving the process related

to international criminal responsibility. After ascertaining the fact that states should be held accountable for actions that are contrary to the rules of international law, the next question that arises is who in the name of states must bear responsibility for this action. It is known the fact that the state as a legal political entity is composed of certain bodies through which state organs exerts their powers. Also, its bodies are run by people who as carriers of certain functions practice rights and obligation. For that reason, when we talk about the responsibility of states in international law, we should consider that the state as an institution can not be blamed entirely. This also for practical reasons, because of the fact that within the territory of certain state, lives a nation, the composition of which are people, and they as a whole can not answer because to do so would be illogical, because of the fact that part of the people there are different categories of people who on the basis of legal norms are excluded from criminal liability¹. States, from the system of international law has many benefits and as a result of adopting this functionality by the states, they are obliged to accept the obligations set by law, and to take responsibility for their actions that have an effect on international legal entities or towards the international community². Therefore, in modern penal law prevails the principle for international Criminal individual responsibility, namely the principle of collective responsibility is no longer acceptable and as a result, in modern penal law mainly in international criminal law is deeply rooted the principle of individual autonomy with the help of which the individual is free, on the basis of free will and without the influence of anyone to choose for their behavior³.

In international criminal law there is a principle that has to do with the international criminal responsibility of states ie its definition and allegedly an illegal act in international law undertaken by a state, attracts international criminal responsibility of that state. However, it should be mentioned that the state as a legal political entity, as something abstract, it can not directly perform illegal acts. For that reason, there must be rules to determine an action carried out by the state if affirmative or inaction was committed by a state. By the Commission for international law are set some rules which are all recognized by the practice of States, which determine which actions of the state can be attributed to the state:

- The behavior of state bodies, including of legislative, executive and judicial institutions at the national level or the lowest level of leadership;
- The behavior of people who are not organs of the state, but which are authorized by the state to apply elements of state authority (eg. Private security firms in connection with the actions applied in the framework of that capacity);

¹ Gruda, 2007: 138.

² Dixon & McCorquodale, 2002: 425.

³ Cassese, 2007: 33.

- The behavior of state bodies placed in another state service as the military.
- Imposed or controlled behavior by the state;
- Applied behavior by certain persons who, in the absence of official state power carry out state power elements, which may occur in states in destruction;
- The behavior of the rebels who then turn into the state government and
- Behavior known and approved by the state as its behavior¹.

This position on the definition of entities who act on behalf of states, carry out acts contrary to the rules of international law foresees most of the theories that speak for the international responsibility of states, the purpose of which is the concretization of the entities responsible for such actions, which is a way through which the real possibility against such entities applies the rules of international law. There is a continuous tendency of supplementing and enhancing the overall legal relations trying to anticipate legal rules on which will be regulated by legal norms all spheres of human life, which it contributes greatly to people's legal certainty within the territory of a state. Even in international law during its development, constantly been attempted to regulate all legal relations arising in international law, whether between physical entities of different countries, between physical entities and state institutions of the other state, between the state institutions of two or more states. Regarding to the field of international responsibility of states during the evolution of international law can see that it originates much earlier. Initially, the legal relations between states are regulated based on state customary law, respectively by repeating an action in interstate relations, such action is customary, following the connection of bilateral or multilateral agreements, between countries in order to more easily develop relations between states and the eventual settlement of disputes that may arise during the implementation of such agreements, and reaching the behavior and the adoption of various conventions and treaties of international character, which have required states to behave in a certain way foreseeing repression, compensations or different satisfaction for state transgressor of such rules. After consolidation of rules for the international responsibility of states for their actions or omissions, has born the international criminal responsibility. The idea of international criminal responsibility of individuals in the territory of another state committing illegal acts exists long ago, namely to persons who practiced piracy in the national waters of another country or on the high seas². The idea for the international individual criminal responsibility has arisen mainly as a result of progressive ideas for humane actions during the war. After completing the IPR, mainly after the end of World War II-, seeing the consequences and considering that in their development, were performed many illegal acts, inhumane acts, mass destruction, mainly from state

¹ Murphy, 2006: 181.

² Shaw, 2008: 335.

and military leaders, allied powers that emerged victorious of World War II found it unalienable that such criminals should not remain unpunished. And as a result of this the Nuremberg Court was established, which was competent to judge the criminals who committed crimes during the WWII¹. Also was seen as necessary the existing legal rules that would regulate the criminal liability of natural persons in the territory of a country- they are not citizen of, to commit crimes and to escape criminal liability by hiding in the territory of the State whose citizen they are, or in the territory of the third country with a tendency to misuse the legal rules of national law, which states foresee in order to protect its own citizens outside the state.

The establishment of the Nuremberg court or putting trial of criminals who during WWII committed crimes that violate the peace, crimes against humanity, crimes of aggression and war crimes, is a key turning point which marks the beginnings of international criminal law.

References:

1. Askin, K., War Crimes Against Women: Prosecution in International War Crimes Tribunals (Martinus Njihoff,1997).
2. Aldrich, G. H., Jurisdiction of the International Criminal for the Former Yugoslavia (1996) 90 AJIL 64.
3. Cassese, A., International Criminal Law, originally published in English in 2003, Oxford University Press, përkthyer nga gjuha angleze në gjuhën maqedone nga Vesna Kostovska, version në gjuhën maqedone – Shoqëria aksionere për botimin e titujve shkollorë dhe materialeve tjera educative PROSVETNO DELLO Shkup, shtypi – Shtypshkronja Kosta Abrash – Ohër.
4. Dixon, R., Developing International Rules of Evidence for the Yugoslavia and Rwanda Tribunals (1997) 7 Transnafl L. & Contemp. Probs. 81.
5. Dimitrijeviç, V., Hazdi-Vidanoviç, V., Jovanoviç, I., Markoviç, Z., Milanoviç, M., Haske Nedoumice – poznato i nepoznato o međunarodnom krivicnom tribunalu za bivsu Jugoslaviju, Beogradski Centar za ljudski prava, Beograd, 2013.
6. Dugard, J. & Wyngaert, Ch., International criminal law and procedure, Aldershot, 1996.
7. Yearbooks of the International Law Commission, 1950, Vollume II, Documents of the second sesion including the report at the Commission to the General Assembly, Unites Nation.
8. International Law Commission – Document A/CN.4/5-The Charter and Judgment of the Nürnberg Tribunal – History and Analysis: Memorandum submitted by the Secretary-General – Formulation of the Nürnberg Principles.

¹ Kambovski, 1998: 381.

*Tombulova Elena Georgievna,
Kuban State Agrarian University,
PhD, associate professor civil law department
E-mail: tombulovae@mail.ru*

*Kobylinский Nikita Dmitrievich,
Kuban State Agrarian University,
Student, the Faculty of jurisprudence
E-mail: nikitakob95@mail.ru*

The conciliation procedure in civil proceedings: trends

*Томбулова Елена Георгиевна,
Кубанский государственный аграрный университет
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса
E-mail: tombulovae@mail.ru*

*Кобылинский Никита Дмитриевич,
Кубанский государственный аграрный университет,
студент юридического факультета
E-mail: nikitakob95@mail.ru*

Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве: тенденции развития

В ряду важных и эффективных процессуальных средств, способствующих формированию опирающихся на закон гражданских, экономических отношений, участники которых являются одновременно и конкурентами, и партнерами, важнейшее место занимают примирительные процедуры.

Одной из задач примирительных процедур является выравнивание баланса сил между сторонами и предоставление равных возможностей всем участникам спора.

Правовыми признаками примирительных процедур является:

во-первых, то, что они используются при возникновении спора, переданного на разрешение суда;

во-вторых, осуществляются под контролем суда в соответствии с нормами процессуального законодательства, экономической и правовой целесообразностью;

в-третьих, их целью является прекращение дела путем примирения сторон¹.

¹ Бекашева Д. И. Примирительное разбирательство на стадии подготовки дела – будущее гражданского процесса/Д. И. Бекашева//Мировой судья. – 2012. – № 6. – С. 2.

Таким образом, примирительные процедуры — это установленные российским законодательством процессуальные возможности суда по содействию урегулированию переданного в суд спора путем принятия мер, направленных на окончание дела миром и прекращение производства по делу.

До недавнего времени примирительные процедуры были характерны и активно использовались только в Арбитражном процессуальном законодательстве, а именно в ст. 138 АПК РФ, согласно которой арбитражному суду вменялось право и одновременно обязанность принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора.

Урегулировать спор, в арбитражном суде было, возможно заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречило федеральному закону (часть 2 в ред. Федерального закона от 27.07.2010 № 194-ФЗ)¹.

Как видно из анализа статьи, перечень процедур применяемых в России очень скуден. К примеру, в зарубежных правовых системах Германии, Швеции, Нидерландах, США, Японии, ОАЭ, их насчитывается более 40 видов².

Кроме этого хотелось бы заметить, что заключение мирового соглашения вряд ли можно считать собственно примирительной процедурой, поскольку на наш взгляд, оно больше представляет собой конечный результат действий, а не процедуру, то есть предусмотренный законом порядок совершения отдельного процессуального действия.

На сегодняшний день российское процессуальное законодательство может использовать в качестве реальных примирительных процедур: посредничество, медиацию и другие примирительные процедуры. При этом не совсем понятно, что следует понимать под словосочетанием «другие примирительные процедуры», и главное как их применять судье в процессе по урегулированию конкретного спора?

Таким образом, в процессуальной теории и практике возникает все больше вопросов, нежели ответов, относительно применения примирительных процедур в российском гражданском судопроизводстве.

Важный шаг по внедрению в российское гражданское судопроизводство новых и активному стимулированию к применению ранее известных

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. ФЗ от 23.07.2013 № 233-ФЗ)// Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2013. № 30 (Часть 1). Ст. 4066.

² Томбулова Е. Г. Проблемы дифференциации альтернативных форм урегулирования гражданско-правовых споров/Е. Г. Томбулова//В сборнике: Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров материалы Всероссийской научно-практической конференции. Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. – Краснодар, 2015. – С. 140–147.

примирительных процедур, был сделан разработчиками «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в 2014 году¹.

Безусловным достоинством Концепции является выделение в ней самостоятельной главы 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Это, говорит о планомерной смене приоритетов государства и общества, в пользу поиска альтернативных суду способов и форм защиты нарушенных прав, свобод и интересов граждан и организаций. Тем более, что о необходимости содействовать примирению сторон в судопроизводстве в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества отправления правосудия указано в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (86) 12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой еще в 1986 году. Здесь же предложено в качестве одной из основных задач возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии судебного процесса.

17 декабря 2015 года в рамках круглого стола проводимого кафедрой гражданского процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия состоялось обсуждение «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»².

В ходе обсуждения общеизвестных российскому праву проблем процессуальных институтов, были затронуты спорные вопросы реализации примирительных процедур посредством применения на практике положений главы 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение».

Анализируя примирительные процедуры, предложенные в Концепции, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, законодателю следует подробнее остановиться на альтернативных способах и определить возможные пути поиска общих точек соприкосновения сторонами для их возможного примирения,

Во-вторых, определить возможные результаты примирения и способы их фиксации судом.

В-третьих, необходимо разработать и закрепить в кодексе общие принципы примирения. В частности, должно быть определено, что любые лица, содействовавшие примирению сторон должны сохранять конфиденциальность любой процедуры примирения (а не только, например, медиации). Кроме этого следует

¹ «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1))//СПС Консультант Плюс».

² Лескова Ю. Г. Самовольная постройка как способ возникновения права собственности по законодательству Российской Федерации/Ю. Г. Лескова, Н. Д. Кобылинская//International Scientific and Practical Conference "World science". – 2016. – Т. 3. – № 1 (5). – С. 52–54.

предусмотреть, что примирение осуществляется на добровольных началах с учетом принципов равноправия и сотрудничества.

В-четвертых, для того чтобы примирительные процедуры не использовались в качестве способа затягивания судебного разбирательства, целесообразным представляется предусмотреть в кодексе сроки проведения примирительных процедур и последствия искусственного заявления ходатайства о намерении провести примирительную процедуру.

К примеру, в качестве рычага на сторону, искусственно затягивающую судебный процесс посредством применения примирительных процедур, можно предложить использовать механизм реагирования в виде привлечения к процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами.

В-пятых, будет не лишним предусмотреть разнообразные стимулы примирения (например, в Налоговом кодексе РФ — в виде возможности возврата определенной части уплаченной государственной пошлины, если примирительная процедура увенчалась успехом).

В-шестых, не бесспорным представляется введение института судебных примирителей, в котором главную скрипку предлагают отдать судьям, ушедшим в отставку.

По нашему мнению, судьи в отставке не должны — осуществлять функции посредника-примирителя, поскольку для проведения примирения сторон не достаточно только богатого судейского опыта, необходимы специальные навыки, знания, техники и тактики ведения переговоров.

Как начинающий медиатор, я с полной уверенностью могу сказать, что без специальной подготовки проведение медиации, посредничества, примирения не возможно. Искусству медиации, ведению переговоров, примирению сторон обучают в течение двух лет, с обязательной сдачей экзамена и выдачей сертификата, дающего право на осуществление медиационной деятельности¹.

В-седьмых, незаслуженно мало раскрыт вопрос о медиации, ее участниках, правилах, процедурах, актах, правовых последствиях. По видимому разработчики Концепции полагают, что положения ФЗ «Об альтернативном урегулировании споров с помощью посредника (медиации)» дают полный ответ на эти вопросы. Но это далеко не так. Полагаю, разработчикам следует подробнее остановиться на этом вопросе.

И в заключение, отметим, что сегодня в процессуальном законодательстве пока еще нет четко обозначенной и регламентированной процедуры примирения в рамках уже возникшего процесса.

¹ Kobylinskaya S. V. The social welfare for crimean citizens/The First International Conference on Eurasian scientific development. Vienna, 2014. С. 469–471.

Не решен вопрос о характере процедуры примирения будет она добровольной или принудительной, проходить в досудебном порядке, или уже в начатом процессе по конкретному спору.

Кроме этого не решена одна из главных задач по внедрению примирительных процедур в гражданское судопроизводство, а именно формирование в стране корпуса профессиональных примирителей, посредников, медиаторов и во взаимосвязи с этим разработка процессуальных механизмов взаимодействия института посредничества (медиации) с гражданским судопроизводством.

Сегодня становится очевидным, что процессуальное законодательство (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) должны в обязательном порядке закреплять в качестве задачи гражданского судопроизводства — примирение сторон.

Список литературы:

1. Бекашева Д. И. Примирительное разбирательство на стадии подготовки дела – будущее гражданского процессе/Д. И. Бекшяева//Мировой судья. – 2012. – № 6. – С. 2.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. ФЗ от 23.07.2013 № 233-ФЗ)//Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4066.
3. Томбулова Е. Г. Проблемы дифференциации альтернативных форм урегулирования гражданско-правовых споров/Е. Г. Томбулова//В сборнике: Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров материалы Всероссийской научно-практической конференции. Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. – Краснодар, 2015. – С. 140–147.
4. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1))//СПС Консультант Плюс».
5. Лескова Ю. Г. Самовольная постройка как способ возникновения права собственности по законодательству Российской Федерации/Ю. Г. Лескова, Н. Д. Кобылинская//International Scientific and Practical Conference “World science”. – 2016. – Т. 3. – № 1 (5). – С. 52–54.
6. Kobylynskaya S. V. The social welfare for crimean citizens/The First International Conference on Eurasian scientific development. Vienna, 2014. С. 469–471.

*Shibetskaya Katerina Sergeevna,
Russian State University of Justice,
graduate student, the Faculty of Law
E-mail: 79103446992@ya.ru*

Judicial independence in criminal procedure

*Шибецкая Катерина Сергеевна,
Российский государственный университет правосудия,
магистрант, юридический факультет
E-mail: 79103446992@ya.ru*

Независимость судей в уголовном процессе

Общее положение о независимости судей, подчинении их только действующему законодательству, содержится во многих международных правовых актах, а также в статье 120 Конституции РФ. И хотя положения Конституции РФ имеют прямое действие, данное правило продублировали все отраслевые процессуальные законы. В УПК РФ принцип независимости судей был включен гораздо позднее, чем в иные процессуальные кодексы, а именно в июле 2013 года, но, не смотря на это, в текстуальном своем выражении он оказался несколько подробнее и объемнее, чем в других процессуальных законах.

Независимость судей означает, что рассмотрение и разрешение уголовных дел должно происходить в условиях, которые исключают какое-либо постороннее воздействие на данных субъектов. Вмешательство со стороны государственных органов или органов местного самоуправления, других органов или организаций, а также граждан или должностных лиц в профессиональную деятельность судей запрещается и влечет за собой установленную законодательством ответственность. В процессе рассмотрения и разрешения дел судьи не связаны мнениями участников уголовного судопроизводства и какими бы то ни было формальными доказательствами (ч. 2 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»).

Между тем судьи, нацеленные на установление истины по делу, обязаны руководствоваться действующим законодательством и применимыми к ситуации нормами Конституции РФ, прежде всего положениями главы 2, в которой закреплены основные неотчуждаемые права и свободы человека, особое значение среди которых применительно к рассматриваемому вопросу имеют право на защиту и презумпция невиновности.

В УПК РФ содержится комплекс взаимосвязанных норм, которые образуют систему процессуальных гарантий, касающихся независимости судей в процессе уголовного судопроизводства. Так, если существуют обстоятельства, которые дают основание предполагать, что судья лично, прямо либо косвенно,

заинтересован в результатах рассмотрения уголовного дела, устанавливается запрет на его участие в данном деле (ч. ч. 1 и 2 ст. 61, ст. 62 УПК РФ). Запрещается допрос судьи в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, которые ему известны стали в связи с участием в производстве по этому уголовному делу (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК); помимо этого, судья не обязывается к даче каких-либо объяснений касающихся существа дел, рассмотренных либо находящихся в его производстве (п. 2 ст. 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

Предоставить суду возможность беспристрастного и независимого осуществления правосудия призвана открытость (гласность) судебного разбирательства, обеспечивающаяся возможностью присутствия в судебном заседании граждан, не являющихся его участниками (представителей средств массовой информации в т. ч.)¹. В целях повышения доступности, прозрачности и открытости деятельности судов на основе информационных коммуникационных технологий в пределах реализации Федеральной программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»², системами видеопотоколирования судебных заседаний предполагается оснастить 1250 зданий судов общей юрисдикции, а системами аудиопотоколирования — 10600 залов.

Вышеуказанной Федеральной целевой программой также предусматривается размещение федеральных судов в таких зданиях, которые отвечали бы всем требованиям осуществления правосудия, в том числе обеспечивали возможность тайного совещания судей. Нарушение при вынесении приговора тайны совещания судей является непосредственным основанием изменения или отмены судебного решения в порядке апелляции (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), а также может выступить основанием изменения или отмены судебного решения в кассационном и надзорном порядке (ч. 1 ст. 412.9, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ).

Формирование состава суда в целях рассмотрения определенного дела производится с учетом специализации и нагрузки судей в том порядке, который исключает возможное влияние лиц, заинтересованных в результатах судебного разбирательства, в т. ч. с применением автоматизированной информационной системы. Тем не менее, стоит признать, что недостатком современного правового регулирования прав каждого лица на рассмотрение его дела тем судьей и в том суде, к подсудности которого оно отнесено процессуальным законом (ч. 3 ст. 8 УПК РФ, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), является отсутствие четкого механизма,

¹ См.: Добровлянина О. В. Правовое регулирование гласности судебного разбирательства в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 1. С. 148 – 154.

² См.: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 N 1406 (ред. от 25.12.2015) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2013. N 1. Ст. 13.

определяющего, каким судьей должно рассматриваться дело, если суд не односоставный. Как справедливо отмечает И. Б. Михайловская, поскольку распределение между судьями дел входит в сферу полномочий председателя суда, то в конечном счете их количество определяться будет его распоряжениями¹.

Применение автоматизированной информационной системы создает предпосылки для формирования беспристрастного и независимого суда², однако, оно имеет диспозитивный характер, поскольку помимо этого допускается возможность формирования состава суда и распределения между судьями дел в обычном порядке (ст. 6.2 Закона «О статусе судей в РФ»). По моему мнению, автоматизированный способ необходимо применять в императивном порядке во всех судах, за исключением односоставных.

С независимостью судей, как одним из основных принципов уголовного производства, неразрывно связан принцип свободы при осуществлении оценки доказательств. Запрет вмешательства в оценочную деятельность, например, проявляется в том, что суды кассационной, апелляционной, надзорной инстанции, при отмене приговора и направлении дела на новое судебное разбирательство или при возвращении такого дела прокурору, не правомочны предрешать вопросы, нуждающиеся в оценке по внутреннему убеждению: о недоказанности или доказанности обвинения, о недостоверности или достоверности того либо другого доказательства, преимуществе одного доказательства перед другими, о применении той или иной нормы уголовного законодательства, о мере наказания (ч. 7 ст. 401.16, ч. 4 ст. 389.19, ч. 3 ст. 412.12 УПК РФ). Те не менее, как полагает ряд исследователей, на формирование убеждения судей относительно оценки доказательств оказывать влияние могут различные тактические и процессуальные средства, применяемые как стороной обвинения, так и стороной защиты³. Однако все тактические средства влияния на формирование убеждения судьи в уголовном процессе, избираемые сторонами защиты и обвинения в ходе производства по уголовному делу, должны соответствовать целому ряду обязательных признаков: они должны быть законы; профессионально обоснованы; полностью соответствовать принятым в российском обществе нормам нравственности и морали; быть оптимальными, то есть избирательными, эффективными, своевременными⁴.

¹ См.: Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2008.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. N 370-О//СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Маслова М. В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению//Современное право. 2015. N 3. С. 93–96.

⁴ См.: Гончаров В. В. Роль этики и профессионализма в функционировании органов исполнительной власти//Современное право. 2009. N 6. С. 10–12.

В качестве еще одной гарантии независимости судей в уголовном процессе необходимо признать наличие полномочий по возвращению конкретного уголовного дела прокурору, в целях устранения препятствий для его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ). Стоит отметить, что на решение вопросов о полномочиях суда по собственной инициативе или по ходатайству стороны возвращать уголовные дела прокурору, значительное влияние оказывали и оказывают позиции Конституционного Суда РФ.

Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 2 июля 2013 г. N 16-П указал, что после выявления допущенных органами дознания либо предварительного следствия процессуальных нарушений, суд вправе принять предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры по устранению их с целью создания условий для объективного и всестороннего рассмотрения дела по существу и восстановления нарушенных прав. В таких случаях, возвращая прокурору уголовное дело, суд не замещает сторону обвинения, а лишь указывает на обнаруженные нарушения, которые ущемляют процессуальные права субъектов уголовного судопроизводства и требуют их восстановления.

На практике могут возникнуть случаи, когда суд придет к заключению, что фактические обстоятельства, приведенные в обвинительном заключении, обвинительном постановлении или обвинительном акте, свидетельствуют о наличии признаков наиболее тяжкого преступления в действиях обвиняемого, или когда в процессе предварительного слушания либо судебного разбирательства будут установлены фактические обстоятельства, способные стать основанием для квалификации деяния в качестве более тяжкого преступления. В таких ситуациях положения УПК РФ, исключающие в судебном разбирательстве возможности по изменению обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого, способны воспрепятствовать независимому и самостоятельному выбору судом норм уголовного закона, подлежащих применению.

В последнее время некоторые исследователи ставят под сомнение возможность осуществления беспристрастного и независимого уголовного правосудия по причине того, что по сути, в настоящий период одним и тем же судьей в уголовном процессе и производится судебный контроль за следствием и выносится решение по делу в судебном заседании¹. В качестве способа разрешения данной проблемы ими предлагается введение должности следственного судьи. Сторонники возрождения в Российской Федерации указанной должности утверждают то, что выполнять он будет контрольные функции за органами предварительного следствия, выступая в качестве своеобразного независимого арбитра между сторонами уголовного судопроизводства.

¹ См.: Багмет А. М., Хмелева А. В. К вопросу о реформировании следственных органов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4(21). С. 9–19.

На мой взгляд, данное обстоятельство нельзя признать в качестве серьезно свидетельствующего о необходимости содержания целого корпуса следственных судей, объем полномочий, правовой статус, подведомственность и подконтрольность которых до сих пор являются не определенными и весьма сомнительными. Возможные недостатки в деятельности судей, вовсе не являются основанием для усиления контроля за следствием, учитывая то, что назначение и выбор судьи на рассмотрение конкретного дела, от воли руководителя следственного органа или следователя абсолютно не зависят. Представляется, что более целесообразным могло бы стать внесение изменений в соответствующие регламенты работы судей, чтобы, к примеру, уголовное дело, по которому судьей решался вопрос применения к подозреваемому мер процессуального принуждения, не поступало на последующее рассмотрение к данному судье.

Итак, как мы можем убедиться, закреплению независимости судей в уголовном процессе и ее процессуальных гарантий уделено довольно пристальное внимание со стороны законодателя. Между тем, ни для кого не секрет, что на реализацию рассмотренного принципа в практической деятельности способны оказывать влияние самые различные факторы. Среди них: давление со стороны иных ветвей власти и их должностных лиц, воздействие со стороны председателей судов, квалификационной коллегии судей и т. п.

Независимость судей в уголовном процессе должна являться не целью, а средством установления в нашей стране подлинного правосудия, которое по содержанию своему гораздо более шире судебного делопроизводства. Представляется, что степень реализации принципа независимости судей всегда будет находиться во взаимосвязи с существующей в конкретный период политической и экономической ситуацией в государстве.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. //Российская газета. 1995. 5 апр.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней. Принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. //СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163.
3. Резолюция Res (2002) 12 Комитета Министров Совета Европы от 18 сентября 2002 года «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия» //СПС КонсультантПлюс.
4. Бангалорские принципы поведения судей. Одобрены Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г //СПС КонсультантПлюс.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Кон-

- ституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)//«Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
6. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 05.02.2014)//«Российская газета», N 3, 06.01.1997.
 7. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1»О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2015)//«Российская газета», N 170, 29.07.1992.
 8. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 N 1406 (ред. от 25.12.2015) О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»//СЗ РФ. 2013. N 1. Ст. 13.
 9. Багмет А. М., Хмелева А. В.К вопросу о реформировании следственных органов//Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4 (21). с. 9–19.
 10. Гончаров В. В. Роль этики и профессионализма в функционировании органов исполнительной власти//Современное право. 2009. N 6. С. 10–12.
 11. Добровлянина О. В. Правовое регулирование гласности судебного разбирательства в российском уголовном процессе//Актуальные проблемы российского права. 2015. N 1. С. 148–154.
 12. Маслова М. В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению//Современное право. 2015. N 3. С. 93–96.
 13. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2008.
 14. Новолодский Ю. М. Троянский конь объективной истины и «беспредель» судебного разбирательства//Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2014. N 4. С. 157–165.
 15. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. N 16-П //«Вестник Конституционного Суда РФ», N 6, 2013.
 16. Определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. N 370-О//СПС «КонсультантПлюс».

Contents

Section 1. Study of art	3
<i>Omelianenko Oxana Vladimirovna</i>	
German expressionism and creativity P.W. Fassbinder	3
Section 2. History and archaeology	9
<i>Semashko Nadezhda Konstantinovna</i>	
The women's department in the territory of Western Belarus in 1946–1954 years	9
Section 3. Cultural studies	15
<i>Vasiliu Elena</i>	
The story behind Tagore's short stories	15
Section 4. Pedagogy	22
<i>Akhmetzhanova Gulmira Amangaliyevna</i>	
Communicative approach to the teaching of foreign languages	22
<i>Beletskaya Elena, Ivanova Tatyana, Meshkov Viktor, Uvarova Tamara, Shchennikova Diana</i>	
Organizational-pedagogical conditions of development of children's health camp in contemporary socio-cultural situation	24
<i>Belina Elena Vladimirovna</i>	
Strategy of reading and literary development of the younger school student at the initial stage of literary education	30
<i>Vedernikova Lyudmila Vasilyevna, Elantseva Svetlana Aleksandrovna, Povoroznyuk Olga Alekseyevna</i>	
On educational institution's readiness to the network collaboration as a condition of training a creative professional teacher	34
<i>Zhakupbekova Saule, Dyusembinova Raifa</i>	
Relevance of education problems in the development of modern society	39
<i>Kudaibergenova Kulzada Sayakovna</i>	
The principles and laws of development of competence as pedagogical category	44
<i>Lichman Lada Yuryevna</i>	
Building foreign language competence in multi-paradigmatic education space	51
<i>Issabekova Saule, Sarsenova Anar</i>	
Education in foreign language within multicultural society of Kazakhstan	54
<i>Suleimenova Kymbat Kasymovna</i>	
Features of the integrated lessons in the technical university	67

<i>Khimmataliev Dustnazar Omonovich, Faizullaev Rustam Khamraevich, Mukumova Dilrabo Inatovna, Sayfiyeva Yulduz Uktam kizi, Makhmudova Zebiniso Otakul kizi</i>	
The importance of problem-modular training in the educational work with future teachers of vocational training universities	71
<i>Ismailova Zuhra Karabaevna, Khmmataliev Dustnazar Omonovich, Lapasov Jasur Alimzhanovich, Usmanova Khursanov Mahmud kizi, Belgibaeva Nilufar Kodirali kizi</i>	
Role of teaching technology training tiered seating in modern vocational education	76
Section 5. Political science	80
<i>Dogaru Cosmin Ștefan</i>	
A German prince on the Romanian throne — a pillar for the consolidation of the state in the years 1866–1914.	80
<i>Pelevina Ekaterina</i>	
Information cyber threats.	86
<i>Telyatnik Tatiana Evgenievna</i>	
Political communications in formation and development of civil society	91
<i>Tkacheva Anna Yurievna</i>	
The formation of political values of the Russian youth in modern conditions of social changes.	96
Section 6. Regional studies and socio-economic geography	102
<i>Chugunova Nadezhda Vasilievna, Polyakova Tatyana Anatolievna, Ignatenko Svetlana Anatolievna, Likhnevskaya Nadezhda Vladimirovna, Komkova Anna Igorievna</i>	
Social spatial processes in the systems of settlement of the Belgorod region under the conditions of globalization	102
Section 7. Sociology	109
<i>Ibraeva Aizat</i>	
Social trust as the state cohesion factor.	109
<i>Kovalenko Alla Anatolyevna, Suhoveeva Natalia Demyanovna, Chirkov Alexander Nikolaevich, Chirkova Ekaterina Aleksandrovna</i>	
Social policy and administration in modern conditions	114
<i>Krivorotova Tatyana Anatolyevna</i>	
Ethnosocial component of regional space as vector of development of public processes	123

Mclean Natalia

Quantifying community bonding: data modeling of
online interactions in a group context.127

Meizhys Iryna, Kalashnikova Liudmyla

Features of the implementation of the European educational
standards in the Ukrainian society.132

Sarakaeva Asia, Lebedeva Irena, Bicharova Maria

Socio-political stratification of ruling elite and mechanism of
decision-making in the medieval heroic epic «The Nibelungenlied»137

Section 7. Philology and linguistics.143

Israilova Nigora Hudaberdiyevna

Der Einfluss des Englischen und Amerikanischen
auf die deutsche Sprache.143

Karasova Diana Alikivna, Okunkova Lilia Oleksiivna,

Otroshchenko Valeriia Kostiantynivna, Protopopova Kateryna

Oleksandrivna, Okunkova Yelyzaveta Oleksandrivna

Ways of translating of onomastic xenonyms through cultural aspect.147

Kononova Svetlana Yurievna

The adjective *varm* in the metaphorical expressions in Swedish151

Matqosimova Mohira Erkinbek qizi

Wenn aus Sprache Kunst wird — Konkrete Poesie.158

Petrov Vasily Borisovich, Petrova Elena Dmitrievna

Mikhail Bulgakov and the psychology of the creative process164

Petrov Vasily Borisovich, Chernykh Oksana Pavlovna

Artistic-philosophical system Mikhail Bulgakov169

Sazhina Maria Alexandrovna

Die Besonderheiten der Kategorisierung des Naturraums in der
modernen deutschen Sprache (aufgrund des Buches von Heinrich
Hofmeister „Ökologie de Wälder“)175

Tarasova Yelena Vladislavovna

Speech accommodation theory as a methodological framework for
exploring interactive discourse180

Chukenaeyeva Gulim

Theoretical foundations of ekolinguistic monitoring184

Section 8. Philosophy191

Bondarenko Natalia Grigorievna, Bunina Aksana Fedorovna,

Vasilyeva Inna Anatolyevna, Titenko Yulia Aleksandrovna

Freedom and law in the context of socio-philosophical reflection191

<i>Garanina Olga Denisovna</i>	
Social regulation of activity: from motive to action	196
Section 9. Economics and management	202
<i>Kalmakova Dinara Tanatkyzy, Kazbekova Zhanat Beketovna</i>	
Assessment of tax potential: methods based on indicators of economic income	202
<i>Kogotkova Irina, Guseva Maria, Brikoshina Irina, Khalimon Ekaterina</i>	
The analysis of problems of lean-management projects implementation in Russian companies	211
<i>Krashennikov Nikolay Valeryevich</i>	
The model for stress-testing of the credit portfolio on loans to individuals	216
<i>Maslova Alexandra Evgenievna, Timyasheva Ekaterina Tikhonovna, Nikishin Alexander Fedorovich</i>	
The organization of purchasing work in distribution networks	222
<i>Mukhina Maria Mikhailovna</i>	
The problem of illegal use of a trademark for maintaining the business image of trade organization	224
<i>Cheberyako Oksana Viktorovna, Ryabokon Oksana Aleksandrovna</i>	
Foundations of the fiscal decentralization in Ukraine	226
Section 10. Science of law	232
<i>Abdullajonova Gulirano</i>	
Importance of social psychology for the legal science	232
<i>Malinovsky Oleg Nikolaevich</i>	
To the question of generally recognized principles and norms of international law and international treaties action in the legal system of Russia	236
<i>Mataj Rezarta Judge</i>	
Excluded entities from administrative responsibility in Albania	241
<i>Mehmeti Arta</i>	
Topic „International criminal liability“	250
<i>Tombulova Elena Georgievna, Kobylinskiy Nikita Dmitrievich</i>	
The conciliation procedure in civil proceedings: trends	258
<i>Shibetskaya Katerina Sergeevna</i>	
Judicial independence in criminal procedure	263

Scientific publication

The Seventh International Congress on Social Sciences and Humanities

Festschrift

Signed in print

Put into production

Format 60x90/16. CONV. PEC. L. 11.

Edition of 500 copies.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by "East West" Association for Advanced Studies and Higher
Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Am Gestade 1, 1010 Vienna, Austria

info@ew-a.org, www.ew-a.org